

1989

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ქართული ლიტერატურა

ქართველთა სამხატვრო

იმერეთის, ახლოს, მდებარე სოფელში
 სახლი უნდა იქნებოდა, უფროსად „სოფელი“
 ყველა მსახურსა თანა ისახებდა ყველაზე
 — ხოლო მათთვის სდებოდათ მიწა?

ეს ყველაფერი იმდენად ადვილად თანა-სა-
 დე, ანაზღაურად ანაზღაურად ხედავდა — ზღაპრად —
 — უფრო ვიფიქროვებ გულგახედილად...

ეს ახლა დავიხსენებ სახლი ქართველთა
 ბიძას იმდენად, ბიძადად იმდენად რაღაც
 დროს ეს სიტყვა, შემოვიღებ ეს ყველაფერი
 ბიძასთან — ეს ბიძა, ბიძასთან მიწა
 ბიძა

ბიძა
 ბიძა
 ბიძა

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- Морис ПОЦХИШВИЛИ. Стихи. Переводы
Яна Гольцмана, Юрия Юрчен-
ко 3
- Рамаз КОБИДЗЕ. Приключения Бакара Ан-
дзавели. Роман. Окончание. Перевод
Игоря Калашьяна и Юрия Чей-
швили 6
- Герцель БААЗОВ. Стихи. Перевод Натана
Баазова 47
- Марина КУДИМОВА. Стихи 50
- Соломон САМХАРАУЛИ. Рассказы. Пере-
вод Наны Двораковской 51
- Вахтанг АХВЛЕДИАНИ. Два этюда. Перевод
автора 119
- Глан ОНАНЯН. Стихи 124

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Тамаз ВАСАДЗЕ. Разрушение лживого мифа 128
- Зураб ГАМЕЗАРДАШВИЛИ. Где вы, герои
нашего времени? 141

10

Издательство ЦК КП Грузии, Тбилиси

Журнал выходит с июня 1957 года

ЛИЧНОСТЬ И ВРЕМЯ

- Реваз БАРАМИДЗЕ. Столп грузинской философии 155
- Роман МИМИНОШВИЛИ. «Должник» 162

Трибуна писателя

- Чабуа АМИРЭДЖИБИ. Точка зрения. Перевод
Наны Двораковской 163

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

- Борис ЗАХАРЬИН, Александр ПЯТИГОР-
СКИЙ. Философские идеи Махатмы Ган-
ди. Вводная статья Мераба Мамар-
дашвили 179

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

- Револьт ПИМЕНОВ. Памяти Симона 199
- Любовь КРАВАЛЬ. Тифлисский визит 205
- Леван ДОЛИДЗЕ. «Всех богатств добытых
лучше добыванье доброй славы» 212

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- Спартак РЕХВИАШВИЛИ. Руставели звучит
на кабардинском и балкарском 220
- Хроника 198

* На 1-ой стр. обложки: фрагмент рукописи Герцеля Баазова.

061935020
81220110333

Причина пения

Все же не каждый
умеет плакать,
поэтому некоторые
поют.

Собачья жизнь

Когда царит беспамятство зимы,
Когда течет метельная безмерность,
Все то, о чем позабываем мы,
Собаки помнят, сохраняя верность.

Когда не помним вовсе ничего
И чернотравьем поросла дорога, —
Собака помнит друга своего,
Не забывает старого порога.

Когда коварство искушает нас,
Когда злосчастье ломит наши плечи,
Одни собаки могут в горький час
Утешить, обогреть по-человечьи.

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

После оплакивания

Древо желания скоро и странно
Гасит листву. Увядание в силе.
Тот, кто при жизни терпел непрестанно,
Все что угодно стерпит в могиле.

Вышел на свет — пропадаешь на свете.
Сгинул — другие отправились следом.
Разве, скажи, испугается смерти
Тот, кому страх перед жизнью неведом?

Чтоб услышали живые

Не оскорбляйте смерть:
рано или поздно,
каждого в свой черед
примет ее постель.

Семь красок для воспоминания о Рено Туркиа

И, краски выжав на ладонь,
Пытаюсь вновь с тобой прощаться...
...Я видел, как бледнел огонь
И в серый пепел превращался.

Пока огонь горит, — живем
Созвучьем, цветом, ритмом...
Измучен, но — непобежден,
Ты вновь склонялся над палитрой.

Все понимая хорошо, —
Ты улыбался мне при встрече;
Был восковым карандашом
Уже твой контур обесцвечен...

И твоим пламенем — мою
Больную душу опалило:
Как будто в чем-то обманул
Тебя — так горько,
стыдно было...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

И — бьется бабочка в окно,
И гаснет свет — последний, желтый...
...Ты Грузию искал, Рено, —
И Грузию свою нашел ты...

Могли ли дома удержать
Тебя немые стены эти?!
И где теперь тебя искать —
В Колхиде или в Хевсурети?..

Темнеет старое вино, —
Но ты ко мне зайдешь едва ли...
А может быть, сейчас, Рено,
Ты поднимаешься в Чаргали...

...Вновь, краски выжав на ладонь,
Пытаюсь я с тобой прощаться...
Я видел, как бледнел огонь
И в серый пепел превращался.

Твой «Иоанн» — в слезах — поник,
И «Шушаник» — в слезах — поникла...
В последний раз — в последний миг —
Ты вновь склонился над палитрой.

Прощай. Не каждому дано
Сгореть в огне священном этом...
Ты славил Грузию, Рено, —
Ее героев
и поэтов!

Перевод Юрия ЮРЧЕНКО

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАКАРА АНДЗАВЕЛИ

Роман

Глава седьмая

— Я думала, вы, ученые, относитесь друг к другу с большим уважением. Елена Долаберидзе, моя коллега, как достанет хотя бы десять граммов розового масла, половину — не дожидаясь просьбы — присылает мне. Ее сын на собственной машине привозит. А этот даже в кабинет к себе не впустил. Брали бы пример с нас, простых смертных, достопочтенные ученые, поучились бы вежливости.

Леокадия остановилась в дверях своей комнаты и устремила на супруга надменно-презрительный взгляд.

Онисифорэ в шутку называл эту комнату «кабинетом Леокадии», и шутка эта была не так уж далека от истины. В этой большой квадратной комнате, украшенной персидскими коврами и пропитанной ароматом дорогих мазей, Леокадия принимала пациенток и, в зависимости от социального и общественного положения пациентки или ее супруга, угощала ее или бразильским кофе или перуанским, а то и вовсе отечественным растворимым. Случалось даже, что Леокадия сухо-любезно предлагала пациентке обыкновенный грузинский чай, да и то, когда та, уже одетая, прощалась в дверях с Леокадией.

— Может, выпьете чашечку чая?

— Нет, спасибо, я спешу. Дети дома ждут, да и Абесалом вот-вот должен вернуться.

Окончание. Начало см. в №№ 8, 9.

— О-о, тогда другое дело! Мужья любят, когда жены встречают их дома. Такова наша участь. До свидания, дорогая!

Но такое случалось редко. Гораздо чаще пациенты в кабинете Леокадии угощались кофе по-турецки.

Онисифорэ крайне редко бывал допущен в «кабинет Леокадии». В свое время Леокадия категорически заявила мужу: «Довольствуйся тем, что я верная жена и зарабатываю раз в пять больше тебя. А здесь появляйся как можно реже! Ты ведь у меня такой воспитанный, ввалишься без стука, а на кушетке в это время может лежать моя пациентка в чем мать родила. Не запирайте же каждый раз двери! У тебя есть свой кабинет, там и сиди. Может, мне хочется выпить кофе с подругами, посплетничать? Не все время же работать!»

Леокадия и сейчас не собиралась впускать Онисифорэ к себе в кабинет.

— Ну, не принял меня этот стервец, не удостоил такой чести, не вешаться же мне теперь из-за этого.

— А та, пришибленная, — кто она была?

— Откуда я знаю? — Онисифорэ догадался, какую «пришибленную» имела в виду Леокадия.

— На все у тебя один ответ — «не знаю»! Кое-что не мешало бы и знать! Открой глаза, так и будешь бродить всю жизнь вслепую, шаря перед собой руками?!

— Леокадия!

— Ладно, хватит. Отныне мне нет дела до твоей докторской. Про этого Сумелджи все говорят, что ума он необыкновенного, ночи напролет сидит и то ничего не добился, где уж тебе.

— Леокадия!

— Хороши вы, нечего сказать! Тесно вам под солнцем, что ли? Не ты ли говорил мне, что у грузин целых три разных алфавита? Нас в Тбилиси пятьсот массажисток, и то мы не мешаем, но даже наоборот, по мере возможности помогаем друг другу, а вы двое не можете договориться по-хорошему? Раз есть целых три алфавита, пусть один алфавит исследует он, а другой — ты. Мы, например, так и делаем. Ни одна массажистка никогда не позволит себе переманивать к се-

бе мою клиентку. Потому что мы — порядочные люди и не лишены благородства. А вы? Вы даже в кабинет тебя не впустили. Если у тебя душа болит за науку, не мог схватить эту дрянь и вышвырнуть ее в окно. Ученого не пустила к ученому! Эх! Что тут говорить! Сиди, балдей над своими книгами. Перед уходом на лекцию можешь зажарить себе яичницу...

Онисифорэ уж и не помнил, когда ел в последний раз яичницу, да еще собственного изготовления. Но делать было нечего.

* * *

Онисифорэ в ту ночь спал плохо, вернее, не спал совсем. Лежал один в темной комнате, одолеваемый тяжелыми думами.

«Леокадия во многом права. Сумелджи и его благоверная вели себя просто безобразно. Выходит, все открытия в науке должен сделать именно Сумелджи Кикнавелидзе, больше никому. Заглавное письмо, церковная азбука, гражданская — все его вотчина, на все наложил лапу. Ну и ладно, черт с ним! Жадному не будет удачи! Призналась же его твердокаменная супруга: «Никак не удастся сформулировать ситуацию абстрагирования». Скажи, пожалуйста, абстрагирования! Посмотрим еще, удастся ли вообще что-нибудь сформулировать. Не соизволила впустить нас в кабинет к своему супругу, почтеннейшая, а может, у меня есть ценные сведения для него, откуда вы знаете, что я пришел с пустыми руками. Они, видимо, считают так: Сумелджи, и никто другой, все откроет, все установит, во всем разберется. В добрый час, господа! Онисифорэ может и подождать. Благодарение богу, я не голоден, надо мной не каплет, да и уважения в обществе мне не занимать».

Затем Онисифорэ перенесся мыслями в Анчисхати. Глупо, конечно, — какое отношение может иметь этот старик к созданию грузинского алфавита? Разумеется, никакого! Однако Бакар Андзавели совсем не похож на сумасшедшего. Мало того, он даже с хитрецой! Как ловко, не моргнув глазом, вывернулся: я, говорит, пошутил с Онисифорэ. Разве помешанный сумел бы так непринужденно слукавить? Никогда! Между тем

тогда, в Марнеульском лесу, Бакар не шутил, нет, не шутил, он определенно верил сам тому, что говорил. А как он вострепнулся, увидев надпись на вывеске! И в истории с этим Буйглишвили держался очень достойно. Хотя Онисифорэ слышал, что иной душевнобольной сегодня ведет себя вполне разумно, как совершенно нормальный человек, а завтра, глядишь, на него накатило, послезавтра он опять в здравом уме а там опять буйствует, гоняется за своими близкими с топором, бьет и ломает все вокруг. И так без конца. Пока в самом деле не покалечит кого-нибудь, тогда его, наконец, запрут в психушку. Неужели и Бакар именно такой сумасшедший?

Черт его разберет!

Ладно. Оставим в покое Бакара. Допустим, он действительно ненормальный. Ну а тот, другой, что ворвался как ошалелый? Он-то чего попер на нас: Бакар, дескать, никуда отсюда не уйдет, Бакар должен оставаться здесь, вдруг Бакар мне понадобится, где тогда его искать? Какое его дело, где ночевать Бакару? Чего он сторожит старика, боится упустить из виду, почему он должен его искать, если вдруг потеряет. Или он тоже сумасшедший? Что это все сумасшедшие собрались в каморке Мераба Андзавели? Тоже нашли покой. И где это видано, чтобы буйные помешанные свободно разгуливали по городу! Зря, что ли, отгрохали такую психиатрическую лечебницу? И откуда у Сумелджи Кикнавелидзе деньги, чтобы приставить соглядатая к какому-то старому шизофренику. А главнсе, он, Онисифорэ Гивисванидзе, хоть убейте, не поверит, что этот наглец — действительно сумасшедший. Ни капельки не похож он на сумасшедшего! Что же касается второго, то тут все ясно как божий день. Грубиян, неотесанный мужлан — это да! Но сумасшедший?! Онисифорэ не психиатр, однако ненормального распознать не так уж трудно. А этот просто невежа и нахал, и больше ничего.

Так. С этим тоже разобрались. Ну а сам Мераб Андзавели? Он-то чего заупрямился? Почему не хотел расставаться с Бакаром? Неужели за два дня успел так полюбить своего помешанного родственника (родственника ли?), что не согласен отпустить его даже в

гости? И как они умещаются в этой конуре? Там и спать-то вдвоем негде. Кстати, Леокадия ведь и Мераба тоже приглашала в гости. И все-таки — ни за что! Почему бы это?

Долго Онисифорэ ворочался в постели, долго ломал голову, но так и не нашел ответа на этот вопрос. Утром он встал разбитый, невыспавшийся, ощущая свинцовую тяжесть во всем теле. А тут еще Леокадия нанесла ему неожиданный удар.

Онисифорэ сидел за столом и рассеянно перелистывал книгу. Дверь отворилась, и в комнату ввалился франтовато разодетый Гурамчик.

— Онисифорэ! Ку-ку! — Гурамчик неуклюже изогнулся в поклоне, состроив глупую рожу.

— Чего тебе?

— Есть заявление. Mamочка больше не дает мне денег. Если и дальше так будет...

— Вот, возьми пять рублей.

— Сколько?! — Гурамчик изумленно вскинул брови, взял пятирублевку двумя пальцами, поднес ее к окну и стал разглядывать на свет.

— Больше у меня нет. Сторублевки требуй у той, которая посадила тебя на голову.

— А что, у тебя денег меньше, чем у мамочки?

— Намного.

— Онисифорэ!

— Так с отцом не разговаривают.

— Дай деньги и... тогда — знаешь, что будет тогда? Тогда, папочка, я перестану кривляться.

— Я тебе уже дал.

— Это деньги?!

— Больше у меня нет.

— Почему, папочка? Чем ты хуже других?

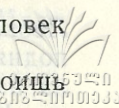
— Других? Кого это?

— Ну, скажем, Жоры Сивсивадзе.

— Жора Сивсивадзе получил двенадцать лет. Не слыхал? Эх, ты!

— Слыхал. А ты, папочка, не слыхал: Жора уже что? — вышел! Жора уже работает где? — на кафедре!

— Неужели?!

— Именно. Его простили. Вернее, один человек простил.

— Эх! Сукин сын! И зачем ты сидишь тут, строишь из себя дурака.

— Знаешь что, папочка?

— Что?

— Ты добрый папочка, я золотой сынок. Будем здоровы! Ура-а!

— Отвяжись.

— С удовольствием. Самому надоело. — Гурамчик вздохнул и посерьезнел: — Давай деньги!

— Я тебе уже дал, больше у меня нет.

— Ты вынуждаешь меня продать машину.

— Продашь, когда купишь на свои деньги.

— Повторяю, гони деньги, а то загоню машину!

— Вы только посмотрите, как обнаглел! Вот что, Гурамчик...

Гурамчик вскочил и пулей вылетел из комнаты.

Онисифорэ кинулся к окну. Однако Гурамчика уже и след простыл.

— Продаст! — Онисифорэ покрылся холодным потом. — Опозорит меня! Безмозглый мальчишка, ни стыда у него, ни совести! Пойдут по городу разговоры, что Онисифорэ стал торговать машинами, жена тысячи загребает, а ему, жадине, все мало.

Это было уж слишком. Онисифорэ нарушил традицию, он решительно забарабанил в дверь кабинета Леокадии и влетел, не дожидаясь, пока его впустят. С кушетки, испуганно вскрикнув, вскочила обнаженная до пояса молодая женщина, несколько полноватая для своих лет. Она прикрыла полотенцем грудь, но Леокадия небрежным движением руки велела ей ложиться снова. Видимо, это была одна из «чайных» клиенток.

— Повздорили? — Леокадия, играючи, перебросила из одной руки в другую баночку с какой-то мазью.

— Грозился продать машину.

— Ну и что?

— Сел и умчался! Не знаешь, что ли, своего драгоценного сыночка!

— Куда же его черти понесли?

— Откуда я знаю!

— Ладно. Выйди! И не забудь закрыть дверь. —

Леокадия переложила баночку в левую руку, а правой подняла трубку телефона и, держа трубку в руке, стала набирать номер. — Говорят тебе, иди.

Кому позвонила Леокадия, как напала на след сына — это для Онисифорэ навсегда осталось тайной. Как бы то ни было, к обеду «Вольво» уже въезжала во двор. Гурамчик вышел из машины и направился напрямиком в мамин кабинет, куда, в отличие от Онисифорэ, он всегда имел свободный доступ и вроде бы никогда не вспугивал клиенток Леокадии. А если и случалось иногда такое, то Онисифорэ о том ничего не было известно. Вообще Онисифорэ понятия не имел, что происходило в его семье, ибо семья была расколота на два лагеря, и между отцом и сыном постоянно находилась могучая, неприступная фигура Леокадии.

Через час Гурамчик опять сбежал по лестнице, рванул, как бешеный, машину с места, оставив за собой клубы голубого дыма. Но, садясь в машину, прежде чем захлопнуть дверцу, посмотрел на стоявшего у окна отца, соорудил ему рожу и высунул язык.

«Большой дипломат, — подумал Онисифорэ, — вроде бы гримасничает, язык высовывает, но не хамит, не сжигает за собой мосты. Если придется туго, опять прибежит ко мне, как нынче утром. Эх, кабы знать, что из него получится».

У Леокадии опять «разболелась голова».

— Сына небось накормила вкусным обедом? — Осмелился выступить Онисифорэ.

Леокадия ничего не ответила и заперлась в своем кабинете. Но только Онисифорэ принялся за яичницу, как Леокадия вошла в столовую.

— К Гулчине зря не ходи, не стоит. Толку от этой дуры не будет, — холодно сообщила она мужу.

— Почему?

— Знаю, раз говорю. Она невестка Чантуришвили.

— Какого Чантуришвили?

— Министра! И его не знаешь?

— Ну и что же?

— В институт ее пристроили. Целый год тему для нее искали. Она капризничала: то не хочу, это не хочу, это не соответствует моим склонностям. Наконец выбрала. С тех пор прошло семь лет. Одним словом,

ни черта не делает, только зарплату получает. Мало вас таких, что ли?

Нет, определенно в телефоне Леокадии гнездилась нечистая сила!

— Значит, опять идти к Сумелджи? — вслух спросил себя Онисифорэ.

— А где твое самолюбие?

— Что же делать?!

— Не знаю, сам решай. Я объяснила тебе, как поступают порядочные люди. Больше ничего не скажу. Мне достаточно и того, что я жена доцента. Ни отец, ни дед мой не были ни академиками, ни докторами наук.

Леокадия опустила шторы и вышла.

Нет, Леокадия, конечно, молодец, горой стоит за семью. Вот и этого беспутного Гурамчика прибрала к рукам, утихомирила. Если бы не она, неизвестно, кто бы сейчас вертел на пальце ключи от его автомашины. И все же невозможно понять этих женщин. Поди-ка догадайся, когда они говорят искренне, а когда притворяются. Семь не то восемь лет пилила: защити да защити докторскую. Слышать ничего не хотела. А теперь... теперь вдруг запела по-другому: черт с ней, с докторской, мои предки тоже не были академиками. И тут же развела всю подноготную Гулчины. А к Сумелджи не велела больше ходить, вспомнила вдруг про самолюбие.

Да, женщины непонятные существа.

По правде говоря, Онисифорэ давно охладел к своей докторской диссертации. Он проштудировал массу книг, некоторые чуть ли не вы зубрил наизусть, но озарения так и не дождался: ни одной оригинальной, самостоятельной мысли не пришло ему в голову. Да и к тому же, какое время в конце двадцатого столетия вести антирелигиозную пропаганду! Кто верует в Бога, с ними уже ничего не поделаешь. Это в конце концов личное дело самих верующих. Умнейшие головы, прославленные на весь мир, не убедили их отказаться от своей веры, где уж тут Онисифорэ Гивисванидзе добиться успеха.

Нет, не подумайте, что Онисифорэ такой наивный. Он прекрасно знает, что достаточно с грехом пополам

исписать триста страниц, сопроводить текст множеством ссылок и сносок, привести солидный список использованной литературы, отпечатать все это на хорошей белой бумаге (да чтоб машинистка была толковая) — и если члены ученого совета хорошо относятся к тебе, как к настоящему товарищу, доброму, отзывчивому человеку, то докторская степень тебе обеспечена. Примут во внимание возраст, стаж работы, заслуги...

Онисифорэ все это отлично понимает, знает он и то, что ученый совет института будет на его стороне. Они не откажут ему в присвоении докторской степени, ну какой бессовестный проголосует против, ведь каждый член ученого совета не счесть сколько раз наслаждался произведениями кулинарного искусства Леокадии под гостеприимным кровом Онисифорэ Гивисванидзе. И вообще все обычно избегают опускать черный шар: никто не хочет наживать себе врагов, ибо хотя голосование и тайное, но каким-то образом становится известно, кто опустил белый шар, а кто — черный.

Нет, Онисифорэ твердо рассчитывал на благоприятное решение ученого совета.

Но это ведь вовсе не единственный путь к получению ученой степени.

Ученой степени можно добиться и в результате добросовестной исследовательской работы. Примеров тому множество. Есть же доктора наук, о которых даже злейшие враги не посмеют сказать, что ученая степень ими не заслужена, или, еще хуже, что диссертации за них писали другие. Онисифорэ предпочел бы быть в числе именно таких докторов наук. Почему? Кто знает! Что ни человек, то характер. Кому нравится поп, кому попадья, а кому попова дочь.

Так что...

Установить, кто был создателем грузинского алфавита, — это действительно стало бы важным открытием, всем на зависть. Не зря Сумелджи Кикнавелидзе занимается поисками, не жалея сил. А эта тайна, скрытая под покровом вековой пыли, ждет своего часа. И вот, в один прекрасный день Онисифорэ отряхнет, нет, бережно сдует наслоившийся прах и пепел, бла-

гоговейно прикоснется к многовековой тайне, сделает разгадку ее достоянием человечества. И тогда...

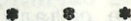
Никто не смеет помешать Онисифорэ! Он никогда не был жадным и сейчас не опозорит свое доброе имя. У грузин два или даже три алфавита? Отлично. Создателя одного алфавита предоставим искать Сумелджи, а второй достанется на долю Онисифорэ. Магда, по-видимому, будет до гроба верной подругой Сумелджи, даже если он ничего не добьется. А Леокадия — женщина совсем другого склада. Нет, Онисифорэ вовсе не думает, что Леокадия в самом деле станет разводиться с ним. Во-первых, это связано с разделом дома и имущества, а все оформлено на имя Онисифорэ. Не сможет же Леокадия заявить на суде, что зарабатывала намного больше мужа, а фининспектору давала взятку, чтоб он не совался в ее дела. И потом, допустим, они разойдутся, уверена ли она, что сумеет выскочить замуж за доктора наук или академика? Леокадия, что и говорить, женщина красивая, холеная, хорошо сохранившаяся, но все же уже немолодая. Доктора наук и академики — все женатые, и трудно себе представить, что кто-нибудь из них, потеряв голову из-за Леокадии, бросит семью. Эти люди очень дорожат своей репутацией. Еще не было случая, чтоб доктор наук разошелся с женой, а об академиках и говорить нечего. Развод с женой, разрыв с семьей — такие шалости позволительны лаборантам, ну, может, еще кандидатам наук, но не более.

Однако Леокадия строго-настрого запретила Онисифорэ вторично наносить визит Сумелджи.

С одной стороны, в самом деле неудобно. В науке всякое случается. Не раз бывало, что человек, сам того не ожидая, вдруг делал огромное открытие. А что если Онисифорэ опередит, обойдет Сумелджи? Или, допустим, Онисифорэ, исследуя истоки гражданской азбуки, неожиданно обнаружит создателя церковного письма? Или, наоборот, приступит к изучению происхождения церковного письма, а нападет на след создателя гражданской азбуки? Тогда весь мир обвинит Онисифорэ в том, что он вырвал научное открытие из рук Сумелджи Кикнавелидзе. А Онисифорэ твердо следовал принципу — живи и давай другим жить. Нет, никогда Они-

сифорэ не становился никому поперек дороги. И потом, разве виноват Сумелджи, что Магда не впустила Онисифорэ к нему в кабинет? Может, он и не узнал об их визите. Хотя, с другой стороны...

Чем больше думал Онисифорэ, тем больше терялся, не в силах принять окончательное решение. Вообще-то спешить было незачем. Сумелджи еще далеко до успеха, это и жена его подтвердила.

В доме Гивисванидзе воцарились холод и напряженность. Леокадия упорно не замечала мужа. Приятные перемены произошли только в тот вечер, когда к Леокадии пришли в гости двоюродные братья. Леокадия, не намереваясь выставлять напоказ перед родственниками семейные неурядицы, закатила роскошный ужин и первая подняла бокал шампанского.

— В своем доме Онисифорэ всегда руководит застольем. Сейчас он, правда, несколько утомлен, все силы отдает научным исследованиям, но ничего! Ну-ка, дорогой! Порадуй нас!

— Просим, просим нашего дорогого Онисифорэ! — зашумели гости. За столом, ломившимся от изобилия, сидело двенадцать человек — двоюродные братья привели с собой детей и даже одного маленького внучка.

Онисифорэ воспрянул духом: в семье вновь мир, любовь и согласие. Он велел подать рог и провозгласил тост за здоровье хозяйки, за «мою и вашу дорогую Леокадию, красу и гордость всей семьи, воплощение доброты и благородства». Выпить он, правда, извинившись, отказался и протянул рог племяннику Митуше:

— Митуша, прими!

Шестнадцатилетний Митуша, хоть и носил скромную фамилию Квебуданашвили, не значившуюся в родословных книгах, принял рог из рук Онисифорэ с изящным, истинно княжеским поклоном и осушил до дна.

До глубокой ночи в доме Гивисванидзе звучали гитара и «мравалжамиэр».

Но Онисифорэ ошибался, думая, что в семье восстановлены любовь и согласие. На следующее утро он

попытался заговорить с Леокадией, однако она, окинув супруга насмешливо-презрительным взглядом, молча прошла мимо и, только дойдя до дверей своего кабинета, обернулась и спросила иронически:

— Слыхал новость?

— Какую новость?!

— Какую?! Свиньи вы, ученые, свиньи ненасытные — вот какую! Каждый норовит все захватить в свои руки, чтоб другому ничего не досталось. У нас, у грузин, оказывается не два, а целых три или даже четыре алфавита: заглавный, строчный, округлый и гражданский. И ты этого не знаешь, осел безмозглый?! Все я должна тебе растолковать?!

— В некотором роде... — Онисифорэ не знал, что ответить.

— В некотором роде! Нет чтобы собраться и подружески договориться, распределить, кому чем заниматься, что исследовать. Непременно одному нужно все заграбастать. Ты видел у меня когда-нибудь клиентку из Сололаки? Нет, не видел и не увидишь никогда! Сололакские ходят на массаж к Ангелине. Те, кто на том берегу живет, пользуются услугами Каишаури, Мелекедури, Чимиашвили. На Авлабаре работает Оганезова... У каждой из нас — свой район, своя клиентура. Мы никогда не позволим себе мешать друг другу. Такого быть не может! А вы?! Молитесь на своего Сумелджи! Повесьте у себя его портрет вместо иконы!

Леокадия скрылась в своем кабинете, с силой хлопнув дверью.

Онисифорэ, явно обескураженный, поплелся в свою комнату. Да, Леокадия во многом права, только...

Прошло еще два или три дня, прежде чем наконец наступила развязка. Онисифорэ уже открыл дверь, собираясь идти на лекцию, как вдруг из своего кабинета выскочила Леокадия, и от звуков ее голоса задрожали стекла:

— Делом займись!

Онисифорэ истолковал этот раскат грома как приказ идти к Сумелджи. Впрочем, он и сам хорошо понимал, что в этом деле действительно без Сумелджи

не обойтись, поэтому на другой же день направил свои стопы к дому Кикнавелидзе.

На этот раз Онисифорэ без особого труда проник в кабинет Сумелджи. Правда, Магда холодно напомнила ему про недавний визит, дав понять, что следует соблюдать меру и не отвлекать ее супруга от важных научных исследований. Но, оказавшись в уже знакомой ему большой комнате, Онисифорэ увидел, что дверь в кабинет открыта настежь. Сумелджи в синем спортивном костюме сидел в кресле у открытого окна, выходящего в сад, и отдыхал.

Внешне Сумелджи совсем не походил на согбенных, тщедушных книжных червей с выцветшими, слезящимися от перенапряжения глазами. Наоборот, это был еще довольно молодой человек с густой курчавой шевелюрой, слегка тронутой сединой, рослый, осанистый, широкоплечий, со стальными мышцами. Необъятная грудная клетка и могучие бицепсы, казалось, вот-вот разорвут ткань одежды. В свое время многочисленные друзья и знакомые несказанно изумились, как этот атлет женился на хилой невзрачной Магде, и в один голос решили, что развод не за горами. Но шли годы, а Сумелджи и не думал разводиться с женой. И тогда все пришли к мудрому заключению, что прочность семьи зависит прежде всего от душевных качеств супругов.

Увидев Онисифорэ, Сумелджи проворно встал.

— Пожалуйте, уважаемый, милости просим.

Онисифорэ догадался, что Сумелджи забыл его имя.

— Здравствуйте, батано Сумелджи!

— Здравствуйте, уважаемый, здравствуйте! Рад вас видеть!

У Сумелджи и голос был богатырский. «Ну и времена настали, — подумал Онисифорэ. — Ему бы с мечом в руке отражать нашествие врагов или устанавливать рекорды по поднятию тяжестей, а он жизнь свою гробит, сидя над книгами. Помешались все на науке».

— Могу уделить вам пять минут, — безапелляционно объявил Сумелджи, взглянув на часы. — Что?

Мало? Ха-ха-ха! Тогда семь, ну десять минут, но не больше.

Смех у него был громкий, раскатистый, жизнерадостный, под стать его могучей фигуре.

— И пяти минут вполне достаточно.

— Ну, что ж, прекрасно. Слушаю вас!

Тут произошло нечто неожиданное. Достопочтенная Магда внесла одну-единственную чашку кофе и поставила ее на стол перед мужем. Гостя она упорно не желала замечать, словно его вообще не было в комнате. Онисифорэ почувствовал себя оскорбленным до глубины души, но виду не подал и заговорил вкрадчивым голосом:

— Батоно Сумелджи! У меня, как и у всей нашей научной общественности, вызывают глубочайшее одобрение и восхищение предпринимаемые вами титанические усилия, направленные на решение важнейшей проблемы, касающейся нашего прошлого. Все мы с нетерпением ожидаем результатов ваших неустанных научных изысканий.

— Ерунда! — Сумелджи отхлебнул кофе. Это получилось у него так громко, что, будь в комнате еще один человек, так же громко прихлебывающий кофе, Онисифорэ наверняка не услышал бы собственного голоса. — Я всего-навсего рядовой исследователь, каких на свете очень много.

Скромничал Сумелджи неуклюже и неубедительно. Говорил он одно, а думал явно другое.

— Не говорите так. Вы не один из многих, вовсе нет. Вы, как яркая звезда, сияние которой призвано озарять путь нашей молодежи.

— Что? Ха-ха-ха! — Сумелджи еще раз отхлебнул кофе. — Здорово сказано! Не знаю, уважаемый, звезда ли я и яркая ли, но произнесенная вами фраза мне понравилась. Дальше, батоно, дальше?

— Именно в связи с вашими научными изысканиями хотелось бы рассказать вам... Совершенно случайно я встретил старика, который заявил мне, что он не кто иной, как создатель грузинского алфавита. — Онисифорэ незаметно, но внимательно следил, какое впечатление произведут его слова на собеседника.

— А?! — так получилось, что Сумелджи поднес

чашку ко рту и даже успел сделать глоток. Но услышав последние слова Онисифорэ, поперхнулся и едва не задохнулся. — Ха-ха-ха! Вот нахал! Ха-ха-ха!

Сумелджи зашелся в кашле, побагровел, по щекам его покатались слезы. Он поставил чашку на стол, с трудом перевел дух и забросал Онисифорэ вопросами:

— Что?! Я, говорит, создатель грузинского алфавита?! Ха-ха-ха! Где же вас угораздило встретиться с такой интересной личностью?!

— Близ Марнеули.

— Вот как! Близ Марнеули? Скажите на милость! Дальше, дальше, уважаемый! Это в самом деле интересно! Ха-ха-ха!

— Я, естественно, принял его за сумасшедшего.

— За сумасшедшего?! Ха-ха-ха! Вообще-то необычный сумасшедший, не так ли?

— И знаете, что удивительно? Он помешался только на этом пункте, а в остальном вел себя, как вполне нормальный. Чего только не наплел он мне! Рассказывал про Антиохию, Черную гору, про какого-то Крестителя... Словом...

— Чушь! — Сумелджи допил кофе и отставил чашку. — Антиохию, Черная гора — все это чушь! Эту концепцию выдвинул лет пятьдесят тому назад Соломон Гомецришвили, человек на редкость субъективный. Чистый душой, прямой, искренний, но в то же время... да. Очень жаль, что эта теория еще не изжита окончательно. Истоки грузинского алфавита следует искать совсем в другом месте. Да-да, совсем в другом. Когда грузины вступили в Антиохию, грузинский алфавит уже существовал. Так значит, старик выдавал себя за создателя грузинского алфавита? Хорошо еще, что он не приписывал себе создание пиктографии или идеографии. Вот было бы счастье для нас, исследователей.

— Простите, я не совсем понял, что вы сказали.

— Так, ничего. Пиктография, идеография, логографо-силлабическое письмо — все это древнейшие формы письменности. Логографо-силлабической письменностью и сегодня пользуются в Китае. Нет, в самом деле, видимо, интересный был старик! Ха-ха-ха!..

— Вы, вероятно, имеете в виду строчно-церковное письмо?

— Что вы такое говорите! Не церковное, а гражданское, батоно, гражданское! Строчно-церковное к тому времени уже частично стало реликтовым явлением. Определенные круги несколько раз пытались реанимировать его, но тщетно. Я это доказал. Но легче сделать открытие, чем переубедить людей. Гражданское, батоно, гражданское! Я готов повторить это тысячу раз, перед любой аудиторией. Что касается того старика... Знаете, это не лишено интереса. Бредовая форма шизофрении проявляется порой очень необычно. Я бы на вашем месте показал этого старика специалистам.

— И мне пришла такая мысль в голову.

— Да... Жаль его. Мы, люди, обязаны заботиться о больных и немощных. К тому же бредовая форма — тяжелейшая разновидность шизофрении. Я это знаю наверняка. Страдающие такой формой должны быть непременно изолированы.

— Я отвел его к родственнику.

— И правильно поступили... да... Что же касается концепции Соломона Гомецришвили, то мне потребуется приложить еще много усилий, чтобы эта концепция была окончательно предана забвению. Соломон был большой патриот, истинный грузин. Отрицать это бессмысленно, да я и не намерен. Но для него не существовала объективная реальность, эмпирическая действительность, он подходил ко всему предвзято. Это, к сожалению, сильно задержало развитие нашей науки. Мне пришлось бороться не только с ошибочными концепциями Гомецришвили, но и — что очень важно — с его огромным, поистине баснословным авторитетом в науке. Да-да... Все это должно послужить нам уроком. Хотя, разумеется, я его глубоко уважаю как светлую, неповторимую личность.

Сумелджи Кикнавелидзе посмотрел на часы.

Онисифорэ понял намек и тотчас встал.

— Еще только одну минуту! Батоно Сумелджи, создателем которого из алфавитов: заглавного, строчного или гражданского — вы интересуетесь в первую очередь?

Сумелджи глубоко и надолго задумался.

— Как вам сказать,.. — Сумелджи устремил на стену взгляд, в котором отражалась напряженная мысль. — Пока что могу сказать только одно: если мне удастся напасть на след создателя заглавного алфавита, тогда останется выяснить, кто были создателями строчного и гражданского; если же установлю, кто создал строчное письмо, тогда на очереди будут поиски создателей заглавного и гражданского; и наконец, если сумею обнаружить создателя гражданского алфавита, то останется найти создателей заглавного и строчного. Разумеется, сфера исследований в общем одна — системы алфавита. Но это отнюдь не облегчает стоящую передо мной задачу, а напротив, в некоторых случаях, в определенном аспекте, осложняет проблематику. Я, уважаемый, как пловец в утлой лодочке без единого весла один на один с океаном, неведающий, как пристать к берегу.

Сумелджи еще раз посмотрел на часы.

«А ты и впрямь свинья ненасытная! — подумал Онисифорэ. — До всего тянешься, и одно тебе подавай, и второе, и третье. Конечно, не одно найдешь, так другое, не другое, так третье. Хорош, нечего сказать!».

— Приношу глубокие извинения за беспокойство, батона Сумелджи. Встреча с вами несказанно обогатила меня духовно. Я еще раз убедился, что в вашем лице мы имеем крупного деятеля науки.

— Полноте, вы преувеличиваете! ...Да, а родственнику старика посоветуйте, пусть покажет его психиатру. Бредовая форма — опаснейшая штука...

— Непременно, непременно! До свидания, батона Сумелджи!

— До свидания, уважаемый, до свидания! Да...

Магда молча выпроводила Онисифорэ и надежно заперла дверь.

* * *

Онисифорэ стоял, задумавшись, около ворот дома Сумелджи. Совершенно очевидно, что Сумелджи Кикнавелидзе не подозревал о существовании Бакара Андзавели, Мераба и того шального. В этом Онисифорэ окончательно убедился. Сумелджи даже не решил еще, на поисках создателя которого из алфавитов оста-

новить свой выбор. Отлично. Теперь, по мере возможности, Онисифорэ тоже возьмется за это дело и отыщет создателя одного из алфавитов, а остальных, так и быть, предоставит искать уважаемому Сумелджи Кикнавелидзе. А теперь — напрямик на Анчисхатскую улицу. Почему-то Онисифорэ неудержимо тянуло туда.

Однако Онисифорэ пришлось испытать разочарование. Он долго безрезультатно стучался в дверь комнаты Мераба Андзавели. Наконец открылась соседняя дверь и выглянула уже знакомая нам полная женщина.

— Не скажете ли, уважаемая, где Мераб?

— Мераб получил квартиру и переехал. Не видите, дверь опечатана.

Онисифорэ только сейчас заметил сургучную печать на дверях.

— Куда переехал?

— Не знаю. Куда-то довольно далеко.

— А старик, что жил у него?

— Старик?! — удивилась женщина. — Никакого старика я у него не видела.

— Не видели?!

— Не видела. Чего мне скрывать?

Онисифорэ махнул рукой и прекратил расспросы.

Что могло произойти за эти два дня?

Глава восьмая

Утром не успели Мераб и Бакар умыться и привести себя в порядок, как раздался громкий стук в дверь и в комнату вломился архангел Гавриил.

— Как живете-можете, родственники? Старик, не захотелось обратно к нам? Хочешь, чтоб Всевышний шкуру с меня спустил из-за тебя?

— Ничего...

— Садитесь.

— Некогда мне сидеть.

— Вот нашему Мерабу справку принесли.

— Какую справку? — Гавриил пробежал глазами справку, не притрагиваясь к ней, потом взглянул на Мераба: — И что же? Он должен за тобой присматривать? Вот это да! Мне, братец, Всевышний сократил

штат сторожа, ибо какой же дурак станет удирать из рая, а если кто из ада даст деру, так его живо пригонят назад. Теперь я за все в ответе. Да и зачем тебе нужен уход? В аптеке полно лекарств, купи и лечись.

— Куплю, непременно куплю. Не тревожся, Гавриил, долго я здесь не задержусь. Скоро вернусь к вам. А справка ему нужна совсем для другого дела.

— Знаю! Чтоб квартиру получить.

— И откуда ты все знаешь, обо всем догадываешься? — Бакар не мог прийти в себя от изумления.

— Помотайся с мое по свету — и все будешь знать. Но ты долго не выдержишь, живо ноги протянешь. Ну и как, уважаемый? Не дают квартиру?

— Если мне удастся прописать у себя Бакара, тогда дадут.

— А кто должен прописать Бакара?

— Управдом.

— Знаю, знаю, такая желтолицая баба. Тут я тебе могу помочь, если хочешь. Она взяточница.

— Но у меня... у меня нет денег...

— Будь у тебя деньги, давно бы выбил себе квартиру.

— Не похожа она на взяточницу. Держится так...

— Это потому, что дорожит должностью. И взятки берет редко, только навверняка. Словом, одевайся и пошли.

— Иди, сынок, иди, слушай его! — Бакар засуетился, подал Мерабу пиджак.

В домоуправлении дожидались приема человек десять. Они сидели на длинной скамье, поминутно вздыхали и нервно подергивали головой.

— Хоть убей, минутой раньше не явится на службу.

— И не задержится дольше положенного. Недавно прихожу за справкой, в детском саду потребовали срочно, в противном случае пригрозили исключить ребенка.

— Они не постесняются!

— Так вот, прибегаю ровно в две минуты шестого. Вижу, она запирает дверь. Уж как я ее просил, умолял! Заперла дверь и ушла, словно не слышала. Дохлятина желтолицая!

— Говорят, чахотка у нее.

— Чухотка и чума ее заберут! Второй день ребенка у соседей оставляю. Совести у нее нет!

— Это вы слишком. Женщина она честная, против закона не пойдет. Я, например, про нее ничего плохого не слышал.

— А что, поставить печать на законную справку — это нарушение закона?!

— Вообще-то нет, но... если все станут приходить на две-три минуты позже, это же базар получится. Других обвинять мы любим, лучше бы на себя поглядели.

— Еще не пришла, а вы уже распинаетесь перед ней?

— Я не распинаюсь, а говорю правду.

— Заткнулись бы лучше!

Управдом явилась ровно в десять часов. На ожидающихся она даже не взглянула, а о том, чтоб поздороваться, не могло быть и речи. Но, открывая дверь кабинета, она случайно встретилась глазами с Мерабом и неприязненно скривилась: опять, мол, пришел, никак не поймет, что это бесполезно — и захлопнула за собой дверь.

— Она ничего для меня не сделает, — безнадежно махнул рукой Мераб.

— Не робей, держи хвост морковкой, — Гавриил встал. — Граждане! Соблюдайте очередь, уважайте друг друга. Только я и этот товарищ войдем без очереди.

— Это еще почему? — в один голос воскликнули ожидающие.

— Как это без очереди?

— Других поучаешь, а сам...

— Вы пришли после всех. Совесть у вас есть?

— Второй день ребенок у соседей торчит.

— Разговоры о совести тут неуместны! — Гавриил грозно сверкнул глазами. — У нас дело всего на одну минуту. Зайдем и тут же выйдем.

— Нам тоже всего подпись поставить! — Опять зашумели ожидающие.

— Ночевать тут из-за вас?!

— Молчать! — оглушительно загредел Гавриил.

Ни звука!

Прежде чем собравшиеся успели прийти в себя от

неожиданности, Гавриил, не удосужившись постучать, открыл дверь кабинета.

Управдом вешала плащ на гвоздь. При виде Мераба ее передернуло.

— Прием еще не начался! А вы, гражданин, напрасно ходите. Сто раз вам говорила, оглядитесь, что делается вокруг. Сколько можно повторять одно и то же? Мы тут не для удовольствия сидим, мы делом заняты. В нашем государстве никому зря зарплату не платят.

— Правильно! — подхватил Гавриил, хотя женщина говорила не с ним, а с Мерабом. — Золотые слова. Но, уважаемая, мы ведь... оттуда.

— Откуда оттуда?

— Оттуда!

— Откуда бы вы ни были! И от кого бы ни были! Закон есть закон. Работаем честно — и все равно, что только о нас ни болтают. Представляю, что будет, если нарушить закон.

— Разумеется, разумеется! И это золотые слова. Только...

— Никаких «только»! — женщина села, положила на стол сумочку, отодвинула ее в сторону. Пригладила обеими руками волосы. Она вела себя так, словно в комнате никого, кроме нее, не было. Наконец она положила на стол ладони, сжатые в кулаки, и наклонилась к Мерабу.

— Я не могу нарушить закон! Говорю вам в последний раз! Имейте хоть капельку самолюбия! Вам что угодно? — обратилась она к Гавриилу.

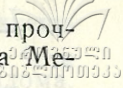
— Мне ничего. Я пришел вместе с ним. Вам... не звонили от уважаемого Александра?

— Не знаю я никакого Александра. Выйдите, пожалуйста!

— Сейчас! Сию минуту уйдем! Не пойму только, уважаемая, что случится, если честный труженик получит одну комнату?

— Мы все честные труженики, и всем нужны квартиры. И потом, я их не распределяю. По этому вопросу обратитесь в жилищный отдел райисполкома.

— А мы не просим квартиру. Мы хотим для начала встать на учет. Ознакомьтесь, будьте добры, с этой справкой.

Гавриил протянул ей справку, но женщина прочла ее, не беря в руки. Потом перевела взгляд на Мераба.

— Еще новости! Десять лет был здоров, и вдруг заболел! Нет, дорогой, нас латинскими выражениями не запугаете. Отнесите эту справку тому, кто вам ее выдал.

— Извольте, дорогая, как прикажете, но... вообще-то так и бывает: здоров человек, а потом глядишь — заболел. — И Гавриил весело подмигнул женщине.

— Что?!

— Да-да... Подумайте сами, ведь иначе и быть не может: человек сперва здоров и только потом заболевает.

Мераб никогда бы не поверил, что грубый, неотесанный Гавриил умел быть таким приятным, любезным, терпеливым собеседником.

— Александр в самом деле не звонил вам? — и Гавриил еще раз подмигнул женщине.

— Про какого Александра вы говорите? — домоуправ выглядела искренне удивленной.

— Эх! Что делать... раз не звонил, не стоит и говорить, тогда... — Гавриил взял Мераба за локоть, словно действительно собирался уходить.

— Ох, господи! — женщина еще дальше отодвинула от себя сумочку, еще раз пригладила волосы. — Никакой Александр не звонил мне, но... покажите вашу справку.

— Извольте! — Гавриил даже слегка изогнулся в поклоне.

Домоуправ несколько раз перечитала справку. Потом сказала со вздохом:

— Я уже не раз докладывала начальству, что у Мераба Андзавели маленькая жилплощадь и к нему нельзя никого прописывать. Начальник наизусть знает его фамилию. Что теперь ему сказать?

— Доложите, что Мераб Андзавели до последнего времени был парень здоровый, а теперь вдруг тяжело заболел. Все мы люди, никто не может знать, что его ждет завтра. Скажите ему, что за Мерабом Андзавели кто-то должен ухаживать.

— Вы только что упомянули про Александра, кто это?

— Нет, раз он не позвонил...

— Вообще-то вроде звонил кто-то, но...

— Это наверняка был он.

Женщина глубоко вздохнула. Щеки ее слегка порозовели.

— Оставьте справку. Заходите в шесть часов.

— Большое спасибо, дорогая! — Гавриил поклонился изящно и с достоинством, прямо как английский лорд.

— Пропишет?! — спросил Мераб, когда они вышли. От радости инженер несколько ошалел.

— Пропишет!

— А кто такой Александр?

— Черт его знает! Ей в день сто человек звонит, наверняка среди них был хоть один Александр.

Но сопровождать Мераба в милицию Гавриил категорически отказался.

— Во-первых, я тебе больше не нужен. И потом, то, что у меня прошло с этой трусихой, в милиции может не сработать. Там все больше бывшие борцы да штангисты. Их умильными речами не возьмешь. А вздумаешь артачиться — так могут двинуть, что родителей забудешь. Нет, в самом деле, я тебе больше не нужен. Считай, что Бакар уже прописан. В милиции, по моим расчетам, тебя не станут мытарить. Только е задавайся. По закону тебе ничего не полагается. По сравнению с многими другими ты живешь во дворце. Никто не знает это лучше меня. Навестишь иной раз умирающего: крыша протекает, стены сырые, ни стула, ни стола порядочного, ни шкафа — ничего. Невольно подумаешь: бедняга, ничего-го он в этой жизни не видел хорошего, а уже уходит в мир иной... А что я могу сделать? Я на службе. Так что ты... того... не петушишься. Подумаешь, инженер, не велика важность. Не задирай голову, говори тихо, вежливо. Не думаю, что в таком огромном городе не нашлось бы для тебя одной комнаты. А в милицию я с тобой не пойду, и не проси.

— Вдруг откажут?

— Нет, не откажут, не думаю. А если все же от-

кажут, что ж — заберу Бакара обратно, и вздохнешь свободно.

В шесть часов Мераб был в кабинете управдома. Все было уже оформлено. Женщина ласково улыбнулась Мерабу.

— Кто это был вместе с вами утром?

— Так...один мой знакомый.

— Очень симпатичный человек. Передайте ему привет от меня. Вот, дорогой, ваши документы. Идите теперь прямо в милицию. Вам все должны оформить без осложнений.

Неожиданно для Мераба в милиции действительно обошлось без проволочек. Правда, толстый, краснощечный лейтенант — наверняка бывший штангист или борец — подозрительным тоном спросил Мераба:

— Ты что, болен?

— Да...

— А чем этот старик сможет тебе помочь?

— Больше у меня никого нет.

— А кто из вас работает?

— Работаю я один.

— Вот это да! Погоди, ты ведь в прошлом году приходил?

— Приходил.

— Откуда вдруг этот дядя объявился?

— Повезло мне.. Приехал из деревни.

— Повезло, это точно! На! — Лейтенант быстренько оформил документы и протянул Мерабу. — Иди и действуй.

И захлопнул окошко.

Потерявший голову от радости Мераб совершенно забыл, что ему следует пойти на службу, и из милиции помчался прямо в исполком.

Начальник жилищного отдела исполкома, увидев Мераба, чуть не взвыл, как будто чья-то невидимая, но безжалостная рука вырвала ему здоровый зуб. Он даже не ответил на приветствие Мераба, принял у него документы, просмотрел и спросил с насмешкой:

— Десять лет просишь квартиру и ни разу до сих пор не упоминал про дядю. А теперь что же — купил по случаю? Или получил в подарок? А может, в капустных листьях нашел?

— Из деревни приехал.

— Когда ты заболел эпилепсией?

— Признаки обнаружили давно. Тогда я еще не заходил к вам. Потом постепенно болезнь развивалась...

— Сколько лет дяде?

— Лет семьдесят.

— А точнее?

— Шестьдесят девять.

— Больной, наверно.

— Кожа да кости. Колышется на ветру. Что же, прикажете выгнать?

— Зачем же? Человечность, милосердие, гуманизм и нам не чужды, мы же не звери дикие, не надо так плохо думать о нас. Но... у тебя — эпилепсия, он — слабый, больной... так кто же за кем будет смотреть?

— При эпилепсии время от времени случаются припадки. В промежутке между припадками я буду присматривать за дядей. Когда же со мной случится припадок, он присмотрит за мной, сообщит соседям, вызовет врача... Припадок эпилепсии обычно длится недолго. Потом опять я стану ухаживать за ним. Вот так...

— Про вас можно сказать, что вы ловко устроились. Прекрасно, ничего не скажешь. Только ничего у тебя не выйдет.

— Почему?

— Ты, дай Бог тебе здоровья, человек еще молодой, но даже если мы немедленно возьмем вас на учет, пока дойдет ваша очередь, этот твой старенький, слабенький дядя помрет. Мы же реалисты, и должны рассуждать реально. А тебе одному квартира все равно не полагается. Да вот тебе живой пример. Женщина по фамилии Ченшвили жила со старушкой матерью в восьмиметровой комнате, без воды, без ванны, без туалета. Приняли постановление о том, что она нуждается в улучшении жилищных условий, взяли на учет. Минувло десять или двенадцать лет, подошла их очередь. Пришел наш инспектор проверить, не изменилась ли ситуация, вошел в подъезд, а из квартиры выносят гроб — умерла старушка! Ситуация, таким образом, изменилась. Разумеется, мы тотчас изменили постановление.

Одинокой женщине квартира не полагается. Так эта несчастная головой об стенку билась: и мать потеряла, и ордер на квартиру. И сама, бедная, рыдала, и мы все, сотрудники исполкома, прослезились. Мы здесь люди железные, ко всему привыкли, но у всех тогда стояли слезы в глазах. Что делать, закон есть закон.

— Значит...

— Ну, что тебе сказать... Оставь документы. Заявление мы должны принять, закон нас к этому обязывает. Принесешь сто заявлений — мы обязаны принять все сто. Изучим, проверим. Ты хорошенько ухаживай за своим дядей, корми его получше. Есть старики, до ста лет доживают. Может, за это время санитарные нормы изменятся в твою пользу. Одним словом, посмотрим. Вскоре пришьем комиссию. Даю слово честного человека. Что я еще могу сделать?

— Комиссия у меня уже бывала много раз.

— Тогда ты был здоров как бык, и дяди у тебя не было. А теперь вот бумага с печатью: болен. Тяжелая у тебя болезнь.

— Вы что — сомневаетесь?

— Ни в коем случае! Тут такая печать солидная, что если бы вместо эпилепсии было написано: дифтерит и проказа — все равно поверил бы. И поверю. Какое может быть сомнение! Выбрось это из головы. Что еще?

— Понятно, все понятно...

Мераб встал, удрученный, и пошел к выходу. Но в это время дверь открылась, и вошел председатель исполкома. Лицо у него было утомленное до крайности. Он, видимо, собирался потянуться, размяться после долгого сиденья, но, увидев постороннего, опустил руки. Вглядевшись, он узнал Мераба.

— Этот человек все еще обивает здесь пороги?

— А что ему делать? — громко рассмеялся начальник жилищного отдела.

— Ты, дружище, все еще без квартиры?

— Да...

— Эх! Беззубый ты, как я погляжу! — председатель обратился к начальнику жилищного отдела: — Ордер на однокомнатную в Лило уже выдан?

— Никто не хочет, все отказываются!

- Пойдешь жить в Лило?
- Была бы квартира, не то что в Лило, на край света пойду. Значит, мне зайти к вам...
- погоди, парень, радоваться. В Лило еще очень нескоро будет метро.
- Не нужно мне метро, обойдусь!
- Дай! — приказал председатель исполкома председателю жилищного отдела.
- Как же это, Силибистрович, на каком основании...
- На том основании, что молодой человек живет в собачьей конуре. Дай!
- Силибистрович, хоть какое-нибудь юридическое основание...
- Говорят тебе, выписывай ордер!
- Тогда все начнут требовать, одному выписывай, другому...
- Объяснишь им, что от этой однокомнатной квартиры все отказывались и дали ее тому, кто согласился. Больше у нас пока ничего нет. Вот так! Правду скажи! А то капризничают — далеко, неудобно... Завтра же выпиши ордер... Только... не труби об этом по радио...
- Видите, вот и вы тоже...
- Ничего я не боюсь! Выдай — и точка!
- И председатель исполкома вышел из комнаты.
- Я же говорил, мы тоже люди, — сказал председатель жилищного отдела Мерабу, — а ты... вот так!
- На другой день Мерабу Андзавели выдали ордер на однокомнатную изолированную квартиру. Квартира была в новом микрорайоне, почти что за городом, никакой транспорт туда не ходил, и в радиусе трех километров негде было купить хлеб и продукты. Но для чего транспорт двадцативосьмилетнему молодому человеку? Ни один врач не придумал лекарство лучше, чем ходьба пешком, и если систематически ходить пешком, наверно, можно вылечить и от эпилепсии. А что касается продуктов, то это пустяки. Была бы квартира!

* * *

Мераб пришел на службу, когда рабочий день уже подходил к концу. Швейцар дядя Арсен бросил на не-

го взгляд искоса и сказал: «Где ты, парень, директор из-за тебя весь институт переполюшил».

«Этого не хватало!» — подумал Мераб.

На первом этаже в комнатах сидели сотрудники института и работали не поднимая головы. В коридоре тишина была такая, что муха пролетит — услышишь. Увидев Мераба, сотрудники многозначительно переглядывались, не говоря ни слова, и снова, опустив голову, продолжали работу. С Мерабом даже никто не поздоровался.

То же самое повторилось на втором этаже. Более того, вышедшая в коридор попить воды Зейнаб Дзидзигури — старшая лаборантка отдела информации, увидев Мераба, поспешно отставила стакан и сломя голову помчалась в свою комнату. Закрывая за собой дверь, она обернулась и бросила на Мераба испуганный взгляд.

Нет, дело, видимо, было не только в прогуле. Наверняка случилось что-то гораздо более серьезное.

На третьем этаже, в приемной директора секретарша Гуранда красила губы, видимо, готовясь уходить. При виде Мераба она прервала свое занятие, а это значило многое — все в институте знали, какое внимание уделяла Гуранда своей внешности, — медленно покачала головой и указала глазами на обитую черным дерматином дверь директорского кабинета. Мераб понял это так: директор страшно разгневан, и лучше не показываться ему на глаза. Гуранда вообще хорошо относилась к Мерабу и раз даже спросила:

— Чего ты тянешь с женитьбой, вон уже и волосы редеют, и седина пробивается.

— Никто не хочет идти за меня.

— Когда совсем без волос останешься, тогда, что ли, захотят? Ты сам должен захотеть! Я тоже не хотела идти за своего гуляку, а вот уже тридцать лет гляжу ему в глаза, как верная собачка. Что ты за мужчина?!

«Гуляка» Гуранды работал в каком-то министерстве по линии снабжения и, не говоря обо всем остальном, каждый год пышно отмечал именины жены. Стол накрывался на пятьдесят человек, и какой стол: астра-

ханский осетр, икра, пасапнаурские телячьи пашалыки коньяк самых лучших марок, киндзмараули.

— Женюсь, непременно женюсь.

Мераб повернулся, собираясь идти к себе в отдел, но Гуранда еще энергичнее покачала головой и снова указала глазами на дверь кабинета. А это уже могло означать следующее: заходи, тебя ждут.

Мераб догадывался, что на сердечный прием рассчитывать не приходится. «Вот ведь судьба, — подумал Мераб, — наконец каким-то чудом осуществилась мечта стольких лет, в кармане у меня ордер на квартиру, и даже этот день должен быть отравлен». Он знал, что директор института Исидорэ Карцивадзе редко терял самообладание, но уж если выходил из себя — беда! В гневе он не щадил никого.

Но делать было нечего. Мераб бесшумно открыл дверь и заглянул в кабинет. Директор читал какие-то бумаги и не услышал, что дверь открылась. Мераб продолжал стоять в дверях. Так прошло минут пять, наконец Исидорэ отложил бумаги и случайно встретился глазами с Мерабом. Когда директор оторвал взгляд от бумаг, лицо его еще хранило следы напряженной умственной работы, при виде же Мераба на лице директора отразилось безмерное презрение и ненависть.

— Ого! Пожаловал! Мераб Андзавели изволил пожаловать! Верить ли глазам своим?

Мераб молчал.

— Я вас спрашиваю, товарищ! Гражданин! Друг! — Исидорэ все больше повышал голос, соответственно нарастал его гнев. — Какое обращение вас устраивает?

Мераб молчал.

— Тебя спрашивают!

Мераб безучастно пожал плечами. Ему было все равно.

— Надо же было тебе пропустить именно эти два дня! Где изволил пропадать? Зарезал ты меня!

Мераб переминался с ноги на ногу, обливаясь потом. Но не издавал ни звука.

— Разбаловали тебя! — Исидорэ вскочил из-за стола, швырнув в сердцах ручку. — Разбаловали! Глупят по головке! В этом все дело! Два дня вожу за но-

министерство — слышишь ты, бездельник! — министерство! Сейчас, сию минуту, заканчиваем, пришлем. Там не дураки сидят, догадались, что у меня тут прогульщик завелся, который не счел нужным даже позвонить, сообщить, где он и что с ним! Не нашел телефона-автомата, перевелись они в Тбилиси! Выйди и немедленно напиши объяснение! И если по твоей милости хоть на одну минуту прервалась работа на заводе, тогда... тогда вот тебе мое кресло, а я займу твое место, если, конечно, нами обоими не займется прокуратура.

Мераб догадался, в чем дело: расчеты, которые нужны были заводу, считались специальностью Мераба. Другой ухлопал бы на них целый месяц. Расчеты эти мог произвести и сам Исидорэ, но у него было много других неотложных дел. Результатов же вычислений каждую минуту ожидала лаборатория огромного завода. Да, Мераб действительно страшно подвел директора.

— Сказано тебе, иди и напиши объяснение! — резким тоном закончил директор разговор и указал Мерабу на дверь.

Мераб снова появился в приемной. Гуранда нетерпеливо поглядывала на часы, ожидая, когда они пробьют пять раз. Мераб попросил у нее бумагу и сел писать объяснение.

— Мераб, а все же где ты был? — спросила Гуранда, смотрясь в маленькое круглое зеркальце.

— Я квартиру получил.

— Что?! — зеркало выскользнуло из рук Гуранды и упало на покрытый ковром пол, но, к счастью, не разбилось. Ведь что ни говори, а разбить зеркало — очень недобрая примета. — Поклянись!

— Честное слово!

— Ну, ты просто идиот! — Гуранда влетела в кабинет директора. Что там произошло, Мераб не слышал. Но минуты через две из кабинета, чуть не шатаясь от волнения, вышел побледневший Исидорэ, сопровождаемый сияющей Гурандой.

— Это правда, ты получил квартиру?

— Да..

— Вы только взгляните на этого жулика! Черт! Гуранда, воды, пожалуйста! — Исидорэ сел в кресло,

— Кто тебе дал? Как это случилось? Да говори ты! Правда, получил?

— Правда, батона Исидорэ, правда!

Эти две взаимосвязанные новости — Мераб получил квартиру и директору стало дурно — с быстротой молнии промчались по всем пяти этажам института. Что касается директора, это было явное преувеличение. Человек просто разволновался, обрадовался за Мераба. А вот получение квартиры...

Те самые сотрудники, которые полчаса назад избегали Мераба, сейчас растроганные, иные со слезами на глазах обнимали, целовали, тормозили его... Казалось, институт охватило безумие. Все пытались пробиться в приемную, стоял такой гомон, что нельзя было ничего слышать:

— Пропусти меня!

— Сам пропусти, чего застрял в дверях?!

— Мераб, старина! Ну, что теперь скажешь?!

— В каком районе? Изолированная? Со всеми удобствами?

— Эх, мне бы дождаться!

— Мераб, завтра же — шампанское всем!

— Мераб, дорогой, я так рада, так рада... Шелковые занавеси за нами.

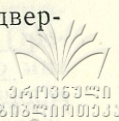
— И все же как тебе удалось, черт побери?! Я вот даже ремонта не смог добиться, все приходится делать своими руками.

— Не обижайся, дружище, честно говоря, не ожидал, что ты окажешься таким молодцом. Тебе же все время отказывали?

Но все на свете имеет конец. Постепенно радостные восклицания стихли, сотрудники стали расходиться по домам, чтобы рассказать обо всем членам семьи. Шел уже седьмой час...

Исидорэ Карцивадзе на собственной «Волге» отвез Мераба Андзавели на старую квартиру, где Мерабу предстояло провести последнюю ночь, и разрешил ему три дня не приходить на работу. Расчеты, оказывается, директор закончил сам. Кроме того, он пообещал устроить Мерабу мебель в рассрочку.

— У меня, батона Исидорэ, не наберется денег даже на первый взнос, — от души рассмеялся Мераб.

- Премию тебе выпишем. Работа еще подвернется. Каричамишвили знает об этом?
- Наверно. А что?
- Жалобу накатает.
- Почему?!
- Потому что интриган! Сам имеет вдвое больше, чем заслуживает, — и все равно пакостничает, не может без этого. Давно пора гнать его из института, все руки не доходят. Ну да ничего, навредить он тебе не сможет, мы тебя не дадим в обиду. Так что, Мераб, дорогой, держись молодцом. Будь здоров!

Глава девятая

На другой день рано утром архангел Гавриил снова заявился к Мерабу и Бакару. Но на этот раз он был сильно не в духе. Не говоря ни слова, даже не поздоровавшись, он сел в углу на стул и скрестил руки на груди.

— Что с тобой, чего надулся?

— Слыхал, как он меня назвал? — Гавриил посмотрел на Бакара, не скрывая раздражения. — Впрочем, что ж, как говорится, по делам и честь, что заслужил, то и получил. В душе будь ты хоть ангелом, хоть архангелом, в душу к тебе ведь никто не заглянет. Скажи, старик, я тебя обидел чем-нибудь? Скажи при нем, пусть он тоже слышит, скажи мне прямо в лицо, как мужчина. Вообще, с тех пор как существуют люди, кому я что плохого сделал? Без указания Всевышнего я...

— Не волнуйся, Гавриил! — прервал его Бакар, пытаясь успокоить. — Разве я когда-нибудь упрекал тебя, не ценил твою доброту?

— Спасибо, спасибо тебе! Да, так вот, сколько на земле мужчин, женщин, взрослых, детей — я перед всеми чист, не для себя стараюсь, мне ничего не нужно. Просто служба у меня такая. Что делать, от судьбы никуда не денешься. Честняга я, таким и останусь, натуру не изменишь. Теперь скажи, пожалуйста, что нужно от меня этому старику, в чем я провинился перед ним, объясните мне, будьте так добры.

— Ты Всевышнего имеешь в виду?

— Нет, моего дедушку! Конечно, Всевышнего.

— Крепко ругал?

— Если бы! Нет, он никогда голоса не повысит!

Потемнеет лицом, насупится, не замечает тебя, не разговаривает... А ты ломай голову, чем не угодил, где оплошал. Иной раз неделями, месяцами думал — ничего не мог сообразить. Говорю тебе, Бакар, несчастнее меня нет никого! Приношу извинения, мой молодой друг!

— С самого начала не надо было поддаваться, идти у него на поводу.

— Поздно об этом говорить. Теперь я для всех — Гавриил-душегуб, и кончено! Если даже он даст мне отставку, отпустит от себя, все равно никто не захочет иметь дело со мной. Уразумел?

— Да... нет... почему... Ну, а все-таки, что ему надо, чем недоволен?

— Если бы знать, тогда еще полбеды, можно прикинуть, взвесить, что напутал, где неверно поступил, а сообразивши, или исправить, или извиниться, прощения выпросить. Эх! — Гавриил с отчаянием махнул рукой, придвинулся вместе со стулом поближе к Бакару и продолжал почему-то вполголоса: — Вчера вечером выдалось у меня свободное время — редкая удача! В такие минуты я обычно навещаю к старику, поговорю с ним, расскажу что-нибудь смешное, развеселю. Зашел и на этот раз. Смотрю — сидит с Аристотелем. Сидят беседуют. А ему же непременно надо публично, во всеуслышание устроить разнос своему сотруднику, чтоб все видели, как он могуч, как все его боятся. И вот ни с того ни с сего... Я, значит, сижу тихо, жду подходящего момента, чтоб вступить в разговор, как вдруг он оборачивается ко мне и грозит пальцем: «Ты смотри у меня, Гавриил, брось дурить, возмись за ум! Мне все про твои плутни известно! Не выводи меня из терпения, а то знаешь ведь, что тебя ждет!». Я так и остолбенел! Какие такие плутни?! Сижу, язык проглотив. А он, замечая, искоса поглядывает на Аристотеля: как-ков, мол, я молодец! Если понадобится, могу самого преданного сотрудника стереть в порошок. Ну да ты же знаешь этих старых философов! Не то что заступиться за обиженного — умирающему стакан воды не подаст.

Приставит палец ко лбу и примется строить рассуждения: «Что это происходит? Почему происходит? Происходит ли или это мне только кажется? Если это мне кажется, то почему? В чем причина данного явления?» Впрочем, ты их лучше меня знаешь. Вот и Аристотель нахмурил лоб и глубоко задумался, словно было о чем. Впрочем, он ведь наставлял своих учеников: главное назначение человека — думать, размышлять. Каким был на земле наш философ, таким и остался. Тут на его глазах безвишней человек гибнет, а он в размышления ударился, ищет причину всех причин! Подумал он, подумал, да так, видно, и не нашел эту самую причину всех причин, встал и с важным видом попросался. Пошел еще одну книгу писать. А я...

— А чего тебе бояться?

— Да, заглянул бы ты хогь одним глазом в ад, тогда бы не спрашивал...

— Успокойся, Гавриил! Он пригрозил тебе?

— Лучше бы пригрозил! Повалился бы я ему в ноги, вымолил бы прощение.

— А что же тогда?

— Второй день не разговаривает со мной! Не возьму в толк, то ли правда гневается, то ли притворяется, поугать хочет. Никогда не поймешь, что у него на уме. Иной раз вовсе без причины насупится, брови грозно нахмурит, прямо хогь не попадайся ему на глаза! Вот и теперь второй день ломаю голову, может, я и в самом деле прогневал Его чем-нибудь? Низвергнет в ад — тогда поздно будет думать. Видишь, какая у меня жизнь!

— А может, он и не сердится?

— А вдруг все-таки сердится?

— Да... — Бакар задумался, почесывая бровь мизинцем, — да, действительно...

Мераб слушал их диалог, и если до сих пор у него еще оставались какие-то сомнения, то теперь он окончательно убедился, что перед ним помешанные. «Правда, они помогли мне получить квартиру, — думал он в смятении, — но кто знает, что им взбредет на ум в следующее мгновенье. Вот беда на мою голову!». Но тут Гавриил сказал вдруг Бакару:

— Знаешь, что, Бакар, пора тебе возвращаться.

Собирайся и пошли. Прошу, как об одолжении. Вдруг Он всерьез разгневан? Хочу все привести в порядок, чтоб не к чему было придраться. Сколько времени уже ты в бегах, дружище, я тебе не мешал, даже наоборот, покрывал, как мог. Не бросай и ты меня в беде, я еще не раз пригожусь тебе. Вы, друг мой, получили ордер?

— Да...

— Очень приятно. Живите и радуйтесь, жизнь-то коротка. Так... Слышишь, Бакар? По-человечески прошу, войди в мое положение, и я не останусь в долгу. Если все сойдет благополучно, можешь потом опять спуститься на землю. Дай только на этот раз избежать Его гнева!

Конечно, Бакар понимал, что пребывание его здесь несколько затянулось, и все же слова Гавриила прозвучали для него неожиданно. Он покраснел от злоснения, тайком бросил взгляд на Мераба, но постепенно овладел собой.

— Что ж, раз так, делать нечего, надо возвращаться... Не подводить же тебя.

— Вот спасибо тебе за это! Ты настоящий человек!

— Да, но здесь еще столько дел осталось!

— Здесь, дружище, всех дел не переделаешь! Оставь немного и им. Не обижайтесь, молодой человек, но об остальном позаботьтесь сами. А потом опять отпущу к вам Бакара, если, конечно, удастся на этот раз выкрутиться. Ну, Бакар! Пора!

— Еще минутку, — Бакар озабоченно покачал головой. — Буквы мои не выходят у меня из головы. Пригодились они людям, это верно, и все же... Ну да ладно, пошли. Наверно, Он и вправду сердится. Мераб, сын, где моя одежда? Не беспокойся, я сам... Отвернитесь, пожалуйста, ненадолго.

— Спасибо, Бакар, выручил ты меня!

Бакар снял с себя старую одежду Мераба, которую носил последние дни, и снова надел свою ветхую, побелевшую на швах чоху с вышитым на спине крестом и потрескавшиеся от старости сапоги. На прощание он сказал Мерабу с ласковой улыбкой:

— Так и не удалось мне, Мераб, убедить тебя, что мы не сумасшедшие, не помешанные. Так ведь? Ничего, не огорчайся, на твоём месте и я бы не поверил. Ну,

давай простимся. Ты был ко мне добр, внимателен, благодарю тебя за все, за твою сердечность. Помнишь, чем мы говорили вчера вечером? Буду рад, если мои слова запали тебе в душу. А теперь прощай, Мераб, дорогой, держись молодцом!

Гавриил бросился к дверям и вытянулся, как солдат на параде. Пропустив Бакара вперед, он последовал за ним. Мераб, ошеломленный, устало прислонился к стене, не зная, что и думать. Наконец он вспомнил, что в кармане у него ордер и надо переезжать на новую квартиру. Ему взгрустнулось при мысли, что бедняге Бакару не повезло хотя бы одну ночь переночевать на новой квартире. В это время в коридоре слышался громкий разговор.

Однако сосед Мераба — сварливый старик уже выскочил в коридор в неизменной белой майке и дребезжащим голосом что-то возбужденно доказывал незнакомым молодым людям — двум юношам и одной девушке, по виду студентам. Дверь рядом тоже была открыта, на пороге стояла полная курчавая соседка и слушала трескотню старика с подчеркнутым безразличием, но почему-то не спешила войти в комнату и закрыть за собой дверь.

— Справедливость восторжествовала! — старик размахивал в воздухе какой-то бумагой. — И так будет всегда! Пусть знают все! Что? Спровадили на пенсию Тэдо Гаситашвили? Без него думали обойтись?! Не вышло! Вот официальная бумага, мне ее по почте прислали. «Просим явиться в отдел кадров». Почему бы это? Что мне нужно в отделе кадров? Ведь Тэдо Гаситашвили все дела с отделом кадров закончил. Все! Положил в карман пенсионную книжку и ушел. Вы же меня на пенсию отправили. Что? Трудненько пришлось? Не можете обойтись без Тэдо?! Не тянут желторотые птенцы?! А вы как думали?! Не пойду! Дождитесь! Ноги моей там не будет! Все! И не посмотрю в вашу сторону!.. А, что? Кого вам? Мераба Андзавели? Крайняя дверь. А вот и он сам.

Старик скрылся в своей комнате и захлопнул дверь. Молодые люди переглянулись и, после некоторых колебаний, нерешительным шагом направились к Мерабу.

— Здравствуйте! — с Мерабом поздоровалась только девушка. Парни не издали ни звука.

— Слушаю вас....

— Вы Мераб Андзавели?

— Да, я.

— Знаете... Нам сказали, будто вас посетил создатель грузинского алфавита.

— Он был здесь, но ушел.

— Значит, это правда? — молодые люди изумленно переглянулись.

— Как вам сказать... У меня был симпатичный старик, назвавшийся Бакаром Андзавели и объявивший себя создателем грузинского алфавита.

— Вы... не проверяли?

— Я инженер. Это дело историков.

— Да, но... хотя... одним словом, он ушел?

— Ушел, — подтвердил Мераб. — А что вы хотели?

— Ничего особенного, но... вы не впустите нас в комнату?

— Мы не поместимся у меня в комнате.

— Зачем же мы шли сюда, если нам ничего не нужно? — раздраженно вмешался невысокий юноша. — Говорил я вам, не надо мчаться сломя голову, давайте сперва хорошенько все обдумаем. Но вам же не терпелось: пойдем, пойдем скорее! А теперь вдруг—ничего!

— Ну, а все-таки что вы хотели? — еще раз спросил Мераб.

— Нет... — смутилась девушка, — ничего такого. Но...

— Я вам скажу, батона, что их привело сюда, — невысокий юноша довольно бесцеремонно отстранил девушку. — Они думают, что это был не просто создатель грузинского алфавита, а сам Господь Бог! Вероятно, чем-то обеспокоенный. Он снизошел к нам. И в самом деле, вокруг столько несправедливости, честным людям житья нет от воров! В общем, много высказали наболевшего, всего я и не припомню. Ну, хорошо, я согласен с ними. Но под силу ли одному старику покончить с этими безобразиями?!

— Наверно, тяжело ему придется, — ответил Мераб.

— А я что им говорил?! Старик — если он действительно был здесь, я все-таки этому не верю — так вот, старик создал алфавит и продолжил дальше свой жизненный путь. Потом умер. А теперь мы сами должны... не знаю, бороться, что ли, добиваться... Правильно я говорю?

— Совершенно с вами согласен, — поддержал его Мераб.

— Слышали? А вы заладили: пойдем, пойдем! Ну, пришли, а что дальше?

Третий посетитель — высокий черноглазый юноша с печальным выражением лица — стоял молча.

— Хорошо, — девушка упрямо вскинула голову, — хорошо, допустим, старик действительно ушел. Но разве то, с чем мы встречаемся на каждом шагу, справедливо?

— Что вы имеете в виду?

— Многое. Вот послушайте: лектор, читающий фонетику, говорит мне: «Тот, кто на экзамене не будет проиожнить правильно, не удоштоится у меня хорошей оценки». Я невольно рассмеялась, а он за это испортил мне матрикул — вlepил тройку. «Напрашно шмеешься, ждесь не чирк, а универшичет». Скажите, это правильно? Разве лектор должен так поступать? Почему студент не имеет права засмеяться?

— Это все, что ты хотела сказать? — насмешливо спросил невысокий девушку.

— Нет! Вовсе нет! Я много могу рассказать. Вот рядом со мной стоит мой однокурсник. Молодая учительница нарочно занижала оценку его маленькому сыну. Она почему-то считала, что ей все дозволено. Ребенок очень страдал. Вообще дети гораздо острее нас, взрослых, переживают несправедливость. Мы проверили — ребенок оказался прав. Обратились к директору с просьбой перевести мальчика в другой класс. Директор удовлетворил нашу просьбу. А учительница на всю школу обозвала нас бессовестными и скотами. Она, видите ли, молодой, растущий специалист, а мы подорвали ее авторитет. Директор не наказал ее: оказывается, она обругала нас потому, что ей стало жаль ребенка. На следующий год директор даже повысил ее, так как надо было выполнить план по выдвижению

молодых педагогов. Так это было? Говори! — накинула девушка на невысокого юношу.

— Так, так... только что может сделать старик? — пожал плечами юноша.

— Разве дело в старике?

Юноша ничего не ответил.

— Вот, батона Мераб, что стряслось с нашим товарищем, — девушка указала на печального юношу. — Отец у него умер. Очень был хороший человек. Мать получала семьдесят рублей. Разумеется, не хватало. Потом его мать... ну, в общем... ошиблась. Кажется, двадцать рублей было, да, Бадри? Арестовали ее и засудили. Бадри теперь живет у дяди, а им и без него тесно. Тетка все время ворчит. Разве это правильно? Скажите, батона Мераб!

— Конечно, нет. Я бы его мать выпустил, а учительницу посадил. Вы должны были жаловаться на нее.

В это время раздался голос полной женщины:

— Вы посмотрите, что творят шоферы такси. Этим летом я везла внука из Глдани. Стояла страшная жара, асфальт плавился. В кармане у меня было два рубля. Из Глдани ехать далеко, уже на полдороге счетчик показывал один рубль. Ну, думаю, пока до дому доедем, два рубля набежит, шофер запустит мне чем-нибудь в голову, если заплатит ему точно по счетчику. Велела остановить далеко от дома, заплатила два рубля и целый час с маленьким ребенком тащила пешком по солнцепеку. Когда пришли домой, у малыша кровь хлынула из носа. А что делать, если шофер останется недоволен, прожжет тебя насквозь свирепым взглядом, может даже обругать. Вы это тоже запишите.

— Мы ничего не записываем, — молодые люди невольно рассмеялись. Громче всех смеялся юноша с начальными глазами.

— А я думала, вы записываете...

— Ну, что будем делать, — обратилась девушка к товарищам. — Пошли? О многом хотелось бы поговорить, но...

— Послушайте, батона Мераб, что я вам расскажу, — невысокому юноше тоже захотелось выговориться. — Есть у меня двоюродный брат, инженер по обра-

зованию. Он и работал по специальности—инженером, но зарплата была очень маленькая. Он решил пойти в рабочие, там заработки больше. Но его не отпустили. Ты учился на инженера, сказали ему, государство потратило деньги на твое образование, вот и работай инженером. Через некоторое время он встретил старого знакомого, и тот принял моего родственника к себе на завод рабочим, но при этом поставил условие: «Если хочешь работать здесь, будешь отдавать мне сто рублей из своей ежемесячной зарплаты». И брат мой вынужден был согласиться. Что вы на это скажете?

— Скажу, что это отвратительно.

— А некоторые инженеры имеют в день сто рублей, — вмешался в разговор печальный юноша. — Я сам встречал таких.

— Да, есть и такие, — подтвердил Мераб. Он проникнулся все большей симпатией к этому парню.

— А врачи? — снова вступил в разговор невысокий юноша. — Врачи что творят? У нас ведь лечение бесплатное, не так ли? Значит, мы уже оплатили и зарплату врачей, и все остальное. А попробуй-ка добиться этого самого бесплатного лечения? Боже сохрани заболеть, без денег никто на тебя и глядеть не станет! Эх!

— Одним словом, — девушка махнула рукой, — пора кончать. Так можно до утра проговорить. Наш уважаемый Мераб, наверно, спешит на работу.

— Да, не скрою... и так два дня пришлось пропустить.

— Сейчас уйдем. Мы много хотели бы сказать, но... — девушка робко тронула Мераба за локоть, — скажите, старик действительно был и ушел? Очень жаль. Нам просто стало интересно... Просим извинить за беспокойство.

— Ну, что вы, какое беспокойство! Знаете, на днях мне посчастливилось услышать умную мысль: люди в своих делах должны полагаться только на самих себя. По-моему, хорошо сказано. То есть люди должны быть постоянно начеку и не бояться трудностей. Я лично так понял эти слова.

— Прекрасно сказано! — подхватил невысокий.

— В этих словах есть и глубокий смысл, и юмор.

Чье это высказывание? Его? — девушка впилась глазами в Мераба.

— Нет. Так, одного человека...

— Еще раз большое вам спасибо, батона Мераб и до свидания!

— Всего хорошего!

* * *

Мераб в тот же день вселился в новую квартиру. Заполнив все анкеты и приложив все печати, новый управдом встал, вручил Мерабу ключи от квартиры, пожал руку и произнес приличествующую случаю краткую речь:

— От всего сердца поздравляю с получением новой квартиры! Желаю долгих лет жизни, здоровья и всяческих благ! Квартира в самом деле неплохая. Темноватая, правда, однако это не умаляет ее достоинств. Но одно обстоятельство вы все же должны учесть. По правилу труба, отходящая от основания ванны к главной канализационной магистрали, должна иметь наклон градусов десять-пятнадцать, не меньше. К сожалению, монтажники допустили принципиальный просчет. Труба наклонена не в сторону канализационной магистрали, а, наоборот, в сторону основания ванны на те же десять-пятнадцать градусов. Следовательно, угол наклона соблюден, только направлен в противоположную сторону. Поэтому вместо оттока воды из ванны в канализационную сеть происходит приток по канализационной сети в ванну. Факт, конечно, неприятный. До капитального ремонта это уже не исправить. Но оснований для беспокойства нет. Если понадобится, мы просто заделаем трап в ванной комнате, а вам придется после купания вытирать пол тряпкой, только и всего. В остальном квартира в полном порядке. Я полагаю, она вам понравится. Еще раз поздравляю и желаю здоровья и благополучия!

Конец первой книги

Перевод Игоря КАЛАШЬЯНА
и ЮРИЯ ЧЕИШВИЛИ

Я верю!

Г. Д.

Я чувствую слабость пера своего,
но искренним быть обещаю.
Свой стих я к тебе обращаю
и знаю, что ты не осудишь его.

Я твердо поверил в победу добра,
но веру глубокую эту
не раз подвергала навету
навек миновавшая злая пора.

Я помню — во власти сомненья и мук
я брел по земле сиротливо,
но встретил тебя у обрыва —
и всё засверкало, запело вокруг.

В мой разум и душу ты сразу проник,
и ныне, при каждой невзгоде,
горит на моем небосводе
звезды путевойдной спасительный блик.

Еврейская диаспора в Грузии дала немало талантливых деятелей. Среди них был и писатель Герцель Баазов (1904—1938), автор ряда пьес, прозаических произведений, стихов, публицистических статей. Писал он на грузинском языке. Много работал в области поэтического перевода. Предлагаемые читателю стихотворения были напечатаны: «Я верю», посвященное Гершону Джинджихашвили, любимому учителю будущего писателя, — в 1922 году в газете «Они», «Письмо другу» — в 1923 году в газете «Трибуна», третье же — «И взойдет над миром...» — в тексте пьесы-мистерии «Диллеамар» («Старый замок»), аллегорически олицетворяющий гибель старого мира, — в 1927 году.

Перевел стихотворения сын
Герцеля Баазова — Натая БААЗОВ.

Поэзия — жизни развернутый флаг,
а жизнь на земле бесконечна.
Я верю — поэзия вечна,
и в мире навеки развеется мрак!

Письмо другу

Ответ я задержал немного —
закономерен твой упрек.
Прости.

Мой день размерен строго,
как будто алгебры урок.
Тифлис,

эпохой обновлённый,
любовью Грузии согрет.
И эти древние колонны,
и новый университет —
меня ласкают светлым взором,
отрадой наполняют грудь...
И по неведомым просторам
стихи готовы в долгий путь...
Не нужно музам ограждение!
Не за горами,

говорят,
театра нового рожденье,
театра старого закат.
Кончаю.

Время.

Час занятий.

Я напишу тебе не раз.
Быть может, и поэм не хватит —
поведать правду без прикрас.
Я в дружбу верю всей душою,
и, что бы ни случилось вдруг,
всегда останутся со мною —
и блеск стихов,

и близкий друг!

И взойдет над миром ласковое солнце!

Старый замок лжет,
и за годом год

он грозит народу муками, полоном.
Мы войну объявим змеям и драконам,
гадам всех мастей, стерегушим вход.

Мы войну объявим мерзостной породе
всех его жильцов, извне и внутри.
В пламени зари
старый мир взвихри,
грозная когорта преданных свободе!

Мы чеканим шаг,
мы вздымаем флаг.
Это флаг восстанья, это стяг победы.
И доносят ветры — прошлого полпреды:
в ужасе дрожит осажденный враг...

Гибель мы готовим злу и пустословью.
Мир живет, прогнив, —
назревает взрыв.
И по всей земле слышен наш призыв,
и пылает знамя нашей алой кровью.

Старый мир смешон в ярости своей.
Час его наступит — стинет без исхода.
Наша цель прекрасна, звать ее Свобода,
и везде у ней —
много сыновей...

Пусть по белу свету всюду пронесётся
наш святой призыв: Подымись, народ!
Старый замок лжет,
час его пробьет,
и взойдет над миром ласковое солнце!

* * *

Почему заслонились руками, сестра?
Что, Мтацминда изверглась, вскипела Кура?
Так откуда брюлловская поза?
Это сын мой лопатку занес над тобой!
Из песочницы вышел и ринулся в бой
По приказу, а не от психоза.

Ему детскую память отшиб алкоголь,
Он — подъездная пыль, перекатная голь.
Что еще в оправдание сына?
Его оторопь душит и мучает пол,
И поэтому он одинаково зол
На душмана и христианина.

Ему выбрал начальник достойную цель.
(О, я знаю, какой здесь бывает апрель,
Как не в силах отцвесть цикламены!)
Дэда Картли, несчастны мои сыновья,
И поэтому дай мне принять на себя
Неподъемное бремя измены!

Целованьем последним прощаться пора, —
Мы не встретимся в Царствии Божьем, сестра.
Поклонись от меня Змеееду...
Не смогу я отринуть своих сыновей,
Но сюда воскресать из мертвецкой своей
Не приеду уже, не приеду...

Рассказы

ЗАЩИТНИК

Перед рассветом туман стал рассеиваться. Огромные влажные клочья его косо ползли вверх вдоль скалистого склона, застревали на замерзших верхушках густого леса, таяли, оседая на них, и тяжелыми большими каплями повисали на спящих почках. Капли текли, как слезы, медленно, очень медленно набухали, вытягивались, удлинялись и, временами отрываясь, со стуком падали на подмерзший снег.

Ночь отступала. В ущелье стояла тишина, молчал лес. Но все вокруг замерло отнюдь не в ожидании чуда наступления нового дня. Даже ветерок не играл. Он скромно и безропотно гнал туман к гребню горы. От ужаса перед чем-то невидимым трепетали даже мерзлые листья дуба на вершине Канчхали. Не шумел и ручей. Спрятавшись под лед, он тайком пробирался вниз, временами пуская воздушные пузыри и тихонечко булькая. Нигде не видно было ни души. Казалось, что в этом безлюдном труднодоступном взгляду ущелье жизнь прячется под снегом. И вдруг снизу из редкого лесочка по ту сторону ручья послышался глухой треск сучьев. Такие звуки нередки в лесу. Тем более в снег и ветер — подломится отяжелевшая ветвь, упадет на землю или в снег и разобьется. Но теперь этот треск не сопровождался мягким звуком падения в снег. И опять тишина, редкий звук падающих капель и едва слышное журчанье ручейка из Чкерели по низу ущелья. Через некоторое время послышался скрип снега и на узкой площадке, над которой с трех сторон навис-

ли скалы, у белого, покрытого снегом кустарника ежевики появился олень. Он осторожно шел, вытянув длинную шею и наострив уши. Переступив два-три шага, останавливался и прислушивался. Затем, осмелев, ступал снова. Это был самец. В сумерках перед рассветом на белом снегу постепенно четко вырисовались его взметнувшиеся ввысь с тремя отростками на концах рога.

Небо постепенно светлело. Олень осторожно приблизился к кустам ежевики, вытянув шею, бережно, так, что не шелохнулась даже снежинка на кусте, откусил стебелек листа и, повернув голову, стал смотреть туда, откуда только что появился. Он чего-то ждал. Видно было, что голодает он давно — бока впали. Он причмокивал губами, временами прядая ушами и оглядывая склоны гор. Затем снова смотрел на дорогу, ведущую к площадке. Вдруг олень наострил уши, встрепетнулся и, повернувшись к кусту, стал торопливо жевать. У входа на площадку появились еще два оленя, они шли по проложенному следу. Впереди вприпрыжку шел с только-только появившимися рожками олененок. Он уже походил на своих взрослых сородичей — с его шкурки исчезли белые пятна, и она приобрела темно-серый цвет, но по всем повадкам чувствовалось, что это все-таки олененок. За ним шла самка — с высокой тонкой нежной шеей, безрогой красивой головой. В темноте не были видны светлая кожа в паху и под мышками, не видны были также темный подбородок и черные, словно бы рисованные, глаза. Но отчетливо выделялась шкура на крупе повыше бедер, светлая и гладкая. Олененку уже не было надобности бегать за матерью, он резво шел по следам, проложенным отцом в снегу. Увидев отца, он осмелел, прибавил шагу и, подбежав, торопливо набросился на листья ежевики. Оленю стало приятно, довольный, он оглядел детеныша, ласково коснулся плечом его шеи и продолжал жевать. «Все-таки я хорошо сделал, что привел их сюда, — подумал он, — совсем он истаял, бедняга». Олениха обошла детеныша справа и искоса застенчиво взглянула на самца, он поднял голову и смело заглянул ей в глаза. Но тотчас опять замер, напряженно вслушиваясь, осторожно обошел кустарник и встал напротив

своего семейства... Теперь он держал под контролем пространство вниз по ущелью, а самка — вверх по склонам гор.

Как только стало светлее, ветерок ожил. Порой он пригонял клочки тумана, окутывая окрестность, и тогда оленей едва можно было различить. Потом отгонял, очищал все вокруг и тогда светлело так, что становилось радостно на душе. Олени бесшумно ели, осторожно откусывая листочки, ни на минуту не переставая вслушиваться.

«Как хорошо, что я их привел, — думал тем временем самец. — Они немного пришли в себя, давно ничего не ели свеженького. Негоже так осторожничать. Разве это жизнь — умирать с голоду?! Не знаешь чего и бояться, опасность всегда поджидает там, где не ждешь. Нет, порой нужно и рискнуть, какой толк осторожничать — не встретишь врага, так с голоду помрешь...»

Сколько лет было самцу, а такого снегопада, такой долгой зимы ему не припомнить. Он потому и выбрал для лежки это ущелье, что тут никогда не бывало большого снега. Не раз он пасся на солнечных полянах, где порой и среди зимы пробивалась трава. И не было у него забот. Но нынче зима выдалась суровой. Непрерывно шел снег. Порой, правда, проглядывало солнце, тогда становилось тепло, снег начинал таять, и казалось, что все беды миновали. Прояснялось небо, подмораживало... Но затем снова сгущались тучи, и подмерзшая земля снова покрывалась снегом. И тут нечего было и думать, что снова начнет таять, снег все сыпал и сыпал. В январское новолуние выпало столько снега, что олененка было и не видать.

Третий месяц пошел, как остались они отрезанными от всего мира на склоне горы по ту сторону ущелья в Хекцеули. Они никуда не могли уйти. В такой снег идти опасно: следы и темно-серое одеяние четко выделяются на белом. В такой снег даже звук шагов слышен далеко окрест. Много на свете тех, кто жаждет крови, как знать, кто станет их преследовать, кто устроит на них засаду...

И зимой и летом Хекцеули служило им прекрасным убежищем. Склон горы был в меру покатым, лес редким, окрестность хорошо просматривалась, к ним бы-

до нелегко подкрасться. Огромный сваленный ветрами бук и покрытый папоротником и ромашками дуб служили хорошим укрытием. Когда опасность угрожала снизу, из ущелья, они прятались в котловине и оттуда уже взбирались на вершины. Там постоянно пасся скот и сам черт не разобрался бы в следах. В кустарниках у края ущелья пережидали они опасность, затем по одному из спусков возвращались на свои обжитые места.

В ущелье было полным-полно всякой еды. И родник там же в сотне шагов, в ольшанике. Жили они, можно сказать, без забот. Но нынче снежная зима затруднила их существование. Очень скоро кончились и мох и трава вблизи Хексеули, они перерыли все вокруг — ничего не осталось, даже коры на деревьях. И снег раскапывать стало трудно, он подмерз, затвердел, да и шум, когда они его пробивали, мог привлечь внимание. Они стремились сюда, к ежевичному кустарнику, он был тут же рядом, не надо было далеко ходить. Но их останавливало то, что надо было пересечь ведущую из ущелья вверх тропинку. На этой тропинке не было ни души, пояись там враг, он сразу заметит их следы. И тогда они погибли.

Они долго терпели голод. Взрослые могли выдержать еще — но маленькому было трудно. Он похудел, стал зябнуть, ослабел, шерстка у него вставала дыбом, он дрожал. Вчера вечером он прилег под деревом, склонив голову набок, по ресницам его катились слезы. Мать приласкала его, облизала ему бока, потерпи, милый, шептала, кажется, проясняется, начнет таять. Оленья словно бы что-то ударило по сердцу. Всю ночь он не спал. Вслушиваясь и вглядываясь, ловил все шорохи, часто-часто втягивая воздух ноздрями. Взвешивал все за и против, решал, что можно будет сделать на случай нападения врага, как можно будет спастись. Под конец решил: будь что будет. Далеко за полночь он ушел один, проложил след, разведал дорогу, и вот теперь сюда явилось его семейство.

Олененок торопливо ел. Из-за сравнительно коротких передних ног, он стоял, изогнувшись в спине, словно бы вытянувшись перед прыжком. Откусывая листок, он сияющими глазами смотрел то на отца, то на мать,

причмокивая губами и от удовольствия помахиывая пушистым хвостиком.

Светало. Временами, когда туман рассеивался там-сям на небе проглядывали блеклые звезды. Надо было уже уходить. Олень оглядел лес, затем поглядел на детеныша. Олененок самозабвенно жевал. «Пусть ест, отведет душу», — подумал он, и только было и сам потянулся к сладким от мороза, приятно таявшим во рту листьям, как в излучине ущелья раздался треск льда. Олененок вздрогнул и испуганно огляделся. Самка взглянула на оленя. Весь обратившись в слух, он настороженно вглядывался в лес. Что это было? Долго они стояли одеревянев. Но подозрительный звук не повторился. Ешьте, ничего страшного, под конец подал знак олень. Самка с детенышем продолжили есть. Сам же он стоял, не шелохнувшись, вслушиваясь, не повторится ли звук. Что же это был за звук, размышлял он, неосторожно ходят только собаки и люди, под ними и мог подломиться лед. Но если это была собака или человек, они беззаботно продолжили бы путь. Лесной же зверь не стал бы так ломать лед. А может, сорвался камень, но он должен был повлечь за собой и другие.

Лес молчал. Олень еще больше напряг слух и услышал негромкий звон ручья, шагов на триста ниже. У самого источника журчанье было громче, затем ручей успокаивался, а у излучины внезапно умолкал.

Подозрительный звук не повторялся. Олень встревожился. Инстинкт подсказывал ему, что тут не все в порядке, и он забеспокоился. Неопределенность была хуже всего. Попробовать скрыться—вдруг да они выдадут себя с головой, не предпринимать ничего, вдруг да подкрадывается враг. Если бы не такой глубокий снег, он бы не выдержал. Прыжками подал бы сигнал. Короткими высокими прыжками, перестуком копыт об камни, от которых они бы осыпались и со звуками, подражающими хриплому собачьему рычанию, отбежал с опасного места шагов на сорок. Этот трюк он повторил бы несколько раз. Мелкий зверь испугался бы. Если бы подозрительный звук повторился, тогда одним прыжком, особенно высоким, он прыгнул бы в ту сторону, куда должны были убежать его сородичи.

Но если бы это оказался хищник, который стал бы преследовать его — он бы взвился вверх, вбок от своего семейства, перемахнул кустарник, овраги, перенесся через пригорки и оставил бы преследователя далеко позади, или, необъяснимыми маневрами запутав следы, скрылся от него. Но сейчас, в этот снег, об этом и думать было нечего. Жаль, что из всего племени остались только трое, если бы рядом с ним были такие же, как он, самцы с крепкими ногами, они проочередно прокладывали бы путь в глубоком снегу. Но теперь надо было затаиться и переждать. Это было разумнее всего.

Олененок же ничего не слышал, он торопливо и жадно откусывал листок у стебелька, наспех жевал и глотал наполовину прожеванным. Самка часто останавливалась, замирала, вся обратившись в слух и оглядывая склоны гор, затем поворачивалась и осматривала овраг. Чуть позднее, когда они слегка успокоились и олень тоже стал обрывать листья, со стороны оврага послышался приглушенный звук — скрип снега. Остаться было уже опасно, надо было торопиться в Хекцеули. Самец подал самке знак следовать за ним и, осторожно ступая, пошел по своим же следам. Олениха следовала за ним по пятам. Олененок же все не мог оторваться от куста. Мать обернулась и взглядом приказала немедленно становиться в след. Олененок тут же вприпрыжку догнал их. Осторожнее, рассердилась на него мать. Олень остановился у изломанной ольхи. Дальше нельзя было идти. Их тонкие, вплотную прилегающие заостренные копытца, пробивая мерзлый снег, достигали почти что земли, и лед предательски скрипел под ними. Шум здесь был слышен явственнее. Кто-то поднимался вдоль ущелья по тропе. По тому, как он мягко ступал, было ясно — это хищник. Он шел по подмерзшему снегу, и когда тот подламывался под ним, останавливался и замирал, замирал надолго, потом опять шел. Олень стоял оглушенный и растерянный. Он ничего не понимал. И волк и рысь ходят очень осторожно, лед не мог с таким треском подломиться под ними. Так неуклюже ходит только медведь, да еще так хрустеть снег может только под собакой, хотя у собаки свои повадки, она не останавливалась бы надолго. И потом она часто дышит, облизывается, издавая при

этом характерный звук, бежит трусцой, останавливается, чтоб прилягнуть или ногу поднять. Она осторожно подкрадывается, когда берет след. Но ветер был силен, и она не могла учуять их.

Олень внимательно оглядел впадины между гор, ведущие к ущелью. Вслушался. По опыту он знал, если вдоль ущелья идет собака, у выходов обычно сидят в засаде охотники. Но если против встречного ветра идет матерый волк, выходы из ущелья перекрыты его стаей. Сверху не доносилось ни звука, ничего подозрительного. Он опять вслушался. Слушал долго. И вдруг его словно оглушило — да ведь это волк! Он шел след в след, крест-накрест ставя задние ноги вслед за передними. Он хромал и ступал всей тяжестью, потому под ним и скрипел снег.

Олень беспомощно огляделся и в отчаянии взглянул на самку. Ее сковал страх. Детеныш еще не знал, что означает встреча с волком в большой снег, хотя и почувствовал, что пришла беда.

На Хекцеули нельзя было идти. Во-первых, от обостренного волчьего слуха ничто не укроется, во-вторых же, поднявшись по тропинке вверх, он непременно заметит их следы и, преследуя, загонит всех троих. Но и тут, на узкой площадке меж трех скал, они очутились в западне.

«Что же это я натворил?» — сокрушался олень. Появление волка всегда приводило его в ужас. Но если б не этот снег, он не был бы так обеспокоен. Да и сам волк не стал бы преследовать их. Серые бандиты знают, что преследование оленей бесполезно, и не делают даже такой попытки. Много раз он оставлял их ни с чем. И не только волка-одиночку, но даже стаю. Олень был привязан к своей семье и всегда был готов жертвовать собой ради нее, никогда не поступался своими обязанностями защищать ее. Кто знает, сколько раз он подвергал себя опасности, чтоб спасти их от верной гибели. Он прекрасно знал ущелье и горы вокруг него, знал, какого врага и откуда ждать, каким маневром избавиться от него, где укрыть свое семейство. Нет, он не ошибался никогда. Но если враг все же настигал, он выскакивал ему навстречу, увлекая за собой подалее от своего семейства.

«Он застал меня врасплох, — лихорадочно думал олень. — Нельзя было столько выждать. Надо было раньше привести их сюда и уйти до рассвета. Хотя, напади он на след, могло выйти и хуже. В первую очередь он погнался бы за олененком и...» Самец представил себе увязавшего в снегу мечущегося детеныша и предсмертный его крик под клыками волка. Дрожь пробрала его.

«Но что ему тут надо в этот снег и мороз, зачем он явился», — не переставал удивляться самец. Ведь днем, когда подтаает снег, ему будет трудно идти. Какая же необходимость гонит его? Нет, все же лучше всего затаиться. Волк шел с подветренной стороны, и если стоять неподвижно, он может пройти рядом и не заметить. Другого выхода не было, надо набраться терпения и ждать своей участи. Если волк уйдет в сторону лесистого плоскогорья, они спасены, но если свернет к вершине и увидит их следы, они пропали.

Волк шел, часто останавливаясь. Вскоре ветер донес его смрадный дух. Оленей пробрала дрожь. По мере его приближения чувствовалось, что ему труднее и труднее идти: он спотыкался, порой ложился, один раз даже скатился.

Олени не могли понять, отдыхал он или это был какой-либо из коварных его приемов.

Самец дал знак самке следовать за ним, и когда волк после очередного отдыха тронулся с места, он тоже переступил несколько шагов. Семья последовала за ним. Кое-как они добрались до кустов и притаились там.

Рассвело, туман окончательно рассеялся. Изредка капало с деревьев. С востока порозовели облака. Олени истомились ожиданием, скорей бы он появился... И наконец... Сквозь редкий кустарник самец сначала увидел его уши. Он обратил внимание, что уши его не стояли торчком, как обычно у здорового волка. Когда же он увидел его всего, всерьез обеспокоился, похоже, это был Черногубый. Он пригляделся к левому виску, если на нем рана, то это точно Черногубый. Но волк шел навстречу, и задняя часть виска не была видна.

В последнее время волков стало меньше, они появлялись разве что весной или осенью, когда трогались отары овец.

«Видно, дела его не так уж и хороши, — подумал самец, — несладко ему, иначе не бродил бы тут в одиночку».

Волк был почти черной масти, как и Черногубый, особенно темной была его спина. Он очень отощал, кожа да кости. Шел с трудом, неуверенно ступая на больную ногу, не так вольно покачиваясь, как Черногубый. Живот был поджат, а спина выгнута. И голова у него была не такой большой, как у Черногубого, и шея казалась тоньше. Ступая на больную переднюю лапу, он словно бы проваливался в яму, тогда он с силой ступал на здоровую, вот тогда и подламывался под ним снег. Он слегка припадал грудью на снег, тут же вытягивал левую лапу и выпрямлялся. Справа на боку шерсть у него стояла торчком, видно, недавно вылизывал ее. Волк приблизился, и оказалось, что он серовато-желтой масти. И глаза не блестели по-волчьи, взгляд был потухший и затуманенный, из глаз книзу шли две темные бороздки, словно бы по ним недавно текли слезы.

У развилки тропы, в шагах тридцати от следов оленей, волк остановился, огляделся, затем устоялся на растущие невдалеке лавровишни. Долго стоял так, вслушиваясь.

Только теперь понял олень его намерения — волк разведывал окрестности. Вдруг он поднял голову и принюхался. Оленей это не беспокоило, ветер все еще дул снизу, и если зверь не минует кустарник, он никогда их не учует. И все же они стояли, оцепенев от страха. Олененок же был без памяти, он как замороженный глядел на волка. Близость его приводила детеныша в неопиcуемый ужас. Мать взглядом пыталась подбодрить его, крепись, не бойся, только не шевельнись невзначай. Но он, обеспамятев, ничего не видел, кроме волка. Еще немного и, не выдержав, он сорвался бы с места и первым стал добычей хищника. Мать умоляюще взглянула на оленя, но он стоял, окаменев, и не собирался трогаться с места.

Волк все не уходил. Словно бы учуяв близость добычи, он стоял как вкопанный. Через какое-то время сделал несколько шагов к вершине горы. Олень не знал, что предпринять; еще немного, и зверь увидит их сле-

ды. Сердце у оленя забилося, ноги дрожали, он решил бежать, нельзя, чтоб волк увидел, что их трое. Но тут хищник на счастье остановился, взглянул на ведущую вверх к вершине тропу и по недолгом размышлении повернул к плоскогорью. Когда волк повернулся, у оленя зашлось сердце — это был Черногубый.

Волк поднял голову, закрыл глаза и замер, словно бы пытался что-то увидеть мысленным взором, что-то вспомнить. Потом он слегка приоткрыл черные губы и слабо, словно бы причитая, горестно завыл. Жуткий вой отозвался в горах, задрожали даже деревья. От дуплистого бука оторвалась сухая ветвь, упала на лед и разбилась.

Олененок заметался, не зная куда бежать, где скрыться, мать, не выдержав страданий сына, выгнулась дугой и только хотела было сорваться с места, как взвился в высоком прыжке олень. Он сбоку перенесся через кустарник и стремительно помчался к выходу с площадки. Волк остолбенел от неожиданности. Олень, выскочив на площадку, свернул влево и понесся к плоскогорью. Он знал, как трудно прокладывать себе путь по пласту мерзлого снега, его могло спасти только чудо. Но у него не было другого выхода, надо было спасти олененка. Это был единственный путь для спасения самки с детенышем, — и он бежал. Ему требовалось теперь все его умение, силы и смекалка, чтоб увести врага подальше, а затем можно было попробовать и ускользнуть от него. Начало было удачным, он был доволен — ошеломленный внезапным его появлением волк растерялся, замешкался и не сразу сообразил перекрыть ему выход из ущелья. Иначе он очутился бы в ловушке. Теперь появилась какая-то надежда. Олененок же был бы обречен, у него не достало бы сил и опыта для бегства. Черногубый догнал бы его сразу, обойдя сбоку, ударил бы на бегу, и олененок упал бы, перекатившись, волк налетел бы со спины, чтоб не получить удар острым копытом, и впился бы ему в горло. И тогда беспомощный предсмертный крик потряс бы горы... Олень по опыту знал, что бежать он должен короткими и высокими прыжками, так меньше придется ломать льда. Он пересек редкий лесок, затем склон горы, небольшой овраг и вылетел на протоптанную тро-

пинку. Тут снега было немного меньше, он не мешал. Олень уже бежал по ровному и почувствовал облегчение. Теперь задача была одна, как можно более оторваться от преследователя. Пока тот поднимется на плоскогорье, он должен успеть спуститься к зарослям дикой груши и уйти от врага. Он несся как гончая, временами буквально стелился по снегу, а временами у него словно вырастали крылья, он взлетал над кустарниками, кочками, а потом снова стелился. Тонкие передние ноги его будто бы даже не касались земли, задние растопыренные он сильно выбрасывал вслед за передними и отталкивался от земли. Он промчался мимо большого граба, лужи у развилки дорог, осторожнее у завала, напомнил он себе, вот сверну и снова можно будет мчаться, так надо пройти терновник, чтоб не осталось ни следа. У зарослей дикой груши он разогнался, молнией перелетел через терновник и опустился на скалу в ущелье. Снег тут был нетронутым. Он упал, вытянув все четыре ноги, заскользил по скале, рассек снег грудью и с шуршаньем покатился вниз к обрыву. Тут он сумел встать на ноги, в несколько прыжков спустился ниже и вышел на тропинку, по которой давеча проходил волк. Теперь от него требовалось спокойствие и осторожность. Потерявший след волк будет внимательно осматривать все кругом. Сердце готово было выскочить у него из груди, ноги дрожали. Он бесшумно прошел тропинку и у излучины укрылся за поваленным ясеневым деревом.

Стояла мертвая тишина. Отсюда хорошо были видны и верхняя часть ущелья, и нижняя — слегка изогнутая скала, заросшая дикой грушей, с узкой идущей вниз тропой. Впереди у излучины оврага был мелкий ивняк, левее, у самого источника, наполовину разрушенная базальтовая скала, затем начинался слегка покатый склон с редким лесом, там на краю его, у кустарника ежевики, и оставил самец свое семейство.

«Знать бы, там они или ушли к Хекцеули? — думал олень. — Я вовремя дал деру, иначе не миновать бы им гибели. Кажется, все сошло благополучно. Хорошо, он не перекрыл выход, иначе я был бы в ловушке. Но раз везло до сих пор, и я сумел оторваться, может, все сойдет благополучно. Да, я здорово его об-

манул. Во всяком случае, если он и взял мой след, он появится на скале, и пока дойдет сюда, я уже буду у граба со срезанной верхушкой, оттуда и спущусь вниз, а не то сверну у полянки, дам два-три круга, а потом выйду к изрытому кабанями дубняку и спрячусь где-нибудь».

Олень поминутно оглядывался то на скалу, покрытую густой дикой грушей, то влево на редкий лесочек. Если даже волк вознамерится вернуться к самке с детенышем, он все равно попробует увлечь его за собой в лес.

Очень долго ничто не нарушало тишины. Олень знал коварные повадки Черногубого и понимал, что успокаиваться не следует.

Небо прояснилось, наступило утро, крепчал мороз. Со дна ущелья вдруг словно бы выпрыгнуло солнце. Олень слышал еще от своего деда, что волк пожирает луну и солнце, и потому на свете наступает тьма и воцаряется зло.

«Как хорошо, что волк не успел спуститься в ущелье к восходу солнца,» — думал он, всей душой желая, чтоб солнце быстрее выбралось из ущелья. Солнце же медленно, лениво ползло вдоль гребня горы. Олень про себя подгонял его, боясь, что оно не успеет подняться до появления коварного хищника. Но оно не торопилось, медленно-медленно скользнуло за облако и тут же появилось, уже сияя, на небе. «Спасено, — облегченно вздохнул олень, — и солнце спаслось, и мои милые, и я как будто спастся». Он стоял окаменев, его темно-серая шкура не выделялась на фоне ольховой коры. В огромных прекрасных глазах скопилась влага, шерсть вздыбилась, он едва дышал от усталости и все же сдерживал дыхание, чтоб не вылетали облачка пара. Взор его скользил со скалы в лес и обратно.

Вдруг из ивняка послышался глухой стук, тут же следом осыпался снег и на краю базальтовой скалы появился волк. Олень всполошился, растерялся. Он никак не сообразил, что в шуме воды он не смог бы различить шаги этого бандита, и он вот так вот свалится на голову. Дорога к плоскогорью была отрезана, оставалось только ринуться в ущелье. Обезумевший, он сначала кинулся по своим следам обратно, пробежал ро-

щу. Пока мог, бежал, затем, увязнув в сугробах, стал прокладывать себе путь грудью. Идти становилось все труднее, но из ущелья нигде поблизости не было выхода.

Волк бросился к ольхе, принюхался, жадно ткнулся носом в след. И побежал. Очень скоро олень устал, обессилел, ему не хватало воздуха. От протоптанной в снегу тропинки шел резкий волчий дух. Олень знал, что это след тот, давешний, но страх все же был сильнее — как бы не было тут стаи. Он часто останавливался, оглядывался, прислушиваясь. Преследователь приближался, настигал. Хотя чувствовалось, что трудно и ему, иначе он бы давно его схватил. Почувствовав это, олень приободрился. Он собрал все свои силы, прыжками достиг ручья, перескочил через него и вышел на дорогу. Тут слегка перевел дух. Дорога была хорошо утоптана. От нее шел буйволиный запах. Олень в отчаянии оглянулся, если бы здесь были буйволы, он был бы спасен, они близко волка не подпустят. Он осмотрел следы и потерял надежду — буйволы тут были, но они протащили бревно в деревню. Душа его рвалась туда. Какое-то время он продолжал идти по следу буйволов. Словно с ног его упали мельничные жернова, так легко он шел. Ниже было не так много снега, на солнечных местах его вообще было по колено. Но по дороге идти было небезопасно. Хотя близость деревни больше могла напугать волка, может, он вообще отстал бы.

Олень часто останавливался, укрывшись за большим камнем либо за деревом, прислушивался, нет ли погони, и затем снова бежал до следующего прикрытия. Подойти ближе к деревне он побоялся и свернул направо в лес. В лесу снег был очень глубоким, и он снова вышел на полянку. Душа у него уходила в пятки от страха, но он все же постарался уйти подальше от опушки леса. Пошел по лесной прогалине, вначале шел вдоль околицы села, затем вновь вышел на другую лесную дорогу вдоль оврага, которая вела к вершине горы. Олень одолел подъем и, оказавшись на вершине, остановился у большого камня. Отсюда он отлично видел опушку леса и дорогу, ведущую к вершине. Поскольку он видел, что волку не под силу угнаться за

ним, он не спешил. Ноги устали, но времени на восстановление сил у него не было. Медленный бег еще больше утомил его. Сердце колотилось словно бы в горле, он задыхался, прокладывая в снегу путь, ободрал себе грудь и ноги, и теперь они горели, как от сжога.

Волка все не видать, и олень приободрился, может, тот побоялся идти вдоль деревни и отстал. Но радость его была преждевременной, волк появился на опушке леса. Видно, поостерегшись идти по дороге, он бежал лесом и, выйдя на дорогу, вновь взял след. Олень решил было обежать гору вокруг и, убедившись в том, что волк поднялся за ним, удрать вниз. Но из деревни доносился лай собак, и он решил не испытывать судьбу и бросился снова к лесу. Бежать, как прежде, он уже не мог, прыжки стали короче, а вскоре он и вовсе перешел на шаг. Преследователь все равно был далеко позади.

Внизу тропинка была шире, кверху она сужалась и у лесной чащи исчезала. Олень не мог повернуть назад. Вокруг же лежал глубокий снег, верхний слой его сильно подмерз, и его надо было ломать. Грудь и ноги оленя были уже в крови, сильно горели, он решил перейти на тенистую сторону горы, там снег был рыхлым и мягким. Вскоре показался волк. Он тоже обессилел, но увидев кровь в следах оленя, оживился, бросился к покрасневшему снегу и с жадностью лизнул его.

Олень часто останавливался, оглядывался на волка. Расстояние все уменьшалось. Сил бежать у него уже не было.

Собака глупа, она идет прямо по следу, видит след, но все равно тычется носом, доверяя ему больше, чем глазам, очень быстро устает, увязая в снегу. А Чернугубый хитер. Он шел вдоль следа, и снег только изредка подламывался под ним, шел, сберегая силы и энергию. Ему тоже было трудно, большую лапу сильно саднило. Порой он бежал на трех, тогда под ним подламывался снег, и он всей грудью и носом припадал к нему, но тотчас же проворно вскакивал, помогая себе мордой и больной ногой. Но бежать становилось все мучительнее. От слабости у волка темнело в глазах и

сводило судорогой все мышцы. Но более всего мучительно была пустота и жжение в желудке. Он чувствовал, что долго не протянет. но все же шел. Это была погоня не на жизнь а на смерть, он уже чувствовал, что пришел его конец, смерть витала над ним. Если он, голодный и больной, впустую потратит всю свою энергию на эту погоню, ему — конец. Для него, обессиленного, эта добыча была божьей милостью, спасением, и упускать ее равносильно смерти.

Плохие времена настали для Черногубого. Вот уже три месяца, как он остался в одиночестве. Его предала стая. Волки последовали за отарами овец на зимние пастбища, а его, вожака, бросили раненого. Немало он сделал для них добра, сколько раз рисковал собой... И все же его бросили. Обидно, конечно, но что поделаешь, каждому своя шкура ближе.

И Черногубый, и олень были обитатели одной горы, выросли в одном лесу. И естественно, не раз встречались, так что знакомство было старым. В молодости, когда они отбились от своих и гуляли в одиночестве, Черногубый попробовал было загнать оленя. Это было летом. Но тот так сорвался со скалы, так перелетел через вершину, что волк остался несолоно хлебавши. Он понял, что оленя так просто не догнать, тут нужен был какой-то хитрый маневр.

Поэтому, когда они неожиданно натыкались друг на друга и волк замечал, что олень полон сил, гут же оставлял его в покое. Но не переставал мечтать заставить его где-нибудь врасплох. И вот как-то летом, будучи уже вожакom стаи, волк с вершины горы оглядывал ущелье и что-то заприметил в прибрежной рощице. Вслушался, вскоре расслышал приглушенный, но достаточно явственный крик оленя и тут же увидел оленя с оленихой, совершавших свадебный ритуал. Тут волк почувствовал, что настал и его час. Олени в брачный период крайне неосторожны, они ведут между собой ожесточенные бои за обладание самкой, теряя головы и не замечая подкрадывающегося врага, пока тот не свалится как снег на голову.

Черногубый поспешно собрал свою стаю. Самок и молодых волков оставил в засаде у выхода в ущелье,

сам же с таким же быстроногим и крепким молодым волком пошел загонять оленя.

Разогнав соперников и оставшись наедине с самкой, олень самозабвенно ухаживал за ней. Самка кокетливо увертывалась от него. Они были настолько увлечены друг другом, что не заметили волков, которые обошли их и очутились за их спиной. Вспугнутые появлением волков, олени помчались в сторону выхода из ущелья, где поджидала их стая. Самку тут же задрали, а самец, рванув назад, напоролся на преследователей. Черногубый налетел на него и только хотел было впиться клыками в бок, как тут же получил сокрушительный удар копытом в голову и, оглушенный, рухнул. Из виска фонтаном брызнула кровь. Целую неделю после этого он отлеживался в логове, рана зажила, но остался шрам, на котором шерсть так и не появилась. Волк озлобился и уже сознательно преследовал оленя, но старания его были тщетны, олень неизменно ускользал от него.

Шло время. Черногубый заматерел, стал прославленным вожаком, даже старые волки перед охотой шли к нему за советом. Они поверяли ему тайны и, замерев, ждали его решения.

В начале зимы, когда ударили первые морозы, разведчики донесли: в лавровишневой рощице поселилось семейство оленей. Черногубый послал быстроногих волков загнать оленей, сам же вместе со стаей залег у входа в ущелье. Загонщики бесшумно окружили рощу. Облетевшая листва, упав на подмерзшую землю, заглушала все звуки. Окружив рощу, волки специально подняли шум. Куда девались олениха с олененком, они так и не поняли. Олень же и в самом деле, выскочив откуда-то, понесся в сторону засады. Он перелетел через кустарники, но у развилки, вдруг почуяв опасность, обошел стороной притаившихся волков и помчался куда-то в бездонную пропасть. Черногубый только того и ждал. Он молнией бросился за ним в пропасть, но радость его была преждевременна. Олень внезапно появился на противоположном склоне, волк же рухнул на огромный валун и покатился вниз.

Когда волк, придя в себя, выполз из оврага с разбитыми ребрами, его стаи и след простыл. С трудом

сквозь разрывы проглядывало солнце, и оленя прохватывало приятное тепло. Теперь он уже спускался, снег и тут был подмерзшим, но ломать его было гораздо легче. Вскоре он вышел на следы, свои и волка, испугавшись, как вкопанный остановился и принюхался, след был старый, остывший. И все равно он всполошился, надумал было вернуться, но словно бы что-то подтолкнуло его опять свернуть в чащу. Теперь уже он шел медленно, внимательно прислушиваясь и вглядываясь. От напряжения и страха у него онемели мышцы шеи и головы, порой он, пытаясь ослабить напряжение, поводил шеей и ему становилось легче, он начинал лучше слышать — даже шорох не ускользнул бы от него. В чаще стояла мертвая тишина. Олень опять мучился неопределенностью, не зная, то ли дожидаться появления преследователя, то ли преследовать самому. Если волк услышит звук его шагов, он притаится в засаде, но с другой стороны место тут было удачным для того, чтобы попытаться скрыться. Он волновался, внюхивался в следы волка и смрад заставлял его содрогаться. Нет, так дальше продолжаться не могло. Или надо было притаиться или попробовать вызнать, где же волк. Он решил и пошел по следам, ведь таким образом он мог и запутать следы. Волку будет трудно понять, старый это след или новый. Он шел осторожно, как можно бесшумнее. Порой снег скрипел у него под копытцами, и тогда он цепенел от страха. Но оставаться на одном месте не мог. Обмирая от ужаса, тихонечко продвигался вперед. Долго ходил он в мелком, частом кустарнике, прислушивался и принюхивался. И наконец услышал частое дыхание зверя. Услышал и, то ли от страха, то ли от радости, что наконец обнаружил его, чуть не выдал себя. Инстинктивно он рванул было бежать в обратную сторону, но сдержался, замер. Чернотубый не двигался, слышалось только его сопение. Непонятно было, устал он и решил отдохнуть или просто раздумывал, куда идти. Видимо, все-таки он лежал, потому что через некоторое время послышался шум, это он с трудом встал и снова двинулся по следу. Олень немного переждал, затем подкрался поближе и стал наблюдать за ним. Волк едва волочил ноги, видно, и у него дела были не блестящи. Переждав, пока волк

скрылся за горой, олень пошел следом. Но он боялся выходить на открытое место, там могла подстергать другая опасность, да и волк сразу бы его заметил. По этому он еще немного подождал, затем, решив, что волк ушел достаточно далеко, снова пошел по следу. Он аккуратно ступал в свои же следы, ошибись он хоть немного, и волк возьмет новый след. Олень обошел гору и снова пошел вдоль опушки. В кустарнике тенью мелькнула серая спина. Олень теперь выступал в роли преследователя. Они сделали еще один круг. Больше кружить уже было нельзя, поняв, что они ходят по кругу, серый мог притаиться и подстеречь. К тому же олень считал, что достаточно отдохнул и уже можно снова подумать о том, чтоб ускользнуть. Он приглядел заросли кустарника на противоположной стороне поляны. Собравшись, прыгнул в бок от двух росших вместе, как близнецы, дубов, в несколько высоких прыжков перемаяхнул через кустарник и, нырнув в заросли, притаился. Где-то в глубине души теплилась надежда, что зверь либо не сможет еще раз обойти гору, либо, не найдя след, уйдет.

Волк не появлялся. От голода у оленя подводило живот, но он боялся откусить листочек, соблазнительно свисавший перед его носом с куста ежевики.

Прошло довольно много времени. На вершине горы, в дубраве, послышалось хлопанье крыльев, олень вздрогнул, но тут же понял, что это сойки. Он не любил этих пестрокрылых коварных птиц, все лето опасался, как бы они не выклевали детенышу глаза. С криками и хлопаньем крыльев сойки слетались вниз. Вдруг одна из них тревожно закричала: «Будьте осторожны». Опустившись на нижнюю ветку дерева и покачиваясь на ней, глядя куда-то вниз, она безостановочно верещала. Олень понял, что она увидела волка. И в душе был благодарен сойке за то, что она помогла ему обнаружить зверя. Теперь уже вся птичья стая напустилась на хищника, они налетели на него, крича и хлопая крыльями. Шум подняли дикий. «Так его, проклятого, так его», — ликовал олень. А волка это ничуть не трогало. Он спокойно трусил, внимательно вглядываясь в след. Подойдя к двум дубкам, приостановился, наострив уши и рассматривая последний след, долго тыкался в

него носом. Затем обошел куст, огляделся и очень оживился. Глаза у него заблестели. Он не пошел по следу, а стал обходить заросли. Надежда придавала ему силы, он встряхнулся, еще раз огляделся. Без всякого сомнения, олень прятался в зарослях. Теперь надо было обдумать, откуда начать гон. Расчет у него был на то, что у оленя уже не останется сил прыгать через кусты, и если вспугнуть его и перекрыть лазейку, он обязательно попадется. Пытаясь выяснить, где же все-таки спрячется олень, он разведаль выходы, прикинул, в какую сторону его гнать. Он понимал, что нападение должно быть внезапным, но сил на это могло не хватить. От голода у него темнело в глазах и подкашивались ноги. Надо было действовать, не дать оленю отдохнуть. Но прежде надо было чем-то подкрепиться, терпеть голод уже не было сил. Одним глазком посматривая на заросли, волк разгреб землю и стал грызть ее. В душе он ликовал: раз олень затаился, значит и ему несладко. Слегка заглушив чувство голода, он вновь принялся осматривать заросли. Еще раз обследовал выходы. Он шел с подветренной стороны, поэтому сколько он ни внюхивался, вытянув нос, заглядывал в просветы, слушал, кружил, не смог выяснить, где именно притаился олень. Надо было спешить, вспугнуть оленя и загнать. Волк прыгнул через куст, затем еще раз, замер, прислушался и снова прыгнул. И вот он уже наконец в гуще кустарника. И тут его ушей достиг желанный шум: треск ломающихся сучьев, скрип снега и перестук копыт. Олень сорвался с места, в высоком прыжке перемахнул через кусты и вылетел на поляну. Занятый наблюдениями за волком, он не решил, как ему поступить и теперь, вылетев на проложенную тропинку, не знал, куда бежать, может, опять вокруг горы по старым следам? Но тут же внезапно для себя самого он свернул опять в сторону лесной чащи. Бежать вокруг горы — впустую тратить силы и энергию, таким образом ему не спастись. Волк будет ходить за ним по пятам еще сутки, и несчастье неминуемо. Наивно было бы рассчитывать на то, что волк отстанет. Нет, раз уж он дал себе передышку в зарослях, надо бежать в гору, пока хватит сил, оставить хищника далеко позади.

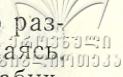
Олень рассчитывал на один маневр, применяя ко-

торый он часто уходил от преследователей, и от волков, и от собак. Но в такой глубокий снег дойти до этого места было сложно. Времени колебаться уже не было, и он рискнул. Он еще немного продолжал идти по следу, затем резко свернул и помчался к «Дурной горе». Он спешил, мерзлый снег рвал ему грудь и ноги, они снова стали кровоточить. Но речь шла о жизни, и на боль некогда было обращать внимание. Он бежал в гору, пока мог, потом стал постепенно отклоняться в сторону и, дойдя до водораздела, спрятался за деревьями, чтоб передохнуть. Сердце стучало где-то в горле, дышать было трудно. Правда, преследователь остался далеко позади, но ему вряд ли удастся отдохнуть как следует. «Господи, только б дойти до тропинки у кислых вод», — билась в нем мысль. Он взглянул на возвышающийся перед ним крутой склон горы. Ведь вначале ему даже не пришло в голову бежать к «Дурной горе», но безотчетно его все же, видимо, тянуло сюда. Он едва дышал, и мысль о том, что надо бежать по этому крутому склону вверх, приводила его в ужас, но другого выхода он не видел, за спиной был хищник. Вскоре появился и он. Вид у волка был весьма жалкий — язык вываливался, он едва тащил больную ногу. Хотя олень и ждал его появления, но увидев его, едва не обезумел. Страх погнал его, он сделал несколько прыжков и укрылся за гребнем горы. Тут опять приостановился, помощи ждать было неоткуда. И все же он беспомощно огляделся. В овраги по оба склона горы заглянуть было страшно, снега было очень много. Нет, надо взбираться на скалу, если он с божьей помощью доберется до вершины, перевалит через гору и спустится к кислому роднику, он спасен. Он поплывет немного вниз по течению речки, затем выйдет на левый берег у хвостатой горы, поднимется вверх по склону и укроется в лесу. А в воде не то что волк, сам черт потеряет след.

Медленно короткими прыжками вбок он стал подниматься по склону. Приходилось часто останавливаться, но стоило ему увидеть темнеющую серую спину, он как безумный срывался с места и несся вскачь, затем силы оставляли его, он замедлял бег и опять останавливался.

Страх придал ему столько силы, что он делал невозможное — ломал снег грудью, пробежал несколько редких лесочков, оврагов. Солнце уже клонилось к закату, когда он подошел к склону «Дурной горы» и вышел на заветную тропинку к кислому роднику. И только ему было показалось, что наконец-то открылись врата рая, как новый удар чуть не лишил его рассудка. На склоне горы он заметил готовую стронуться вниз лавину. У края тропинки снег уже дал трещину и с минуты на минуту она могла заскользить вниз. Олень остановился в растерянности — с одной стороны его настигал волк, с другой ему угрожала лавина. Переходить по готовой сорваться лавине равносильно смерти. Если его накроет снег — гибели не избежать. Бежать вверх по склону в сторону от лавины у него уже не было сил, вниз — он увяз бы в глубоком снегу, а волку того и надо бы. Он стоял и обреченно ждал своей участи. Вот уже можно различить шум волчьих шагов, олень в панике взглянул вверх, нет, это было сверх его сил, подняться он уже не мог. В каких-нибудь сорока шагах выше по голой скале стекал ручеек, снега там было мало, он виднелся там-сям, а мокрые камни были скользкими, сразу же под скалой лежала набухшая лавина. Тут и зимой и летом было очень влажно и росла высокая трава, зимой эту траву покрывал снег. И вот сейчас лежащий на этой мокрой траве снег представлял для оленя смертельную опасность. Из оврага доносилось журчание речки, ветер то усиливал его, то приглушал. Кое-где виднелись наметенные ветром глубокие полосы снега, вода была почти скрыта слоем льда, который искрился разноцветным. Летом речка сверкала серебром, сейчас же она была темно-синей. В другое время входить в воду зимой оленю бы и в голову не пришло, а сейчас это стало его самой заветной мечтой.

Ну что ей стоило совсем не трогаться с места или спуститься до моего прихода, попенял олень судьбе и повернул назад. Черногубый поднялся к перевалу. Видно, что-то учуяв, он залег в снегу, наострив уши и вглядываясь. Затем пополз, прижавшись к земле. Олень поглядел ему прямо в глаза. Увидев, что олень не трогается с места, волк что-то заподозрил. Он отвернул-

ся, словно бы не видя оленя, стал суетиться, что-то разглядывать, в то же время постепенно приближаясь. Приблизившись, он поднялся выше и оглядел набухший снегом склон горы. Увидев трещину выше по склону, он замер, лавины он боялся как огня.

«Он не нападет, — понял олень, — хитер черт, он не последует за мной, если я прыгну через нанос, и останется несолоно хлебавши. Теперь он постарается вынудить меня броситься в овраг».

Волк лег в снег, он и в самом деле не собирался нападать.

«Если бы у него не болела нога, он постарался бы обойти меня и вынудить спуститься в овраг, — продолжал тем временем думать олень, — если он станет обходить, я успею побежать назад по своим же следам. Это будет все же не так трудно, и потом вниз по спуску. Но он не станет обходить. Он запер меня в ловушке и теперь не стронется с места».

Передохнув, волк встряхнулся, перевернулся на спину, замахал лапой в воздухе, затем повернулся на другой бок. Лапами он обсыпал себя снегом, отряхивался, повизгивая, тем временем слегка понемногу подвигаясь к оленю.

«Ах ты, гадина», — думал про себя олень, постепенно отодвигаясь и подходя к краю пропасти.

Волк понял, что довел его до крайности, и перестал двигаться, но продолжал валяться в снегу, поскуливая и паясничая. Солнце клонилось к закату, набежавшее было облачко скрыло его и тень легла на гору, на альпийские луга, постепенно напозла и на лес и легким крылом задела место, где один на один находились волк и олень. Оленю стало холодно, дрожь пробрала его и тоска вкралась в душу. Пока светило солнце, у него еще оставалась надежда на спасение. Долго он стоял, оцепенев, суставы его одеревенели, нездоровая дремота охватывала его, сознание туманилось. Вдруг он испуганно вздрогнул и стал таращиться. Он погибал, это было ясно. Что-то надо было предпринимать. Он уже достаточно отдохнул, надо было что-то делать. Но что? Он попал в западню. Со всех сторон пути были отрезаны. Это было непростительно с его стороны стоять тут. Скоро стемнеет, станет еще холоднее. Ноги

ему уже не подчинялись, а будет еще хуже, он и шагу не сумеет сделать. Лечь нельзя было и укрыться было негде. Ночью стоять на этом ветру это верная гибель. А волку все это было на руку. Он зарылся в снег, холод не беспокоил его. И если стемнеет, радости его не будет предела, от его клыков не спастись. Олень снова взвесил все за и против и решил: другого выхода не было, надо было переходить через снежный занос, и если ему удастся это, он спасен. От волнения дрожь пробежала по телу, сердце бешено застучало, он тайком взглянул на волка, как будто тот мог прочесть его мысли, затем внезапно сорвался с места и бросился в огромную толщу снега. Снег, как он и думал, оказался очень глубоким. Не успел он сделать и десяти прыжков, как лавина стронулась. Сначала незаметно, а потом все сильнее ноги его стали увязать в глубоких движущихся складках, он упал, но тут же вскочил и побежал куда-то вбок, добрался до глубокой борозды, тут ноги уже не достигали до земли, и он завис над снегом, постепенно погружаясь. Он оглянулся. Волк, подойдя к краю лавины, метался, поскуливая и не решаясь прыгнуть. Лавина медленно, но неумолимо тянула оленя вниз, подминая под себя редкий лесочек на своем пути, — слышался треск рвущихся корней и ветвей. Олень почувствовал мучительный свой конец. Перебирая ногами, он цеплялся за попадающийся ему под ногу кусочек земли, собирал все свои силы, тянулся вверх, почти выбирался, и тут лавина неумолимо тащила его вниз. Он так устал, что сил двигаться не было, сознание мутилось, но мысль о близкой смерти подстегивала его. И откуда только брались силы! Он отчаянно продвигался вперед, барахтался, барахтался и, глядишь, продвигался хоть на несколько шагов. Вдруг на счастье передние ноги его коснулись чего-то твердого, немедленно и задние очутились там же. Он собрал все свои силы, оттолкнулся и выбрался из глубокой снежной складки. Теперь уже все зависело от него. Он выбрался из заноса, пустился вниз в овраг, сам не помнил, как очутился там, и бросился в воду. И вода медленно понесла его по течению. Он никогда не испытывал подобного облегчения, усталость уходила из тела, разгоряченному, ему была приятна прохлада.

Волка не было видно, но олень знал, что тот не оставит его. Или подождет, пока спустится лавина, или обойдет с другой стороны, найдет следы и выйдет к реке. Вначале, на всякий случай, он оглядит все вокруг, потом взглянет в берег реки, не увидев следов, спустится вниз по течению и тщательно осмотрит оба берега. Поэтому надо было постараться не оставлять следы. Особенно надо было остерегаться льда. Достаточно было бы, чтоб он подломился хоть чуть-чуть и осталась даже одна шерстинка, она бы не ускользнула от глаз коварного хищника. Холод охватил его, пронизывал насквозь, ледяная вода обжигала ободранные льдом грудь и ноги, ноги одеревенели, онемели, но он уже ни о чем не думал, лишь бы спастись от волчьих клыков. На всякий случай он плыл посередине реки, над водой торчала только его голова. Подо льдом он нырял и плыл под водой. Наконец показался и край кривой горы. Боль сводила все тело, ноги отказывались служить, но олень пересилил себя, потихоньку подплыл к левому берегу и осторожно вышел туда, где было мелко. Ноги скользили на мокрых камнях, с трудом удерживаясь, он все же обошел тинистое место, чтоб не оставить следов, прошел по мелкой гальке, затем у родников вышел к обрыву, поднялся наверх и вышел на ровное место. Вода на нем заледенела, он дрожал, дышал открытым ртом. Сердце билось так, что казалось оно сейчас выскочит из груди. Усталость усталостью, но мысль о том, что столько перенесено и наконец-то все его мучения увенчались успехом, совсем лишила его сил. Он уже не мог стронуться с места, в горле застрял комок, его душили слезы. Но тут он внезапно пришел в себя — стоять долго на открытом месте было опасно. Еле передвигая ноги, он поплелся в прибрежный кустарник и лег под кустом, по обыкновению глядя на дорогу, откуда пришел.

Все, он спасен. Раз он спасся от этого разбойника, значит все хорошо. Теперь ему надо только хорошенько отдохнуть, собрать силы, и он снова станет таким же резвым разумным главой семьи.

Солнце почти зашло и повсюду уже лежала тень, но наверху склоны гор и альпийские луга по-прежнему ослепительно сверкали. Стояла удивительная тишина,

порой наверху в ветвях граба верещала какая-то птичка. Видно, было холодно и бедным пташкам, взъерошенные, они как-то неохотно прыгали с ветки на ветку, что-то склевывая.

Олень клонило в сон, он погружался в какой-то туман, но тут же испуганно вздрагивал и тарашил глаза. Всю свою жизнь он провел в ожидании какого-то несчастья. Теперь, правда, он спасен, но сердце его все же было беспокойно, он все время посматривал в сторону выхода из оврага.

Холод все сильнее прохватывал его. Встать и походить он не мог, да и нельзя было. Как только стемнеет, он перейдет на северную сторону горы, выберет себе место для лежки, разгребет снег, листья, землю и зароется поглубже, отлежится. И пока он не убедится, что Черногубый и в самом деле отстал от него, он не покинет своего места. Пока не растает снег, он не пойдет и к Хекцеули, чтоб не оставить следов.

Теперь он подумал о возвращении к своему семейству, самка, конечно, и виду не подаст, что на седьмом небе от счастья, и только пушистый помахивающий хвостик выдаст ее радость. А малыш станет подскакивать от радости, подбежит сначала к нему, потом к матери, будет тыкаться носиком то в мать, то в отца. В мечтах самец постепенно стал забываться и тут вдруг подскочил от громкого шума. Он широко раскрыл глаза и наострил уши. Шум повторился откуда-то сбоку, с поляны. Там, видно, человек рубил дерево. Стук топора повторяло эхо со стороны базальтовой скалы. Ничего опасного. Напротив, шум этот мог спугнуть волка. Олень вновь прикрыл глаза и стал засыпать, и вдруг, о боже, ему явственно привиделся стоящий над обрывом волк.

Он вскочил на ноги, думая, что продолжает спать. Ему не хотелось верить, но это и в самом деле был Черногубый. Он появился из оврага и шел вдоль следов оленя. Олень похолодел, кровь заледенела у него в жилах. В растерянности он заметался, не зная, куда бежать. Но не то что бежать, у него не было сил даже идти. Но очень уж сильна в живом существе любовь к жизни, и у оленя открылось второе дыхание, он повернулся и бросился бежать в лес. Сначала попытал-

ся было бежать вскачь, но быстро устал и шагом пошел в гору.

Волк тоже падал от усталости, в глазах у него рябило, он едва различал след. Подойдя к еще теплomu от оленя месту, он приободрился, вслушался и уверенно пошел на звук шагов. Олень не смог долго идти в гору и стал обходить ее с боку. Но все равно идти было трудно, ноги скользили, он понимал, что ему надо было идти круто вверх, иначе его настигнет хищник. Он подошел к ложбине, пересекавшей склон горы, она была полна снега, он не мог ее перейти. Он попытался было ее обойти, но на скользком ноги не держали, он поднимался чуть-чуть и тут же соскальзывал вниз. Он остановился и оглянулся. Волк приближался.

Олень вспомнил, что говорил ему его дед: когда святой Георгий хочет кого-либо погубить, он посылает волка разорвать его. «Боже, в чем я провинился?». Глаза оленя наполнились слезами. Горячие, они потекли по черным ресницам, прокладывая темные борозды. Тот, кто установил оленю становиться добычей волка, уже обрек его на гибель, но если бы он заглянул сейчас в огромные, черные, полные смертной тоски глаза, даже его каменное сердце дрогнуло бы.

«Господи, спаси меня на этот раз!» — твердил олень. Он сделал все, он старался, он применил все способы, которые знал и которым обучался, и те, которые ему были переданы по наследству. Теперь его могло спасти разве что чудо. Он уже едва полз. Волк был в шагах двадцати, дыхание с шумом вырывалось у него, и он старался сдержать его, чтоб не спугнуть оленя. Видно, у него пересох рот — он поминутно лизал снег.

Олень посмотрел в сторону поляны. Здесь уже отчетливо слышался стук топора. Порой это были мерные удары, видимо, обрубали сучья, но иногда топор со свистом рассекал воздух и тогда слышался мощный удар — это уже рубили большой сук.

Олень впал в отчаяние, все пути были отрезаны. Оставалось только одно — отдаться под покровительство человека. Он тоже был опасен, но сейчас спасти мог только он один. Олень стоял в нерешительности, глядя то в сторону человека, то на волка. А тот, хотя

едва дышал, но все же шел. Олень перевел дух и, сорвавшись с места, понесся к поляне. Волк понял его намерения. Дойдя до оврага, он прилег, тяжело дыша, и, чуть отдышавшись, попробовал обойти оленя с другой стороны. Олень шел по направлению к человеку. Чернотубый, увидев, что маневр не удался, вернулся и вновь пошел по следу оленя. Он шел, часто останавливаясь и залегая в снег. Непонятно было, то ли он отдыхал, то ли строил какие-то планы.

Олень уже приблизился к человеку и остановился в каких-нибудь пяти метрах от него. Повернувшись к волку, он смотрел на него. Волк медленно, ползком продвигался вперед, олень потихоньку отступал к человеку.

Увидев оленя, человек замер, топор застыл у него в воздухе. В недоумении смотрел он на него, размышляя, что бы могло это значить, потом перевел взгляд и, увидев волка, всё понял. Волк вдруг заскулил и плотнее прижался телом к земле. Человек укрылся за деревом. Волку это показалось плохим знаком, он тревожно наблюдал за ним, пытаясь понять намерения человека. Шерсть его вздыбилась и стала отливать желтым. Волосы у человека тоже стали дыбом, шапка слетела с него, осторожно засунув топориче за пояс, он стал взбираться на дерево. Волк наострил уши, приподнялся, вытянув шею, он смотрел на человека, не веря своим глазам, затем постепенно пополз. В глазах появился блеск. Он смотрел на человека, не отрываясь. Олень тоже отступил. Теперь, рассмотрев несчастного, исхудавшего, обессиленного волка, человек решил спуститься. Волк замер. Человек осторожно спустился на землю, стал медленно доставать из-за пояса топор, исподтишка глядя на волка. Чернотубый опять припал к земле, положив голову на лапы. Он смотрел то на человека, то на оленя. Человек медлил. Волк не мог понять, что он замышляет. Он глухо взвизгнул, прижал уши к голове и медленно пополз. Олень отступил еще на два шага. Внезапно за спиной оленя что-то просвистело. Он не успел даже оглянуться, — топор вонзился ему в спину, раздробив ребра. От боли он невольно взвился, но тут же рухнул. Топор отлетел в сторону и упал в снег. Человек и волк прыгнули одновременно и

очутились друг против друга. Глаза у обоих блестели. Волк лягнул челюстями, обнажив клыки, и зарычал. Человек тоже, скрипнув зубами, грозно рыкнул.

Олень трепыхался на снегу, беспомощно откинув голову и перебирая ногами. Из раны, пенясь, текла кровь. Тоненькая струйка била фонтаном в снег, окрашивая его в пурпурный цвет.

Человек заметался, словно бы что-то ища, затем мельком взглянул на топорище, торчащее из снега, но не смог дотянуться до него. Волк не отступал, он угрожающе обнажил верхние клыки, которыми рвал мясо, желваки его набухли. Он чуял сладковатый запах крови и грозно двинулся вперед. Человек бросился к дереву, подпрыгнул, пытаясь ухватиться за ветку, ухватился, подтянулся на руках и кое-как влез на нее. Волк подпрыгнул и, задев его клыками, порвал штаны. Затем, не обращая больше внимания на него, повернулся, набросился со спины на оленя и впился ему в горло. Олень слабо крикнул, еще сильнее задергались его ноги, но тотчас затих, судорожно вытянулся и обмяк. Хищник в мгновение порвал ему глотку и стал локать кровь. Придерживая здоровой лапой тушу, он рвал ее зубами и заглатывал вместе со шкурой. Распоробок, он засунул туда морду и сожрал без остатка все внутренности. Утолив первый голод, осмотрелся и взглянул вверх на человека. Тот висел на дереве, всеми четырьмя конечностями держась за ветку. Волк больше не интересовался им. Выев все внутренности, он принялся за голову и шею. Удивительно быстро он приходил в себя, здоровел прямо на глазах. Отрывая огромные куски, он тут же запросто заглатывал их вместе с костями. Крупные кости перемалывал зубами, раздувая щеки и так похрустывая ими, что слышно было далеко. Под конец, когда осталась только одна нога, он вдруг встрепнулся, перестал есть, прислушался, посмотрел на человека. Руки его так судорожно обнимали ветку, что на них вздулись жилы. В разодранные штаны задувал ветер. Испуганный, он взглянул на волка и, ей-богу, тот подмигнул ему. Человек растерялся, нет, волк точно подмигнул ему, но что бы это могло значить? Потом подумал: наверное, он мне оставляет эту оленью ляжку, но после волчьих клыков она,

может, и не годится. Хотя этот кусок он не трогал, убеждал себя человек.

Волк огляделся и вновь вернулся к добыче. Сбегая мягкие куски с ляжки, захрустел костями, затем стал собирать кусочки, разбросанные вокруг, вновь обгрызал копыта и рога, под конец полизал окровавленный снег. И ушел. Отойдя от дерева шагов на десять, он повернулся, словно бы что-то забыв, искоса посмотрел на человека.

Дрожь прошла у того по телу. Его бросило сначала в жар, потом в холод, а вдруг да он станет караулить, подождет, пока сам свалюсь ему на голову, подумал он. Страх леденил ему душу.

Волк облизнулся, рыгнул и затрусил по своему следу. Перешел через овраг и только должен был скрыться за гребнем, как человек обрел дар речи, выпрямился и громко во весь голос осуждающе закричал:

— Ух ты, волчье отродье!

ВЫЛЕТ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ НА УТРО

Как известно еще со времен Евы, для женщин запретный плод сладок. Известно и то, что они все максималистки, сторонницы крайностей, всегда мечтают совершить что-либо необыкновенное, необычное, никем до них не совершенное. Любовь налетает на них всегда неожиданно, внезапно, и тогда они становятся очень смелыми и легкомысленными — это тоже многим известно. Но то, чему свидетелем я явился лет этак двадцать назад, удивляет меня до сих пор.

Всю свою молодость я страстно мечтал побывать в горах, где водится тур. В мечтах и наяву передо мной вставали виденные в фильмах или из иллюминатора самолета глубокие ущелья, белые, как кипень, во-

допады, грозные снежные обвалы, не овладеть с желанием прыжке на тура, и многое прочее в том же духе. И я по-

Учась в школе, я и думать не мог о том, что в будущем попустят туда одного. Но утешал себя тем, что никто не сможет помешать исполнению моей мечты, когда я стану студентом. Пять лет пролетели так, что я не смог выполнить свое заветное желание. А потом одолели заботы — семья, работа, то с отпуском опоздал, то с погодой неладно... Одним словом, причин было хоть отбавляй... Только соберусь ехать, как непременно что-то помешает и поездка откладывается на год. Оставим даже в стороне мое страстное желание, мне было стыдно признаться, что я, по происхождению тушинец, не только не обошел Кавказский хребет, но и близко его не видел. Была и еще одна причина — я не мог поехать один. Новичку трудно одному в горах. И что за радость, если нет рядом отзывчивого, увлеченного той же страстью товарища, который мог бы разделить с тобой все тяготы пути. Ведь с товарищем и трудности пережить легко, да и радость всегда более полна.

Я должен был подыскать себе попутчика среди своих сверстников, поскольку не был знаком ни с одним охотником на туров, подыскать такого, которого снедала бы та же мечта. Затем, со второй половины июня, когда наконец в горах устанавливается погода, и до второй половины августа, когда она опять начинала портиться, мы должны были одновременно взять отпуск, уладить все свои дела и отправиться в путь. Наконец после долгих лет ожидания, мечтанья, бесконечной трепотни и подготовки настал и этот момент. Это было, как я уже говорил, двадцать лет тому назад. Мы, оснащенные провиантом, ружьями, кино- и фотоаппаратами, магнитофоном, палатками и другим необходимым инвентарем, отправлялись в аэропорт. И вдруг Жюли вызвали на работу. Вообразите себе наше состояние. Мы стояли, окаменев, и без слов смотрели друг на друга и на сложенный с таким тщанием багаж.

— Если мы и сейчас отложим отъезд хотя бы на один день, — обретя дар речи, наконец сказал Жюли, — мы никогда не уедем. Раз уж мы решили, езжай и

подожди меня в Дикло. Повидайся с Бордзая. Если я немного опоздаю, подождите, я обязательно поднимусь.

И я полетел. Вертолет медленно следовал вдоль гребня горы. Вот мы поравнялись с альпийскими лугами, подул свежий чистый ветер, и я повеселел. В долине было пекло. А здесь в ущельях и на тенистых склонах лежал снег, в оврагах шумели прозрачные, похожие на нитяную пряжу, ручьи.

Шум мотора спугнул со склона горы стадо не то туров, не то серн. В панике они бросились куда-то за гору, как шлейф потянув за собой тяжелое облако пыли. На изумрудных лугах ромашками белели отары овец.

Я смотрел во все глаза, потрясенный этими красотою, и думал, что это именно то, о чем я мечтал всю жизнь. Но, оказывается, все было впереди. Вот мы медленно миновали перевал и теперь подвигались к началу ущелья. И я онемел: теперь я действительно был в мире сказок и летел на ковче-самолете во владениях дэвов. Я не успевал смотреть по сторонам. Меня ослепила игра красок. В складках черных гор — белые снежные наносы и пенящиеся водопады; желтеющие обрывы сменялись черными сосновыми лесами, луга — бездонными пропастями, в дебрях густых лесов вдруг вырастали огромные колонны голых скал, прячущиеся на дне ущелий горные речушки и отливающие изумрудом луга... Описать невозможно. Оставив позади цепь гор, мы стали спускаться в огромную котловину, напомнившую мне райские кущи. Я не успевал все воспринимать. Одно за другим появлялись притулившиеся на склонах гор заброшенные села. Покосившиеся, обросшие мхом, безрадостные покинутые дома. Пролетели над Хахабо, Омало, над границей Тушети и Алазани, над горой Сонехи, гордо стоящей на горе купольной церковью, вошли в котловину между склонами гор, заросшими сосновыми лесами, и сели в Дикло. Я спустился с вертолета, выгрузил свой багаж, сложил его там же у ограды и огляделся. По правде говоря, я не смог скрыть восторга. Невозможно не прийти в восторг, увидев все это впервые. Рядом с площадкой, на которой мы сели, раскинулся бархатный луг с изумрудной травой, от которой нельзя было оторвать глаз.

Я глядел на нее, глядел и не смог совладать с желанием подойти, потрогать ее, повалиться на ней. И я пошел... Слева от дороги в траве прятался хрустальный ручеек. Луг по ту сторону ручья полого спускался по склону горы, сверху его окаймлял сосновый бор. На полянке росли несколько сосен. Я спустился с небольшого холма, перепрыгнул через ручей, ступил в высокую траву и сделал несколько шагов... И, о боже, у меня испортилось настроение. Нет, и вблизи трава была очень привлекательна, изумрудно-зеленая, высокая, она радовала глаз, никакого сравнения с той, выгоревшей, что нам приходится видеть в долинах. Но что касается повалиться... Оказалось, она растет на палой хвое, набухшей от талых горных вод. Все вокруг было заболочено, под ногами чавкала вода. Мне стало противно, и я вернулся.

Тем временем вертолет взревел, поднялся в воздух, развернулся и, опустив нос, понесся в сторону Шенако. В конце села поднялся шум, гам, и появилась толпа людей, впереди бежали ребяташки, за ними мужчины и женщины. Они махали руками, что-то кричали, но впустую: вертолет, промчавшись над моей головой, скрылся с глаз. К толпе подошли еще несколько женщин. Слышался громкий разговор, смех. Заиграла гармонь, начались танцы. Под конец после долгих прощаний — объятий, рукопожатий и поцелуев — от толпы отделились и стали спускаться по тропинке три женщины и двое мужчин. За ними шел еще один мужчина с тремя оседланными лошадьми на поводу. Женщины шли впереди. Одна из них, та, что шла посередине, была вся в белом, волосы ее были украшены венком из полевых цветов. Длинное платье подчеркивало стройную фигурку. Может, именно из-за этого длинного платья она поначалу показалась мне гораздо старше, чем была. Хотя даже издали было видно, что она очень хороша собой. Женщина, которая шла слева от нее, играла на аккордеоне, ветер развеивал концы ее красного в цветах платка.

Видно было, что мужчины подвыпили. Тот, что шел позади с лошадьми, поминутно поднимал правую руку с плетью и вскрикивал — и-и-иш! — затем недобрым словом поминал чью-то мать.

Они приблизились. В белом, видно, невеста, была действительно очень хороша. Она была, что называется, в расцвете своей красоты — черные как вороново крыло волосы и ресницы, голубые, отдающие зеленоватым, горящие страстью глаза. Справа от нее шла тоненькая как тростинка девушка, с детски-наивным выражением лица, правую руку невесты она прижимала к худенькой своей груди и смотрела на нее сияющими глазами.

Один из тех мужчин, что шли за женщинами, по-городскому модно одетый парень со спортивной выправкой говорил другому, подпоясанному ремнем.

— Нет, он меня явно не заметил, иначе не посмел бы улететь, — по-видимому они говорили о летчике, затем он высокомерно добавил: — Ну я это еще выясню...

Идущий сзади опять погрозил кому-то кулаком и опять помянул чью-то мать. Поравнявшись, он взгляделся в меня, затем громко поздоровался и протянул руку. Спросил мою фамилию и откуда я родом. Узнав, что из этих мест, довольный, кивнул, мол, из наших, оглядел еще раз и продолжил путь.

Я поплелся в село. Тушинцы очень отзывчивый народ. Они тут же засуетились, выяснили, где можно меня поселить, и сняли засовы с заколоченного дома. На третий день, как и уславливались, пришел Бордая с лошадьми. Он прождал сутки, но поскольку Жюли не появился, распрощался со мной, сказав, за домом надо присмотреть и скотина ждать не может. Через три дня наши привезут сыр, и если к тому времени Жюли подъедет, можно отправиться с ними, добавил он и уехал. А я остался. Через три дня уехали и те, кто привозил сыр. Жюли все не было. Прошло еще два дня. На третий мне привезли от него весточку, что приехать он не может. Я очень расстроился. Опять все пошло на смарку. Я поскуцнел, хотя и пытался утешить себя тем, что и так увидел немало. Для одного раза и этого достаточно, уговаривал я себя. Главное, приехать сюда в первый раз, все вместе увидеть невозможно. И правда, я очень многое успел осмотреть. Чего стоят только окрестности Дикло, трудно где-либо увидеть такую красоту. Но все же я был очень огорчен, что не исполнилась моя мечта. Я решил уехать. Но надо же иметь такое

везенье! Оказывается, на следующий день после моего приезда погода испортилась, перевал закрыли и полеты прекратились. Еще два дня я ждал погоды. Потом мне посоветовали отправиться в Омало. Там иногда садятся вертолеты специального назначения, сказали мне, и, может, мне удастся пристроиться на один из них. Иногда они ухитряются сделать один рейс рано утром, пока не поднимутся облака. Во всяком случае, было сказано мне, как только распогодится, в первую очередь вертолеты сядут в Омало.

Препятствия на пути к отъезду только подстегнули мое желание уехать отсюда как можно быстрее. На следующий день, на рассвете, Нодар привел коней, мы погрузили на них мое имущество и ушли в Омало. Солнце было уже высоко, когда мы по извилистым горным тропкам поднялись из бездонного ущелья Алазани. Было жарко. Я слышал, что если где и жарко в Тушети, то только в окрестностях Омало. Тут очень большой перепад температур. Днем на солнце тепло, порой и жарко, а ночью, только сядет солнце, очень холодно, особенно на рассвете. Мы поднялись на обширное плоскогорье. Аэродром находился под Омало, у подножья горы. В конце поля вытянулось главное его здание — открытое длинное строение под навесом. Перед ним посадочная площадка, сразу за навесом стоял старый четырехкрылый самолет, цепями привязанный к трем забетонированным железным крючьям, торчащим из земли. Я помню, эти самолеты еще несколько лет тому назад летали в Тушети. Они поднимались с Телавского аэродрома, покружив над Алазанской долиной, набирали высоту и летели к перевалу. Невдалеке от строения под навесом, параллельно ему стояло одноэтажное здание из базальтового камня и стройная береза перед ним. На пригорке расположилась стеклянная радиобудка. На горе виднелись сельские дома. И под навесом, и на посадочной площадке — повсюду лежал багаж. Валялись чемоданы, сумки, хурджины, рюкзаки, бурки, и бог его знает, что еще. Некоторые из них были покрыты войлоком или клеенкой от солнца и дождя. Пассажиров было очень много. Тут же были разбиты палатки, некоторые устроились под навесом. Галдели ребятишки. В тени сидели женщины — пожилые в тем-

ных платьях и платках, молодые — в пестром. Мужчин было мало.

Мы сложили мои рюкзаки в уголке под навесом. Нодар разнуздal коней, пустил их попасться. Потом, хитро взглянув на меня, пригласил прошвырнуться в «Космос». Я недоверчиво взглянул на него. Он спокойно оправлялся: отряхнул одежду, причесался и, с улыбкой подмигнув мне, направился к зданию из базальтового камня. Над огромной закопченной дверью из неструганных досок на двух больших кусках фанеры кто-то нетвердой рукой корявыми буквами разной величины вывел: «Космос». Дверь была приоткрыта. Из глубины помещения слышался гул, как из пчелиного улья.

— Тут хорошие хинкали, — опять подмигнул мне Нодар и, с силой толкнув дверь, перешагнул порог.

— Мир вам! — сказал он густым голосом и так оглядел всех, словно удивлялся, что они тут все без него делают. Следом за ним вошел и я. Все внезапно замолчали и повернули к нам головы. Сидящие справа у стены за столами молодые люди привстали, слева из перегороженных наподобие купе кабин повысовывались головы. Все одновременно загомонили:

— Добро пожаловать, Нодар! Пожалуйте за наш стол, — приглашали нас наперебой. Нодар с достоинством кивал головой, благодаря за приглашения и здороваясь, лицо его сияло. Потом он извинился и сказал, что мы зашли наскоро перекусить, поскольку его гость, то есть я, очень спешит.

— Ах, спешит! — беззлобно захохотали тушинцы, — Куда это, интересно, он спешит, в горы или в долины?!

Услышав, что в долину, они еще больше развеселились:

— Смотри, как бы сразу не улетел, и в дороге б не продуло!

Вдоволь посмеявшись, они уже серьезно объяснили, что человеку, который поднялся сюда в горы, спешить не подобает. Пожилые тушинцы, подвинувшись, освободили нам место за столом. Мы сели. В зал из кухни поминутно заносили огромные дымящиеся подносы с хинкали. Пар поднимался то от одного стола, то от другого. Сидели долго. Каждый рассказывал что-то свое, поднимали тосты за свое сокровенное. Пили ма-

ленькими глоточками жипитаури¹ и запивали настоящим тушинским пивом.

«Космос» гудел. Поминутно открывалась деревянная дверь, кто-то входил, кто-то, пошатываясь, выходил. Тушинцы в застолье спокойны и неторопливы. Не напиваются и не поднимают шума по пустякам. Но порой кто-нибудь из них, подвыпив, поднимал руку и с возгласом — ииии! — ругал таинственного врага, не давая ему забыть себя.

— О, Гуджи, приветствуем тебя! Долгих лет тебе! — слышалось из-за соседней перегородки. — Просим за наш стол!

Я выглянул. В зале у прилавка стоял высокий, прекрасно сложенный молодой мужчина.

— Спасибо, я не один, — вежливо улыбнулся он приглашавшему. Лицо было знакомым, но я не мог вспомнить, где его видел.

— Мы приглашаем и тех, кто с тобой, как говорится, чем богаты...

— Со мной женщины, моя невеста, мы посидим на воздухе, — приблизившись к столу, он поднял стакан и выпил за всех сидящих. Потом, извинившись, пошел к дверям кухни: — Ибо, друг, я на тебя рассчитываю, покорми, как ты умеешь.

Услышав о невесте, никто уже не настаивал на приглашении. Он повернулся, и тут я узнал его: это был тот самый парень, у которого в Дикло из-под носа улетел вертолет. Теперь он был по-дорожному в джинсах, и я наверное потому его не узнал.

Через какое-то время сидевший напротив за соседним столом небритый, накачавшийся жипитаури крепкий мужчина, стукнул кулаком по столу, обнял сидевшего рядом парня, привстал и запел: «Тушинец я, но все равно хорош!» Песню подхватили и все с шумом высыпали на улицу.

— Да, это проклятое «но» нам очень сильно мешает, — засмеялся Нодар, потом, придвинувшись ко мне поближе, зашептал: — Вот у этого верзилы, что сейчас вышел, отара тоже ходит в дагестанских степях,

¹ Жипитаури — фруктовая водка.

он пришел за припасом, если хочешь, я скажу, и он возьмет тебя с собой.

Я взволновался. Какие тут могли быть колебания! Ведь я приехал сюда именно за этим, и мне не хотелось возвращаться домой, несолоно хлебавши, правда, без товарища это не то, но я все равно хотел разочек взглянуть на турью тропу, услышать посвист горного козла. Мы поднялись и вышли. На аэродроме царила атмосфера томительного ожидания, пассажиров стало еще больше. Верзила лежал под навесом на своем багаже, покрытом войлоком. Нодар присел рядом. Они долго что-то говорили вполголоса, потом Нодар подошел ко мне с недовольным выражением на лице. Он долго мялся. Ну что? — торопил я его. Он покрутил головой, потом махнул рукой и сказал: — Не стоит, он очень нелюбезный человек. Я так и не понял, берет он тебя или нет, сначала он сказал, что ждет самолета, потом, что у него только две лошади, потом, что у него поклажа... Одним словом, не стоит...

Я с неприязнью взглянул на верзилу, мне уже решительно не нравились ни его взлохмаченные, неровно подстриженные волосы, ни его скулы на худом лице, ни большой нос.

Не стоило и связываться с таким типом. И я решил при первом же удобном случае улететь в долину. Проводив Нодара до спуска в ущелье, я вернулся под навес. Сначала ходил, приглядывался и прислушивался к людям, потом достал книгу, присел на свой рюкзак и стал читать. Я люблю Даррела, его остроумные, полные приключений повести, но сейчас мне почему-то не читалось, мысли все время разбегались.

Гуджи со своими спутниками сидел под березой. Они уже были навеселе, говорили громко, возбужденными голосами. Их было шестеро, из них две женщины — невеста, как он ее назвал, и та девчушка с тонкими лодыжками. Невеста, как и положено по обычаю, сидела слева, обняв ее за плечи, он прижимал ее к себе, а она, с мечтательной улыбкой на лице, замирала под его здоровой лапой.

Мной овладело беспокойство. Я не мог найти себе места. Хотелось пройтись. На лысой вершине поросшей хвойным лесом горы стояла огромная кривая сосна.

Мне захотелось подняться наверх и оттуда оглядеть окрестности. Но уходить далеко нельзя было, если бы внезапно появился вертолет, я не успел бы к нему. В то время Тушети интересовались очень многие: геологи, туристы, исследователи. В бытность мою там я встретил две киносъёмочные группы. И если за кем-нибудь из них прилетит вертолет, они могут взять с собой и меня, поскольку я один, и багажа у меня мало. Но перевал плотно был закрыт облаками и рассчитывать на это особенно не приходилось. И тем не менее, я минутно смотрел на небо. Мы были окружены таким плотным кольцом гор, что я чувствовал себя словно бы в яме. Не только я один, все посматривали в сторону перевала. Я помню, как хорошо был виден перевал в первый день. Под высоким гребнем на равнине стояла невысокая гора с круглой вершиной. И вертолет, летевший оттуда, был виден то справа, то слева от этой горы. Сначала он казался маленькой точкой, но точка постепенно росла, приближалась. Шума мотора не было слышно, поэтому он казался большой птицей. Жужжание становилось слышно только тогда, когда он уже был над аэродромом.

— Летит, летит, — повыскакивали вдруг из-под навеса ребятишки.

Приложив руку козырьком ко лбу, они смотрели в небо. Люди повскакали с мест, стали глядеть в небо, скликать своих, искать багаж. Поднялась суета, беготня. Но вертолета все не было видно. Тогда все с бравною накинулись на ребятишек. Местные ребятишки лгать не умеют, они уверяли, что слышали жужжание мотора, и очень хотели доказать свою правоту. Упорно тарасили глаза, глядя в небо. Когда невмоготу стало держать голову запрокинутой, поддерживали ее руками, но вертолета все не было. Постепенно они вернулись к своим играм.

Над всем пространством нависло плотное серое облако. До той поры я никогда не замечал, как утомительна и назойлива бывает облачность в горах. никогда не думал о том, какие неудобства и затруднения могут создавать горы человеку. Будто бы назло перед заходом солнца, когда вертолеты уже не летали, облака рассенвались и исчезали, словно их и не было. Прояс-

нялось, очищалось небо, начинали синим отливать альпийские луга, поднималась луна, и всю ночь хребет был облит серебристым лунным светом. В нас начинала теплиться надежда, что назавтра будет ясная безоблачная погода. И действительно, утро наступало светлым, ясным, но стоило показаться солнцу, как напелзал легкий туман, затем он густел, уплотнялся, окутывая склоны гор, постепенно поднимался выше, выше, к гребню горы. Тут он ложился и неподвижно лежал весь день, действуя на нервы и портя настроение. Над ним высоко в небе сияло солнце, а он лежал на гребне горы, словно бы только для того, чтоб не пропустить вертолет. А единственным видом транспорта отсюда в долину был вертолет, наша надежда. Можно было, конечно, пройти тропками, что многие и делали. Но могли это не все. Во-первых, идти надо было три дня и, во-вторых, даже если бы была лошадь, по этим извилистым скалистым тропкам на ней мог проехать только очень опытный человек. С тех пор как Тушети опустела, коня найти тут не так-то просто. Но самое главное, что мешает, это врожденное свойство все время колебаться. Дикие животные в этом отношении лучше нас — если они поставят себе какую-либо цель, они призывают на помощь все свое умение, силу, сноровку. Мы же не сделаем и того, что можем. Мы будем размышлять, строить разного рода предположения, раздумывать, какие это может вызвать последствия, изыскивать другие возможности, и эти сомнения, колебания, метания сковывают нас кандалами. Все ждущие вертолета люди жили одной надеждой, что в эти три-четыре дня, которые понадобятся для того, чтоб пешком спуститься в долину, обязательно прояснится, прибудет вертолет, и можно будет спокойненько сесть в него и без особых хлопот в полчаса добраться до места. Надежда эта впрямь была соблазнительной, но, как говорили, бывало, что ждать приходилось и месяц.

Ей-ей, крепкие у них нервы, — думал я про себя, глядя на сидящих рядом со мной под навесом людей. — В них самой природой заложено спокойствие и огромное терпение. Не зря же мне сказали в «Космосе», что в горах людям не подобает спешить. Да, действительно, спешка тут ни к чему. Если поднимаешься в

гору, спешить нельзя, иначе просто не поднимешься, спускаешься — опять же спешить нельзя, иначе разобьешься. Тут даже воду здешнюю нельзя пить **второ** пях.

— Эх, хорошо бы автомобильную трассу тут иметь, — словно подслушав мои мысли, произнесла сидевшая рядом старуха в темном.

— Никому до нас дела нет, — ответила ей молодая румяная женщина с вязанием в руках и привычной рукой выдернула спицу. Румянец обычно не слишком идет женщинам, но ей был очень к лицу, может, это был отсвет от розового головного платка, или сияла натянутая, впитавшая в себя солнце кожа.

— Говорят, дорогу скоро проведут, а нашу Алазани перекроют и направят в Кахети для орошения земель, — сказал лежащий на бурке лысый мужчина.

— И телевизор проведут, и свет, — подтвердил маленький мальчуган.

— У кого что болит, — засмеялись женщины.

— Блажен, кто верует, — проговорила женщина в темном, — что-нибудь когда-нибудь непременно будет, но ведь время бежит...

— Была бы дорога, а все остальное стерпится, — сказал лысый. — А то мы просто по рукам и ногам связаны, столько времени теряем, столько дел стоит...

Этот разговор еще больше расстроил меня, я чувствовал себя, как в ловушке. Смотрел на бездонное ущелье, которое начиналось по ту сторону Алазани, а кончалось у подножья перевала, заросшие смешанными лесами склоны гор, зеленеющие альпийские луга, бурые скалы... И не испытывал того восторга, что в первый раз. Напротив, теперь я воспринимал их как врагов, они связали меня, сковали... Оказывается, вовсе не имеет значения, где ты заперт, в комнате или в безбрежном пространстве. Цепь гор, окружавшая нас, была далеко, до нее был день перехода, но я задыхался от тесноты. Безнадежное ожидание убило все мои мечты. Мне лишь бы попасть домой, и не только домой, куда-нибудь подальше отсюда, и я больше никогда не пойду в горы, — думал я.

Верзила в разговоры не вмешивался. Он лежал навзничь не шевелясь. Левая рука у него была в кар-

мане, правой, сжатой в кулак, он подпирал подбородок. Непонятно было, спит он или бодрствует, глаза у него были открыты, взгляд застывший. Солнце припекало ему голову, лицо было покрыто потом, мухи роились над ним. Но, видимо, он не чувствовал этого, не отгонял мух и не передвигался в тень. Те, что уже выпались, отправлялись на лошадях в сторону гор или в село. Некоторые, намаившись от жары, плелись в «Космос», прокопченная деревянная дверь поминутно скрипела. Больше тут нечего было делать. А верзила как лег, так и лежал.

Я вновь оглядел небо и представил себе, что начнется, если прилетит вертолет.

Нервничал я еще и из-за того, что если даже откроется перевал и прилетит вертолет, улететь мне поможет разве что чудо. В вертолете мало места. За раз больше четырех-пяти человек он взять не может. Правда, я ждал и в Дикло, но это не в счет. Тут ждали и дольше меня. Все торопились, у всех были дела в долине, и я никому не мог перебежать дорогу.

— Может, попросят у военных большой самолет, — говорили незадолго до этого женщины... И я про себя, как заклинание, повторял: хоть бы прилетел большой самолет. Вертолет вряд ли тут поможет. Я посмотрел в сторону Гуджиной компании. Они уже стояли на ногах, и Гуджи говорил тост. Слов не было слышно, раздавался только низкий львиный рокот. Правую руку со стаканом он держал у губ, слегка приподняв локоть, так что он был на уровне плеча, и ко всем его достоинствам — осанке, фигуре, повадкам, — это тоже добавляло особый шик.

Это такой тип, он никому не уступит, займет первый же самолет, — подумал я. Они уже, видимо, заканчивали застолье, потому что не передвинули стол в тень. Я и не заметил, как к их компании прибавился еще один высокий и стройный молодой человек. Вскоре они разошлись, двое мужчин тут же попрощались с ними и ушли, а девушка и парень последовали за женихом и невестой под навес. Они помогли им разложить постель, потом откуда-то притащили бревна и присели сами.

Было за полдень. Подул приятный ветерок и стало

свежесть. На пригорке у околицы села появился вдруг табун лошадей. Впереди шла женщина в красном головном платке, левой рукой она держала на поводу лошадь, у которой был жеребенок, за табунном следом уверенно печатал шаг мужчина с кнутом вокруг шеи и с буркой под мышкой. У него был огромный с горбинкой нос, большие плоские уши и орлиный взор. Взмыленные лошади изгибались под тяжестью цестрых хурджинов и разного рода узлов и тюков, попарно перекинутых через их спины. Рядом бежали два жеребенка и один оседланный жеребец. Женщина пошла наперерез и подвела лошадь к углу возле верзилы. Остальные лошади тоже сгрудились там же и, фыркая и отряхиваясь, стали пощипывать траву. Мужчина бросил под столб бурку, кнут, сделал знак прилегшему на мешок парню, подсоби, мол, и взялся за хурджин с одной стороны. Но, видимо, поклажа была очень тяжелой, потому что снять ее они не смогли. Мужчина оглянулся и крикнул верзиле: чего валяешься, иди, помоги, не видишь, что ли. Верзила не услышал, лежал, уставившись в землю. Тогда мужчина подошел поближе: Эфро, слышишь, помоги, этому мальцу не под силу. Эфро поднял голову и недоуменно уставился на мужчину, потом огляделся, увидев навьюченных лошадей, понял, что от него хотят. Он лениво поднялся. Сначала подошел к коню и погладил его по морде, конь взвился, но он успокаивающе провел рукой по его гриве. Потом подошел с той стороны, с которой стоял парень и, не вынимая руку из кармана, легко поднял свою сторону хурджина. Вместе с носатым они поставили хурджин под навес. Не вынимая руки из кармана, он так же легко снял узлы и тюки и осторожно вместе с носатым положил под навес.

— Может, эта рука у него одолженная, — засмеялись женщины. Улыбнулись и невеста с подружкой. Жених поднял голову, приподнял брови, насмешливо поглядел на верзилу и снова лег.

— Может, болит, — предположила женщина в темном и спросила: — Что у тебя с рукой?

Эфро не ответил, продолжая сгружать узлы.

— А какая здоровая у него правая рука, верно, от

того, что только ею и работает, — заметила румяная женщина.

Сняв багаж, носатый расседлал коней, перегнав их попасться подалее от навеса. Затем принес из «Космоса» еду для жены и предложил Эфро пойти туда. Эфро сначала отнекивался, но тот его наконец уломал.

Лошади не стали пастись на посадочной площадке, а потихоньку двинулись к березовой рощице, где уже паслись кони. При виде приближающихся коней из маленького табуна отделился вороной жеребец и с ржанием понесся навстречу идущей впереди кобылице. Но вперед вдруг выскочил жеребец буланой масти, очень хороших статей и благородной осанки. Тут я его как-то не приметил, а теперь залюбовался им. Он сердито заржал и ринулся навстречу. В пяти-шести шагах друг от друга они остановились, взрыв копытами землю и подняв пыль. Затем ударились грудью, норовя куснуть друг друга, но не смогли, тогда, поднявшись на дыбы, они попытались лягнуть друг друга. Верх взял буланый конь, правда была на его стороне, и потому он самоотверженно дрался. Вороной жеребец еще раз попытался укусить его в бок, потом повернулся к своему семейству, обежал вокруг своих кобылиц и жеребят и затем, с достоинством подняв голову, проводил чужой табун сердитым ржанием.

«Нет, конечно же, нужно иметь вот такого вот коня, — подумал я, наблюдая за этой сценой, — берешь бурку, и скачи себе, ни просить никого не нужно, ни ждать. Ни туманы тебе не страшны, ни непогода. Скачи хоть в горы, хоть в долину». Мною овладело острое желание похитить одного из этих коней и предутренней порой двинуться по тропинке. Но... во-первых, догонят тут же, и потом такой конь не подчинится незнакомому человеку.

— Хочешь, достану коней? — спросил парень у Гуджи, видимо, сцена эта и его навела на эту мысль.

Гуджи взглянул на свою невесту. От радости она вспыхнула, глаза ее сияли, в знак согласия она застенчиво кивнула головой. Гуджи задумался, глядя в сторону гор. Он колебался. Женщина молчала, умоляюще глядя на него.

Я наострил уши. Если они достанут коней, может,

и я к ним присоединюсь, наверное, они не откажутся от попутчика. После недолгого раздумья жених улыбнулся и провел рукой по волосам невесты, нет, сказал он, ты не представляешь себе, что значит идти на лошадях. Это четыре дня мучительного пути, ты не выдержишь.

— Почему же я не выдержу, ведь на лошади? — несмело возразила женщина.

— На лошади! — засмеялся Гуджи. — Тут не везде на лошади пройдешь, да и долгого сидения в седле не выдержишь...

— Может, ей достать иноходца, — поддержал ее парень.

— Нет, нет, — нотки недовольства послышались в голосе жениха, — я должен вовремя быть в городе, у меня масса дел, я и так опоздал. — Но видно было, что он колеблется.

Мудрец сказал: человеку твердость обходится дороже, чем колебания. Тут не поймешь...

Женщина была явно огорчена, взгляд ее потух. И я тоже был огорошен. Тоскливо я смотрел на висящие низкие облака и потихоньку начинал злиться.

У дверей «Космоса» послышался шум. Носатый с верзилой, обнявшись, направлялись под навес, носатый размахивал сорванной с головы шапкой и что-то пытался петь. Подойдя к женщинам, он раскинул руки, словно бы пытаюсь обнять всех разом, и что-то крикнул зычным басом. Верзила был так же сумрачен, как и раньше, шел, ни на кого не глядя. Войдя под навес, они повалились и тут же уснули. Немного погодя Эфро проснулся и занял ту же позу, что и раньше, облокотившись локтем о хурджин, он лежал с открытыми глазами, весь уйдя в свои мысли.

Солнце клонилось к западу. В воздухе уже чувствовалась прохлада. Все вокруг оцепенело, даже листья на деревьях замерли. На полянку опять высыпали ребяташки, чтоб не осрамиться перед взрослыми, они сейчас уже ничего не говорили, только всматривались в сторону перевала, переговариваясь между собой. Но утомленные ожиданием взрослые, поддавшись настроению, тоже высыпали из-под навеса. Теперь уже ребята-

шки зашумели, загалдели, показывая в сторону перевала и утверждая, что они слышали шум вертолета.

— Напрасно ждете, он сегодня не прилетит, всегдашняя самоуверенность сквозила в словах Гуджи.

Я с неприязнью взглянул на него. Особенно не понравился мне этот самоуверенный тон. Да, таких как раз и любят женщины, подумал я.

— Откуда ты знаешь? — отозвалась невеста.

— Знаю, после захода солнца они не летают.

— Но солнце еще не зашло.

Женщина замолчала, а потом, вспомнив что-то, сказала:

— Они иногда и ночью летают.

— Я знаю, что говорю, почему ты споришь? — высокомерные нотки опять прозвучали в голосе жёниха.

— Не надо отнимать надежду у людей, — проговорила женщина и замолкла.

Я уже больше не мог здесь сидеть, ожидание истомило меня. Но куда было идти? Меня останавливала какая-то надежда. Я понимал, что вертолет не прилетит, и все же что-то удерживало меня здесь.

Как и в другие вечера, как только стало заходить солнце, облака стали рассеиваться. Светило величаво опускалось, и стоило ему только зависнуть над горой, нигде не осталось ни одного облачка. Какой-то взъерошенный малец, взобравшись на березу и держась за нее ногами и одной рукой, а другую поднеся ко рту, как рупор, как заправский дежурный проскрипел:

— Граждане пассажиры, вылет откладывается на утро.

Жених многозначительно улыбнулся и подмигнул невесте, мол, я говорил...

Женщина покраснела и поднялась. Взяв свою подружку под руку, погуляем, сказала и вышла из-под навеса. Жених развел руками, словно бы говоря, воля ваша.

До утра я был свободен от ожидания, с души словно бы камень свалился. Я тоже хотел пройтись, но еще немного полежал на своем рюкзаке.

Женщины все не шли. Они гуляли в лесочке на противоположной стороне, то появляясь, то пропадая

из виду. Жених не сводил с них глаз. Включили свет. Уже наступали сумерки, когда девушки вернулись. В обеих руках невесты были грибы.

— Смотри, сколько грибов! — еще издали заулыбалась она.

— Грибы? Выбрось их, ради Христа!

— Но это же шампиньоны, они, знаешь, какие вкусные!

— Выбрось, чтоб я их не видел, и вымой, пожалуйста, руки.

Улыбка погасла на лице женщины. Видно было, что ей жалко выбросить грибы, но и послушаться жениха она не смела. Так и стояла в нерешительности.

— Дайте их нам, — приподнялся верзила. Женщина хотела было подойти, но застеснялась. Носатый подскочил к ней и взял у нее из рук грибы. Насыпав их на полу бурки, он принялся разжигать огонь. Молодой парень стал уговаривать жениха и невесту пойти к ним, поохотимся, говорил он, порыбачим, скоро в Илиурта праздник, будет очень весело. Но жених наотрез отказался, некогда, мол, тысяча дел, должен лететь. Потом парень долго бормотал, уговаривая, видно, подружку невесты. Не уломав и ее, он вскочил на коня и умчался. Люди понемногу расходились. Кто собирался оставаться, устраивались на ночь под навесом. Под открытым небом спать нельзя, роса вредна.

Появилась и луна, нежный бледный свет ее окрасил все вокруг. Я медленно поднялся на пригорок, прилег на траву и долго-долго смотрел на очертания ночных гор.

Под навесом трепетал огонь костра, он то взметывался кверху, то был едва различим. Когда я вернулся под навес, все спали. Только носатый с верзилой сидели у костра, перед ними на полотенце лежали хлеб, сыр и жареные грибы, стояла початая бутылка жипитаури, вторая, пустая, валялась рядом. Верзила что-то рассказывал, при моем приближении замолчал. Они пригласили меня посидеть с ними. Поздно, сказал я, лучше прилягу. Тогда хоть стаканчик выпейте, протянул мне носатый водку. Я пожелал им спокойной ночи, влез в спальный мешок, положил под голову рюкзак и

закрыл глаза. Носатый подбросил в костер дров. Верзила продолжил свой рассказ:

— Я виделся с ней всего два раза в год, по дороге в Шираки и обратно. Она останавливалась передо мной и смотрела на овец, порой брала приглянувшегося ягненка на руки и прижималась к нему лицом. Я чувствовал, что она наблюдает за мной, но всегда исподтишка. Я терял голову, у меня заплетался язык и ноги. Когда подходил к ней, она исчезала, сверкнув глазами и загадочно улыбаясь. Вот этой улыбкой я и жил следующие полгода. Я часто сердился на себя, что у меня не хватает духа подойти к ней, спросить что-нибудь, хоть воды попросить...

Я задремал. Когда я проснулся, они все еще разговаривали. Им было наплевать, ведь они выспались днем. Теперь же они сидели в прохладе и отводили душу. Вдруг мне послышалось жужжание самолета, но оно тут же исчезло. Я вслушался, шум повторился и опять заглох. Я приподнялся и огляделся. И вижу: в стеклянную банку, что стояла возле досок под навесом, залетела пчела и не могла вылететь. Мне стало смешно, так вот кто явился причиной переполоха днем. Тем временем сон окончательно слетел с меня.

— Ты не выдержишь, — слышался мерный голос верзилы, как будто он рассказывал сказку. — Это опасно, ты можешь свалиться, скатиться, попадешься какому-нибудь зверю, или еще что-нибудь. Мне не страшно с тобой, говорила она. Это хорошо, но ты будешь скучать, не забывай, я же чабан, тебе же надо с кем-то перекинуться словечком, ты не сможешь одна. Мне с тобой не будет скучно, возражала она. Я не могу больше тебя ждать, все время о тебе думать, беспокоиться. Там я хоть буду знать, что ты придешь вечером ко мне, будешь со мной. Мне больше ничего не надо. Ты ведь знаешь, если женщина что возьмет в голову... Я, конечно, был рад, прекрасно, думаю, очень хорошо, что она будет со мной. Я сказал заведующему фермой, так, мол, и так, пусти меня к ягням, теперь пусть другие повозятся с дойкой. Не возьму греха на душу, он не возражал. У меня был крепкий иноходец, умница. Он был такой спокойный, что на самой крутой тропе, стегни его плетью, он и не дрогнет. Я посадил ее на

него и мы тронулись. Отобрали ягнят, взяли двух собак, одну суку и кобеля — его звали Богвера. И тронулись. Она радовалась, как ребенок, очень ей нравилось в горах. Часами она могла стоять и любоваться каким-либо особенно понравившимся ей видом. Она ласкала ягнят, скребла лошадь, заплетала ей гриву, собирала цветы, плела венки. Из травы она сплетала колечки и в серединку вкрапляла венчик цветка, да так искусно, можно было залюбоваться. Перед красивым деревом или скалой она ставила меня на колени, становилась сама, и мы венчались, как она это называла. Певучим голосом она приговаривала:

— Господи, дай счастья рабу твоему Эфро и рабыне Анано, прости им грехи их...

— Потом мы обменивались травяными колечками и нежно, как подобает только что повенчанным перед лицом Господа, целовались. Она застенчиво склоняла голову, застыдившись, потом вдруг начинала заливаться смехом, шалить, я терял голову, сходил с ума, меня словно огнем опаляло, а она ускользала от меня, убежала, я догонял ее, боясь, чтоб она не поскользнулась, не упала. Но она носилась, как ветерок, можно было подумать, что родилась и всю жизнь жила в горах. Я подлавливал ее и где-нибудь в укромном уголке, хотя кто нас мог видеть, прижимал к себе, и все было так же чудесно, как в первый раз.

Ты знаешь, что ягням очень трудно в первую неделю без матери. Они кричат, мечутся, ищут мать... Очень я их жалел. Сгрудившись, они блеяли, чуть не топтали друг друга, потом вдруг одному из них что-то померещится, он куда-то мчится, за ним бросаются остальные и начинается черт-те что. Если бы не Анано, я бы не выдержал этого душераздирающего зрелища. Она очень помогла мне. Не знаю, то ли потому что она женщина, они принимали ее за свою мать, то ли что. Но они собирались возле нее, блеяли, лизали ее, тыкались в нее мордочками, а она ласкала их, гладила, почесывала, давала им лизать соль. Порой я ее отсылал, просил пройти по тропинке вверх и подождать меня там, сам же, разбив их на группки, ходил по склону горы, и убедившись, что они мирно пасутся, украдкой уходил к поджидавшей меня Анано. Но как толь-

ко я исчезал из поля их зрения, они с бляньем и криками догоняли меня и бежали чуть ли не впереди. И черта с два они меня слушались, бежали, толкаясь и падая, я принимался их догонять, и получалось, что мы неслись, очертя голову, кто поспеет к Анано раньше. Увидев нас, она оживлялась, начинала смеяться, раскинув руки, бежала навстречу, подбегали и собаки, ласкаясь и повизгивая, и начиналась целая кутерьма...

Эфро замолчал. Какое-то время он, задумавшись, смотрел на огонь, потом хлебнул пива и спокойно, вполголоса спросил:

— Ты, верно, думаешь, спятил он что-ли, разве можно о жене такое рассказывать?! Мужчине это не подобает. Но я рассказываю тебе все так подробно, чтоб ты знал, как все произошло. Может, ты что и посоветуешь, подскажешь мне. А то впору сойти с ума, конченный я человек!

— Да рассказывай ты, рассказывай, душу отдашь, — подбодрил его носатый. — Чего уж тут...

Верзила долго молчал, видно, борясь с собой. Потом продолжал:

— Через неделю мы подошли к пастбищу, расположились в землянке на солнечной стороне снежной горы под отвесным утесом. У меня с самого начала не лежала душа к этому месту. Мы были в каких-нибудь сорока шагах под утесом, и я все время боялся, как бы он не сорвался. Но лучшего места поблизости не было. Вид оттуда просто замечательный — вверху утесы, внизу — ущелья. Ветра почти не бывает, так, небольшой свежий ветерок. Тут же рядом родник, и ледник тут же — можно продукты хранить в холоде. Но я, думая, что береженого бог бережет, притащил колья, огородил место в нескольких шагах от обрыва плетеными прутьями. Кто его знает, вдруг поскользнется или еще что-нибудь. Страх не давал мне покоя. Чтoб изгородь была хорошо видна в темноте, я обстругал колья, так что они четко белели. Землянка была маленькой, на одного человека, я стал расширять ее, отрыл, вычистил. Она мне охотно помогала. Я рыл, а она пасла ягнят, когда же я был занят с ягнятами, она рыла. В землянке хорошо и в жару и в непогоду. А там, сам знаешь, то гроза, то град, а то и снег начнет сыпать. Притащил

я снизу березовые мягкие ветви, смастерил широкую тахту, насыпал мягкой листвы и хвои, хорошо на ней было спать и ласкать друг друга. Хотя я по-пастушьи предпочитал спать на земле. На твердой земле все-таки лучше, на тахте никогда не знаешь, когда она под тобой подломится, — Эфро посмотрел на носатого и криво улыбнулся. — Удивительная она была женщина, никогда не угадаешь, в каком будет настроении через минуту. Только смеется, а через минуту на что-то дует. Иногда она сердилась на то, что я ее плохо приласкал. Потом вдруг рассердится, что спать не даю, пристаю. Посмотришь, такая степенная, а взглянешь через минуту — вдруг начинает шалить и веселиться. В общем она сводила меня с ума. Порой я всерьез обижался на ее шуточки, заворачивался в бурку и ложился прямо на землю. Она влезала в спальный мешок по шею и поворачивалась ко мне спиной. Я не успевал задремать, как она начинала ворочаться, потом вдруг что-то роняла, кашлянув, спрашивала: «Ты спишь?» Если я не отвечал, она еще настойчивее спрашивала: «Ты спишь, ты спишь?» И толкала меня при этом рукой, трясла. Ну разве мог я заснуть?! Порой она делала вид, что ей что-то послышалось, что она испугалась; тогда она притворно испуганно спрашивала: «Что это?» Я делал вид, что сплю. Тогда она вылезала из спального мешка и подлезала ко мне под бурку. Но уловки ее менялись, если она один раз подкрадывалась ко мне, второй раз она бросалась, как рысь. Порой она была жаркая, как печка, порой холодная, как лед. Вдруг она начинала жаловаться, что бурка жесткая, что ей под ней холодно, и вынуждала меня перейти с ней на тахту. Как только зажигалась заря, она высвобождалась из объятий, стыдно при свете дня лежать вместе. Только тогда я засыпал. На рассвете же я уже выходил к ягням.

Теперь, когда я задумываюсь, я понимаю, почему она вела себя так, это чтоб нам не было скучно вдвоем, чтоб дни не походили один на другой. И мы были счастливы. Смотрели на жизнь сверху, из обители богов...

Со стороны Алазанского ущелья слышался какой-то шум, я прислушался. Сначала мне показалось, что это кричит петух, потом я четко расслышал: «Тевдоре, Тевдоре!»

Это был филин. Кричала самка, призывая самца: «Тевдоре, Тевдоре». Тевдоре не отвечал, кто знает, что случилось, может, они разминулись. В голосе самки слышались отчаяние и призыв. В ответ закричала какая-то ночная птица: «Кия, кия, кия!» Последний возглас донесся откуда-то из глубины ущелья, и так внезапно прервался, словно бы птица канула в пропасть. Не знаю, слушал ли Эфро птиц, но он тоже замолчал. Молчал он долго, может, вспоминал те счастливые дни. Когда мы счастливы, мы этого не понимаем, счастье кажется нам самой обычной вещью, и мы всегда ждем большего. И только потеряв его, мы понимаем, каким сокровищем владели. Тогда остаются только воспоминания, которые мы склонны бываем приукрашивать и идеализировать. Чувствовалось, что Эфро оплакивает свое ускользнувшее счастье, он был несчастен. Хотя человек, наверное, счастлив и тогда, когда ему есть что вспомнить, есть, чем заполнить пустые безрадостные дни. И сегодняшняя бессоница Эфро, которая казалась мне бессмысленной, для него была полна смысла. Ведь он жил воспоминаниями, весь был в мыслях о блаженном прошлом. А разве можно различить реально существующее удовольствие и счастье от пережитого в мыслях? Наверное, разницы все же нет. И он, словно бы угадав мои мысли, произнес:

— У меня ничего не было больше в жизни хорошего, я не видел ничего хорошего, что можно было бы вспомнить... Я, кажется, напился и расширился. Будь другом, не осуждай меня, если что и сболтну лишнего.

— Бог ничего не придумал лучше и горше любви, — раскрыл рот до ушей носатый. — От нее все беды. Интересно все же...

— Слушать, может, и интересно, но вот пережить все это... Я говорю тебе все, как было, не приукрашивая и не преуменьшая...

— Я тебя очень хорошо понимаю.

— Сам знаешь, за ягненком смотреть надо, словно за малым дитем. И траву ему подобрать надо и пастбище приличное. Они же неразумные, набрасываются на клевер, он мягкий, а от него живот пучит. Им нужна низкая, упругая трава. Я всю жизнь провел с овцами, но ягням нужен другой подход. Они резви-

лись, прыгали, гнули траву. Я все время ходил за ними следом, то пригонял отставших, то задерживал бегущих. Им, оказывается, даже важно, с какой стороны солнце светит. Если бьет им в глаза, они не могут спокойно пастись. Имеет значение и откуда ветер дует, чтоб они не простудились, не дай бог, и чтоб им не было жарко. Короче говоря, все свое время я возился с ними, и на Анано времени не оставалось. Но она все же выискивала возможность, если мы не могли побыть вдвоем, так хоть чтоб не упускать друг друга из виду. Рассветало, облака розовели, и ледяные вершины начинали ослепительно сверкать, и тут раньше солнца из землянки выглядывала Анано. Отыскав меня где-нибудь в ущелье, она подбегала и, подняв руку, кричала: Э-гей, э-гей, Эфро! — Э-гей, э-гей, я здесь Анано! — кричал я в ответ. Это и было нашим приветствием друг другу. А сколько ласки и тепла было в этих восклицаниях. Но это в хорошую погоду, когда отара паслась на склоне горы. А в плохую погоду я не пускал их на склон горы, там было мокро и скользко, и они могли скатиться. Я их делил на группки и пас на маленьких полянках в ущелье. Там порой она меня высмотреть не могла, а иногда я нарочно прятался и смотрел, что она будет делать. Она мгновенно обегала окрестности, потом находила меня, угадывая мою хитрость, радовалась, смеялась и грозила мне издали маленьким кулачком. И у меня бальзам разливался на душе. Потом она начинала хлопотать по хозяйству. От сложенного из плоских камней очажка поднимался дымок. Серовато-голубоватый, он поднимался сначала прямо вверх, вытягивался, как струна, к вершинам, там он внезапно распадался, рассеивался и терялся в синеве неба. Я смотрел, как суетилась у очага моя единственная. Она что-то стирала, вешала, носила воду, стряпала... Закончив хлопотать, кричала:

— Эфро, ты, наверное, голоден, иди, милый!

И я тотчас бегом устремлялся к ней. И даже если я не был голоден, я все время чего-то боялся, мне постоянно не хватало ее.

Ты знаешь, как бывает в горах с погодой. Стоит ясная, солнечная, тихая, глядишь, задует ветер, пойдет дождь, снег. И хоть и небольшое было расстояние ме-

жду землянкой и пастбищем, но погода была разной. Порой разражалась такая гроза, ну, думаю, все, конец света. И каким бы ты ни был храбрецом, все равно можешь испугаться. Особенно женщина. Я тотчас бежал к ней, чтоб она не испугалась. И все время ее предупреждал: во время грозы остерегайся высоких, открытых мест. И если даже я запаздываю, не надо меня высматривать. Хотя она и не выглядывала. От страха забивалась в уголок землянки. Увидев меня, оживала, судорожно обнимая, просила помощи. И была такой беспомощной и нежной, что мне не хватало объятий, мне хотелось спрятать ее где-нибудь поглубже в уголке своего сердца. И в эти мгновения я преисполнялся какой-то величавой мужской силы. Страх, да и сама смерть, я мог бы обратить в бегство.

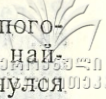
Эфро замолчал, видимо, у него пересохло в глотке, потому что он налил себе пива и выпил. Воспользовавшись паузой, носатый поднял стакан с водкой и прочувственно произнес:

— Давай выпьем за любовь. Да-а-а, когда любишь кого-то, и весь мир любишь. Все тебе нравится, ты становишься терпимым, милосердным, жалостливым. Все тебе кажется красивым и добрым, всем ты желаешь добра, жизни радуешься. Короче, за любовь. Если я что-то недосказал, скажи ты...

— За любовь, — поднял стакан и Эфро, прикрыв глаза, он о чем-то думал. — Да, за любовь, — повторил он и осушил стакан.

— А дальше, что было дальше, рассказывай, — попросил носатый, отщипывая ножку гриба.

— Знаешь, помню, однажды очень нас замучила облачная погода, ну совсем как сейчас. Утро бывало прекрасным, ясным, потом постепенно из ущелий поднимались облака, окутывали все вокруг и целый день стояла хмурая, пасмурная погода. Что мы, как идиоты, мучаем себя, отдаем себя на съедение этой погоде, сказала мне как-то раз Анано и указала вниз на маленькую поляну на горе, которая была освещена ярким солнцем. Вот там и вчера было солнышко, пойдем туда, даже ящерики ищут, где бы понежиться на солнышке, а мы что же? Но ведь далеко, сказал я ей, и потом ягням полезно быть наверху. Но она схватила меня

и помчала вниз. Я кричу ей, постой, я хоть ягнят пого-ню, а она смеется: не надо, говорит, они сами нас найдут. Когда мы спустились по склону вниз, я оглянулся и увидел, что они и в самом деле несутся за нами, как угорелые, и собаки следом. И вот все время, пока была эта облачность, мы каждое утро спускались вниз, а вечером, когда облака рассеивались, поднимались к себе в землянку. Порой облаками затягивало все ущелье, как говорится, прямо у нас под ногами. Белые большие клочья закрывали всю землю и тогда казалось, что мы в море. Там-сям островами виднелись вершины гор. Вся тщета, ложь и суета, зло и ненависть, все исчезало, оседало на дне этого облачного моря. И вот мы оставались одни на этом безлюдном, чистом островке, мы оставались одни под солнцем, как Адам и Ева. И все было по-другому. Нас охватывало какое-то удивительное чувство. Мы словно бы острее чувствовали друг друга, острее было осознание того, что мы принадлежим друг другу, мы словно бы сливались в одно. Не было ни обрывов, ни тени, кругом были одни друзья — собаки, ягнята, и мы.

Мы были счастливы. Но я никак не мог преодолеть этот навязчивый страх. Может, ты знаешь, что это за чертовщина такая, что за предчувствие терзало мне душу? Откуда оно? Оно не оставляло меня даже во сне. Словно бы наяву я видел, как катится она по склону. Как летит, падает плашмя на острые скалы, слышал даже глухой звук падения, затем мгновенная тишина, и она продолжает лететь дальше. Я мучался, страдал, меня терзали видения. Я прибавил кольев, укрепил их, второй раз перетянул прутьями орешника, постоянно просил ее не подходить близко. Но она только смеялась. Потом я взял в голову, что нам надо переходить на другое место. Тут она уже заговорила со мной серьезно, успокоила меня, обещала выполнять мои просьбы.

Я все время удивляюсь: мы часто сами не знаем, что нас может обрадовать, а что огорчить. Ведь и настроение бывает разное, то, что нравится тебе сегодня, может вызвать отвращение завтра. Но если мы сами себя не понимаем, как нас может понять другой. Она же обладала удивительной интуицией, всегда угадыва-

ла, что может меня обрадовать. Она любила кокетничать. Некоторые это делают так беспомощно, что вызывают только жалость и отвращение. Но кокетство твоей возлюбленной привлекает, очаровывает, возбуждает желание, продлевает радость.

В мрачную погоду она вдруг наряжалась в какие-то пестрые тряпки, придумывала какие-то наряды. Чтоб развеселить себя, объясняла она, смеясь. И действительно она становилась еще ласковее, еще веселее. Она рассказывала что-то смешное, придумывала небылицы, смеялась сама и смешила меня.

Она всегда старалась встретить меня одетой и причесанной. У нее были красивые волосы, густые, пушистые. Она постоянно меняла прическу. И поменяв ее, все время вертелась передо мной. Иногда я не замечал, что она сменила прическу или переделала платье, я не очень разбираюсь в этом. Тогда она меня спрашивала, нравится ли мне ее платье или прическа. Или ужасно сердилась, почему я не замечаю на ней ничего, наверное, потому, считала она, чтоб разозлить ее. Но я действительно не замечал, ей подходило все. Я не знал, что надо говорить обо всем, что мне нравится в ней. И потом ведь слова не главное. Потом она ласкалась ко мне и говорила, что не надо ее слушать, что она глупая. Когда ты меня хвалишь, у меня становится радостно на душе, но когда ты скусишься на слова... Ее облик преследовал меня повсюду, и все время разный, такой, какой я видел ее в последний раз, или какой она мне нравилась. Но любил ее не я один. Собаки! Ты бы видел собак! Однажды она объявила, все, надоело, больше звать вас и искать — не буду, как только еда будет готова, я махну красным платком. И что ты думаешь? Они все поняли. Собаки первыми замечали этот платок и при появлении его неслись к землянке как сумасшедшие. А ягнята? Когда их нужно было лечить, мне приходилось или привязывать их или крепко держать. Она могла даже не дотрагиваться до них, так спокойно и смиренно они лежали. Она промывала им ранки, смазывала, накладывала шины.

По утрам, если не раскрывались цветы медовика, я знал, что погода испортится. И знал, что погрустнеет и моя девочка. Укутавшись в шаль, она садилась, съе-

жившись, у входа в землянку и смотрела мне вслед. Я тут же, устроив отару, старался под любым предлогом прийти к ней, знаешь, говорил я ей, я узнал новости. Знаешь ведь, как женщины любят новости. Она начала смеяться, откуда у тебя новости, ведь вокруг ни души. Под конец, растормошив ее и приласкав, и увидев, что она раскрылась, подобно цветку медовика, я немного успокаивался.

— Однажды... — каким-то другим голосом продолжал Эфро и замолчал. Носатый не торопил его. Несколько раз Эфро пытался заговорить, но не мог. Видно, он подошел к тому самому роковому дню, который и нанес ему незаживающую рану. Я уже догадался, что у этой счастливой любви должен был быть какой-то ужасный конец, и с замиранием ждал, когда он продолжит рассказ. Мне почему-то казалось, что его историю слушал не я один, хотя все вокруг, во всяком случае на первый взгляд, спали. Только жених пробормотал что-то, повернувшись на другой бок.

Послышался какой-то далекий гул, непонятно было, гром это или самолет.

— Давай выпьем еще по одной, — предложил носатый, — выпьем за радость! За то, что может порадовать нас, забрать за душу, за то, что радовало в прошлом, и еще не раз порадует в будущем!

— Да будет так! — кивнул Эфро и чуть отпил из стакана с водкой. Зато залпом выпил стакан пива и следом второй.

— Как-то утром мы сидели за нашим столиком из плоского камня и завтракали. Была чудесная погода, светило солнце. Когда становилось жарко, откуда ни возьмись, задувал ветерок и приносил прохладу. Анано вспоминала наш первый разговор. Я очень сердилась на то, что у тебя заплетался язык и дрожал подбородок, ты так побледнел, два слова не мог связать. Она, конечно, преувеличивала, и мы смеялись. Внезапно она побелела и, указывая на подножье горы, спросила: кто это? Я оглянулся. Действительно, по направлению к нам шел какой-то человек. Я взгляделся, думаю, может, кто из наших пастухов? Но нет. Какая разница, сказал я ей, кто бы он ни был, гость от бога. Я улыбнулся, но заметил, что настроение у нее ис-

портилось. Наверное, новостей нам порасскажет, беспечно сказал я. Она насильственно улыбнулась, кивнув головой. Путник медленно поднимался к нам. Ты знаешь, мне кажется, он дурной человек, прошептала Анано. Да ладно тебе, ты уж и отсюда разглядела, что он дурной, наверное, собак боится, пытался я успокоить ее... Ты знаешь, я заметил, — продолжал Эфро, засматривая в глаза носатому, — если что должно случиться, все складывается так, как будто заранее было запланировано, все одно к одному. Не знаю, может все и было подстроено, иначе почему именно в тот момент собак не было со мной. Накануне со стороны нашей главной стоянки послышался ружейный выстрел. Собаки не любят ружья, и, гляжу, с главной стоянки они пришли ко мне. Я рассердился на них, пытался их погнать обратно, но они не пошли, и я не настаивал. А вечером, было уже темно, когда оттуда опять послышался шум, крики и выстрелы. Я понял, что на них напал зверь, и опять погнал собак, но они слышат выстрелы и не идут. Тут я кликнул своего кобеля — Богверу и науськал его в сторону стоянки. Богвера ринулся туда, а за ним и все собаки, ночью они остались там и еще не вернулись... Человек все поднимался. Он был уже на тропинке к роднику, какое-то время его не было видно за склоном горы, а потом он появился почти у родника. Это был молодой мужчина с приятным, вызывающим доверие лицом, высокий, крепкий. Он шел уверенным и бодрым шагом, на охотника похож не был, и на пастуха тоже. Под мышкой у него был плащ, на плече рюкзак, за поясом справа виднелся моток веревки. А зачем ему веревка? — спросила меня Анано. Не знаю, сказал я. Незнакомец остановился на краю поляны и крикнул: Вы не видели тут коней? Нет, сказал я, пожалуйста к нам в гости, отдохните, расскажите что-нибудь. Анано встала и пошла переодеться. На ней было платье с открытой грудью. Потом поставила на очаг разогреть обед и скрылась. Незнакомец подошел, присел на камень, на котором обычно сидела Анано. Я спросил его, кто он, откуда. Он назвал какое-то село, не помню. И имя сказал, тоже не помню. Я вынес бутылку водки, он отказался, сказал, не пью. Я все же выпил, думал, может стесняется. Но он не выпил. Не

знаю, какая муха меня укусила, я же видел, что он не пьет, зачем же мне было пить, но я опять выпил. Ана-но принесла нам поесть и зашла в землянку. Сидели мы долго. Разговаривали о том, о сем. Мы же оторваны были от всего, меня интересовало, что делается на белом свете. Разговаривал он мало, зато всю налегал на еду. Отара разбрелась. К тому времени и он закончил есть. И только было я приподнялся, как вдруг он, оглядев меня с ног до головы, и встретившись со мной взглядом, предложил: — Давай поборемся. Я не поверил своим ушам. Никогда со мной такого не бывало, да и от других не слышал ничего подобного, чтоб гость предлагал хозяину побороться. Ты что сказал, переспросил я. Давай бороться, повторил он. Я усмехнулся. Во-первых, как можно, хозяину бороться с незнакомым, пришедшим к нему в семью человеком, и потом я же знал, что могу его двумя пальцами удушить. Ты шутишь, улыбнулся я. Ты чего смеешься, теперь уже в его голосе слышалась угроза, ты не обманывайся на мой счет, думаешь, я хлипкий?! Я сказал ему: дорогой, оставь меня в покое, если ты нарываешься, так и скажи, а нет, так отправляйся подобру-поздорову. Но нет, он уперся, хочешь, не хочешь, а поборись с ним. Я говорю ему, да не борец я, пришел сюда гостем, я уважил тебя по обычаю, а теперь, будь другом, уходи, откуда пришел. Да куда там! Он встал, вышел на ровную площадку, снял с себя рюкзак, бросил на него моток веревки и зовет меня: выходи. Я просто не знал, что делать, и неудобно мне, как хозяину, мы ведь не привыкли наши обычаи нарушать, и перед Анано неловко. И потом он так странно настаивал, меня что-то сковало, то ли страх, то ли какое-то сомнение. Не знаешь, что и думать: кто знает, что у него на уме. Кулаком я могу и быка свалить, но не могу же я так запросто свалить его, все же гость, да и хмель меня забрал. Анано вышла из землянки и теперь стояла, удивленно глядя на меня. А я все думаю, вдруг да он свалит меня, стыдно мне перед Анано будет, такого здоровяка и свалит. Как мне потом ей в глаза глядеть, какой же я после этого защитник. Но не побороться с ним, сраму не оберешься, скажет трус. И я решился. Вышел и я, встал напротив. Но не успел и рукой шевельнуть, как

он налетел на меня, поддал ногой и я растянулся. Тут же я вскочил на ноги. Краем глаза успел заметить удивление Анано. Я попытался улыбнуться, но улыбка была вымученной. Она отвернулась и вошла в землянку. Я разъярился, ну теперь держись. Я схватил его, встряхнул как следует и пригнул к земле. Но он продолжал сопротивляться. Я как в тисках сжал его ноги и руки. Он застонал, прося о помощи, и я ослабил хватку, не дай бог, подумал сломаю позвоночник. Но он тут же вскочил и снова бросился мне под ноги, норовя свалить на спину. Я рухнул и почувствовал, что ударился головой обо что-то твердое. И все, больше ничего не помню. Но, видно, пришел я в себя скоро. Победитель стоял там же, прерывисто дыша и сверху поглядывая на меня. Я попытался приподняться, но не смог, ноги и руки не подчинялись мне. Я не сразу понял, что со мной, собрав все силы, попытался подняться и вдруг вижу: руки и ноги у меня связаны. Эй, ты, что дурака валяешь, развяжи меня, приказал я. Анано потянулась было ко мне. Но он преградил ей путь и схватил за руки, Анано сопротивлялась, но куда ей. Он повалил ее на землю. Эфро, помоги, крикнула Анано. Кровь закипела во мне, я был вне себя от ярости, извивался, пытаюсь освободить хотя бы ноги, но куда там, даже ослабить веревки не смог. Я не знал, что делать, бессильная злоба и ярость душили меня, я был весь в огне. Этот негодяй, придя ко мне в гости и воспользовавшись моим гостеприимством, теперь насилует мою жену. Он рвал на ней платье, Анано кричала, звала на помощь, а я лежу беспомощный, даже ногой шевельнуть не могу, — верзила отер пот со лба и скинул бурку с плеч, потом подбросил в огонь дрова. — Что ты делаешь, ты не мужчина! — крикнул я. — Я же тебя все равно из-под земли достану, далеко не убежишь, кровь по капле выпущу. Но он, разгоряченный, и не слышал меня, мои угрозы на него не действовали. Помогите! — кричала Анано, но кто поможет, вокруг ни души. Эфро, помоги! — кричит она мне. От бессильной злобы я заплакал как ребенок. Достань я себя зубами, стал бы рвать себя в клочья. Ничего нет страшнее бессилия. Лежу как пень и смотрю, как творят насилие над моей беспомощной женой. Хотя ты говори беспомо-

мощной, она не давалась, царапалась как кошка, держала его за руки, извиваясь всем телом. Он с трудом высвобождал руку, и тут же она хваталась за нее снова, не давая дотронуться до себя. Он выбился из сил. Потом Анано, видимо, укусила его. Эта сволочь заорала, выдернув руку, ударил ее по зубам. У Анано хлынула кровь. Она отпустила его и закрыла руками лицо. Не знаю, то ли он устал, то ли схитрил, но он отстал. Видимо, решил: не вышло силой, может, лаской возьмет. К тому же он устал. Анано воспользовалась моментом, скользнула из-под него и понеслась к обрыву. Сначала я думал, что она бежит к его рюкзаку, и у меня появилась надежда, но она перескочила через колья. Не смей, — закричал я из последних сил, в глазах у меня потемнело. Но на счастье, этот негодяй помчался за ней, на лету перехватил ее, оттащил от обрыва и снова повалил на землю. Тут словно бы у меня в мозгу прояснилось, я вдруг догадался, как избавиться от веревки. Я готов был съесть себя самого, как мне не пришло это в голову раньше. Я пополз к огню, очутившись возле него, подтащил к нему свои связанные руки и стал жечь веревку, заодно, конечно и руки, но разве мог я думать об этом. Я торопился, но веревка и не думала загораться, зато гореть стали руки, я отодвигал правую руку, чтоб спасти хотя бы ее, левая же хорошо поджарилась. Но вот к запаху горелого мяса примешался запах опаленной веревки. Я тороплюсь, дергаю ее, но она не поддается. К тому же боюсь, как бы его не насторожил запах, — Эфро с шумом выдохнул воздух и еще раз отер пот со лба. — Но он все же не сломил женщину. Не зря же говорится, если женщина не захочет сделать что-либо, ее ничто не в силах заставить. Она опять ускользнула от него. Он вновь повалил ее, свернув ей шею, от боли она стонала, но раздвинуть ей ноги он все же не смог. Тогда он ударил ее кулаком в грудь. Анано закричала, скрючилась от боли и потеряла сознание. Я еще раз дернулся и вот веревка порвалась. Я вскочил, бросился к нему и, схватив за ноги и руки, метнул его в сторону обрыва. Раскинув руки и ноги, он полетел в пропасть. Анано вскрикнула и как ужаленная, подскочила. Мы смотрели друг на друга не отрываясь, прислушиваясь к тому, что

происходит в пропасти. Прошло несколько томительных секунд и снизу донесся глухой стук. За ним послышался шум осыпающихся камней. Затем все стихло. Рука продолжала гореть. — Верзила достал из кармана левую руку и поднял ее к свету. Я содрогнулся, кисть руки была вся сморщенная и обуглившаяся, вместо пальцев торчали какие-то обрубочки, кое-где сросшиеся друг с другом, кожа вся в глубоких складках лоснилась на свету. — Я сунул руку в воду. — продолжал он спокойно. Боли я не чувствовал. Анано стояла все так же неподвижно, оцепенев. Потом посмотрела на меня, я не мог понять, смеется она или плачет. Жалеет она меня, ненавидит, любит или что, я не мог понять, и отвел от нее глаза. Невидящими глазами я смотрел на свою обугленную руку, потом вошел в землянку, помазал ожог постным маслом. Выйдя из землянки, я окликнул ее, сейчас, говорю, приду. Я знал место, где у тетерева было гнездо, нашел там яичко и смазал ожог желтком, остальные яички захватил с собой. Всего я отсутствовал, наверное, минут пятнадцать-двадцать. Когда я вернулся, ее уже не было. Я кинулся туда-сюда, но ее и след простыл, не было ее ни в землянке, ни у лавины, ни у родника. Я звал ее, заглядывал в обрыв, почему-то подумал, не бросилась ли она следом. Но ничего не обнаружил. Я спустился в ущелье, обошел все склоны, чуть не разбился. Потом стал спускаться в обрыв. По мере того, как я приближался ко дну его, сердце мое заходило от боли. Наверняка, она бросилась туда, думал я. Но ее и там не было. Обнаружил я только там труп моего учителя. Тогда я вернулся в село. Всем селом мы ее искали. Но ничего. Облазили все ущелья, овраги, горы, не оставили даже кустика. И ничего. Я искал ее целый месяц, ходил, как дикий зверь. Но даже на след не попал. Я спустился и в долину. Не знаю, небо ее поглотило или земля. Ушла навсегда. Ничего мне больше не надо, значит, не хочет быть со мной. Ну и черт со мной, знать бы только жива она или нет... — Он замолчал и, убитый, уставился на огонь. Собеседник его тоже молчал, потом не вытерпел: И что же, ты до сих пор ничего не знаешь о ней? — Верзила отрицательно качнул головой. И повторил: Ушла навсегда.

Рядом с узлами, завернувшись в бурку, храпел лысый мужчина, его храп я услышал только теперь, не знаю, может, он и не храпел до того, или я, увлеченный рассказом, не обращал внимания. Но теперь этот беспечный храп казался чем-то очень неуместным. Рядом с навесом послышалось пофыркивание лошадей. Носатый приподнялся и хлопнул в воздухе бичом, негромко прикрикнув:—Ах ты, волчья сыть! Небось днем не понравилась травка, а теперь и остановиться не можете! Отогнав лошадей подальше, он вернулся, сел на свое место и разлил водку. Эфро отказался.—А я хочу выпить, — сказал носатый, — душа горит. Давай выпьем за нее. Пусть ей будет хорошо, где бы она ни была. Верзила кивнул. Они оба надолго замолчали. Потом носатый вполголоса спросил:—И что же ты, больше не женился?—Нет, я не хочу.—Может, она покончила с собой?—вдруг пришло в голову носатому.—Но куда она могла уйти мертвая, я же говорю, нигде не было и следа, — озадаченно сказал Эфро. — Ты знаешь, когда я вспоминаю, как она на меня холодно посмотрела в последний раз, со мной что-то происходит. Ведь столько времени прошло, а она, как живая, передо мной. И рана моя постоянно кровоточит. Я все думаю, любила ли она меня? Почему я рассказал тебе все подробно, может, ты можешь мне ответить. Разве может женщина так поступить, если любит?!

Носатый задумчиво смотрел на него, потом решительно сказал:—По-моему, любила, не могла она так лицемерить.

— Знаешь, — поднял палец Эфро, — тут надо различать две вещи: любовь и влюбленность. Иногда хочешь кого-то полюбить, потом тебе даже кажется, что ты любишь, а оказывается, что ненавидишь. Может, она ненавидела меня?

— Я не понял, — удивился носатый.

— Послушай меня хорошенько: тебе кто-то нравится, ты даже хочешь полюбить ее, тебя устраивает жениться на ней, но в глубине души ты ее ненавидишь. Ты это чувствуешь, но не хочешь признаться, скрываешь от себя. И даже больше того, стараешься убедить себя в обратном, но когда-нибудь ненависть эта проклюнется, взорвется, это обязательно будет. Вот я и

говору, может, так оно и было. А может, она любила того типа, а потом между ними что-то произошло, не смогли они пожениться, может, он не захотел, а может, и она. Ну а потом она поступила с ним так, как и должна была поступить. Сделала вид, что не узнала?! Не знаю, не знаю... Может, она играла мной. И когда он повалил меня, даже обрадовалась. Ведь женщин не поймешь, а может, она хотела, чтоб я вышел победителем. Это тоже вопрос самолюбия, ведь я все же был ее мужем. Но увидела, что я не пожалел его, и в ней вспыхнула та самая ненависть, о которой я говорил.

Носатый глядел на него во все глаза, потом, словно что-то поняв, отрицательно качнул головой: нет, это не то. — Это свинья была оттуда, — он протянул руку к горам, — не из наших. Откуда ей было знать его. Или тем более любить... Хотя, не знаю, ничего не могу понять. Это уже ревность. Мужчина, знаешь ведь как, что только не навоображает, не напридумывает. Мой тебе совет: не бери ты это все в голову, не давай себя поедом есть ревности. Рано или поздно она появится, и тогда ты все узнаешь. Не мучь себя понапрасну.

— Ты прав. Но пока я все не узнаю, я не успокоюсь. Когда я узнаю правду, если неправ, что же, покаюсь, виноват, скажу, прости. А если она виновата, я прощу ее и поступлю, как найду нужным. Меня мучает неопределенность. Может, ей нравилась его жестокость. Женщину, я говорил тебе давеча, не поймешь, иногда ей нравится грубость. То, что мы принимаем за неотесанность и грубость, ей порой кажется проявлением мужественности. Если она любила меня, ведь говорят, что любимым все прощают, почему она меня не простила? Я же не знал, что этот негодяй окажется таким коварным. Прийти в гости, переломить с хозяином хлеб и потом сделать такое. Вообще, я должен сказать, мы чересчур гостеприимны, но такое мне, ей-богу, не понять. Ты не даешь себе даже права подумать что-либо плохое, клянусь тебе хлебом нашим насущным, — он коснулся рукой хлеба, — не ждешь от человека ничего дурного, а она даже простить не смогла? Если бы я знал, я бы разве посадил его рядом, я разорвал бы его пополам. Но я ничего не подозревал, откуда я знал, что он собирается сделать. И она не имела права меня

презирать, вот что меня приводит в бешенство. Да, я поступил как последний дурак, но она же видела, что он лукавил, ну и что же, что я не знаю приемов и он одолел меня, ведь она видела, что я сделал ради нее, я себя не пожалел, покалечил. Ведь я сделал это из любви к ней. — Он взволнованно замолчал. Потом уже спокойно произнес: — Нет, надо все-таки быть правдивым до конца. Я сделал это не только из любви, но и из самолюбия. Я же все-таки мужчина, я не мог дать опозорить себя. Но силу на это мне дала любовь. Наверное, все же ради самолюбия человек не способен на такое. Все равно я сделал это ради нее, почему же она не простила меня, почему пожертвовала мной!

Кто знает, сколько он над этим думал, размышлял... И если он сам не мог ответить на свой вопрос, носатому и вовсе трудно было что-либо сказать. Поэтому, глубоко задумавшись, он покачивал головой.

— А с собаками? Почему именно в ту ночь я услал собак? — с опозданием вспомнил вдруг Эфро. — Может, это тоже было подстроено? Если б там был Богвера, он бы его близко не подпустил ни ко мне, ни к Анано... Или что меня еще удивляет, помнишь, я говорил, когда он меня первый раз свалил, Анано удивленно посмотрела на меня и вошла в землянку. Может, потому что пожалела меня?

— Конечно, пожалела, жена же она тебе, любила, вот и пожалела. Это не имеет значения.

— Имеет и очень даже большое. Я это знаю давно: там, где жалость, любви нет места. Очень ошибается мужчина, который пытается внушить своей возлюбленной жалость к себе. Это вызывает обратную реакцию. Если даже и есть искра любви, и та затухает.

— Э-э, женский характер не так-то легко разгадать. Я все же тебе советую, не изводи ты себя сомнениями. Хорошо, если бы все было по-прежнему, но раз так случилось, что же теперь делать?!. Даже если она объявится, ты все равно не будешь счастлив, как прежде. Поэтому я тебе советую, женись, обзаведись детьми...

— Это все так, но раз она сбежала, значит она возненавидела меня, не так ли? Вот это я и хочу выяснить, — не дал договорить носатому верзила.

Вдруг я увидел, что невеста, которая лежала с той стороны подле Гуджи, подняла голову, словно бы что-то хотела сказать, но тут же опустила ее и плотнее укрывалась шалью.

Вот что мучило человека, думал я, а я было обиделся, что он ничего вразумительного не ответил Нодару. Честно говоря, не думаю, чтоб он продолжал любить Анано, ведь он сам сказал: там, где жалость, любви места нет. Странное поведение Анано озадачило и меня. Что же произошло на самом деле? Наверное, Эфро все-таки прав, раз она сбежала, значит, действительно не любила мужа. Но, может, именно любовь и заставила ее уйти! Она любила чистой, беззаветной любовью, и коли ее осквернили, не захотела остаться? Может, она и сейчас любит? Но почему тогда она не объявляется? Но самый главный вопрос только один — действительно ли они любили друг друга? Может, это было просто влечение, забытье медового месяца?

Несомненно надо было учесть одно: человек, рассказывая о себе, вольно или невольно склонен приукрашивать действительность. В особенности, если дело касается взаимоотношений с другими людьми, у него, без сомнения, складывается впечатление, что он всегда бывает прав, и это чувствуется и по интонации и по тону: он может скрыть какие-то детали, а какие-то, напротив, выпятить. Правда, он говорил откровенно, иногда порицая себя. Но я все же думаю, что он считал себя правым. Но ведь он тоже был неправ. Ведь знал, что в горах, в безлюдном месте, никакой помощи ждать неоткуда, ты сам себе голова и всем остальным защитник: и жене, и ягням, и собакам, и хозяйству. Все рассчитывают только на тебя. Поэтому от тебя и требуется исключительная ответственность, осторожность. Гостеприимство очень похвально, но ведь нужно помнить и то, что человек человеку порой и враг.

Во-первых, он, как признал это и сам, не должен был пить. Видишь ведь, гость не пьет, чего же ты дрыгаешь. А ведь все дело испортила именно водка: затуманила рассудок и лишила сил.

Все великое — и хорошее и плохое — начинается с малого, он не должен был посчитать за мелочь вызов гостя. Там были еще кое-какие детали. Но главное, как

он оставил Анано одну, когда пошел к гнезду тетерева за яйцами?! Наверное, это был самый большой его просчет. Он должен был что-то ей сказать, ведь физическая его боль была ненамного сильнее душевных мук Анано. Он мужчина, и с него больше спрос. Если он позаботился о том, чтоб унять свою физическую боль, почему он не подумал о ее боли?! Он должен был что-то сказать, чтоб унять ее боль. Хотя кто знает, какая буря бушевала в его душе. Одно ясно — где человек, там ошибка. Он ошибся, но почему его не простила женщина? Может, и тут где-то угнездились коварное самолюбие?

Я попытался представить себе, что Эфро нашел Анано. Как бы происходила их встреча? Скажем, они помирились, но как дальше сложились бы их взаимоотношения? Как сказал носатый, если тут появилась трещина, прежней жизни не было бы. Не знаю, кому как, а мне кажется, что если женщина ушла, если она так решила, возвращать ее не стоит. Если это была настоящая любовь, лучше пусть она останется сладким воспоминанием, чем ее станет точить червь сомнения. Но если это был всего лишь призрак любви, что же, пусть и он останется только в воспоминаниях, не надо, чтоб жестокая действительность навсегда отвратила нас от любви, иссушила нам душу.

Проснулся я от какого-то шума. Уже рассветало. На аэродроме царило оживление. Я огляделся. Костер уже погас, хотя угли еще дымились. Не было ни носатого с женой, ни верзилы. Не было и невесты с женихом. Я встал. Возле «Космоса» кто-то яростно ругался, раздавались крики, угрозы. Я прислушался. Бушевал Гуджи.

— Но как же они так ушли, что я ничего не услышала? — повторяла женщина в темном платке.

— А что случилось? — спросил я у молодайки в красном.

— Этот однорукий похитил чужую невесту.

— Не похитил, сама с ним ушла, — поправила ее женщина в темном.

Разъяренный жених направился к нам. Я поспешно зарядил ружье. Не знаю, кому я собирался помо-

гать, но был готов по первому же зову вскочить на коня и куда-то мчаться.

Жених вошел под навес. Бледный, со сверкающими глазами, он был страшен. Ах ты, бедняга, ну, теперь держись, — пожалел я однорукого верзилу. Я весь трепетал в ожидании боевого клича. Но жених вдруг беспомощно огляделся и, уже смирившись с судьбой, ругнулся: ну и черт с ней, уехала и уехала. И еще раз беспомощно огляделся.

— Вот так дела, — подумал я и бросил ружье на валявшийся в углу рюкзак.

Перевод Наны ДВОРАКОВСКОЙ

ДВА ЭТЮДА

ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ

Встал я на рассвете. Рядом в кроватках спали мои малыutki. Я тихо оделся и на цыпочках вышел из комнаты. Из дома — во двор. В коровнике шумно топтались коровы — ждали хозяйку...

На востоке в лучах желто-оранжевого света атели редкие тучки. Со всех сторон слышалась трескотня кузнечиков и неведомых мне существ. В глубине сада запел скворец, а где-то совсем рядом допевал свою песню соловей. В курятнике стучали лапами и сердито кудахтали куры, ссорились от скуки в ожидании, пока их выпустят во двор. Я открыл дверцу. Первым вышел глава семейства. Вышел гордо, чинно, что-то приговаривая басом. Встал на крыльцо, огляделся, взмахнул крыльями и удивительно звонко и мелодично запел. Потом слетел с крыльца и, опустив крылья, остановился перед курятником. Куры одна за другой высывали головы, наконец коричневая, самая смелая, слетела вниз. Петух погнался за ней, но на полдороге остановился и вернулся назад. К тому времени из курятника вышли еще две курочки. Петух то за одной погонится, то за другой, но так, лишь для порядка, а сам все одним глазом посматривает на курятник, не появилась ли, наконец, милая сердцу белая хохлатка.

Я взял мотыгу и спустился в сад.

Помню, отец говорил нам, идите в сад, даже если там вроде бы и нечего делать, все равно идите. Погладите ладонью теплые стволы, вдохните аромат цветов и листьев, улыбнитесь, запойте... И прилягте под деревом, взгляните вверх и пошлите благодарность небу и кормилице-земле, воздуху и воде, дереву и траве. Природа чувствует близость человека... Да, да, это так. И не улыбайтесь...

Сорняков много. Я резко и часто взмахиваю мотыгой... Трудно работать в цитрусовом саду, до самой земли опускаются ветви — не позволяют подойти близко. Почти на четвереньках работаешь. Такое настроение овладевает тобою, что хочется поскорее закончить работу и освободиться...

И вдруг, словно во сне, слышу тихий, но строгий голос:

— Ты что это делаешь?

Оглядываюсь. У забора стоит Хусико.

— Как видишь, работаю. Может быть, сначала поздороваешься?

— И это называется работой?! — насмешливо говорит он.

— Ты что, ругаться с утра пришел?

Раздвинув колючую изгородь, он с трудом пролез — мешал внушительный живот. Удивительно, работает не покладая рук, а такой грузный и полный...

— Дай-ка мне мотыгу!

— Пожалуйста, — сказал я. А сам сел на траву.

— Сельские, как только в город переедут, сразу забывают, что такое настоящая работа! Напомню тебе, как это делается!

Он неторопливо засучил рукава, посмотрел вокруг, поцеловал лист мандарина и тихо произнес:

— Спасибо тебе за щедрость!

Размашисто, сноровисто работал Хусико, не бил, как я, мотыгой, а плавно скользил ею по земле.

И вдруг случилось чудо: запела мотыга. Удивительно мелодично запела. Потом и земля запела. И листья. И ветерок. И облака в небе... Я, словно зачарованный, слушал эту песню. Когда это было?...

...Хороший парень был Хусико. Щедрой души че-

ловек. Больше всего на свете детей любил. На все руки мастер был. Все он умел, все. А лазать по деревьям не умел. С самого детства не умел. Может, потому, что с рождения был полным?

Однажды его малыш протянул руки вверх, к спелым плодам на высокой, почти высохшей груше и так умоляюще посмотрел на отца, что он, словно зачарованный, полез на дерево. Высоко успел он залезть и уже взял рукой спелую грушу...

Иногда, ранним утром, работая в саду, слышу я ту далекую песню и сквозь влажные ресницы вижу мускулистую спину, засученные рукава, сильные руки на древке и плавно скользящую в траве мотыгу...

И еще отчетливее и мелодичнее становится песня... Но обрывает ее тяжелый хруст старой груши...

ИВАНА

Благоевград один из своеобразных городов в Болгарии. Расположен он в широком ущелье, кругом леса и горы. В городе деревьев не обрезают. растут они вольно и свободно. Высоких зданий не много, и зелень — словно шапка на городе. Декоративных растений мало. На тротуарах, в парках и скверах растет бук, клен, липа, различные ели, а кое-где и величественный дуб.

Рано утром и поздно вечером бродил я по улицам. Раза два и в лес забрел. Днем не было возможности. Дела. Мероприятия. Был и в других городах. Но лес помню. Как вспомню, сразу музыка звучит во мне. Не потому, что там я встретил Ивану. Хотя кто знает...

Быстрица — небольшая горная река. Шумная. Строптивая. Бывает, взбесится — лучше не подходи.

Иду вдоль по берегу. Тропа узкая, извилистая. С указателями. Видно, туристическая. Не люблю я по избитым тропам ходить. С детства не люблю. Сворачиваю. Прыгаю по камням. Некоторые, ого-го! Не камни, а горы. А река спешит. Очень спешит. Словно

боится опоздать. Не зря назвали Быстрицей. Вдруг вижу, на одной из скал девушка стоит. На фоне утреннего ярко-оранжевого неба и далекой бледно-голубой горы. Словно в волшебных лучах купается. На ней платье цвета лесной ромашки. Тонкое.

«Мерещится?!»

Обеими руками прикрываю глаза, потом медленно раздвигаю пальцы.

— Здравствуйте! — говорит она мне по-русски.

— Здравствуйте! Откуда вы знаете, что я...

— Знаю. Вы из Грузии.

— Как вас зовут?

— Ивана. Вас?

Отвечаю.

— Трудно произносить. А вот у меня очень простое имя, да?

— И популярное. У нас только мужчины...

— Знаю. Сокращенно — Ваня.

— Нет. Ваню. В Грузии — Ваню.

— Неплохо звучит. Ва-но! — Потом, разводя руками и вскидывая голову, жадно вдыхает воздух. — Хорошо здесь! Правда, хорошо?!

— Оч-чень!.. Откуда вы знаете, что я из Грузии?

— Из вчерашней газеты. Там и портрет ваш напечатан. Сразу узнала вас. Как только показались.

От удовольствия сияю.

— Вы там симпатичнее. Видно, фотограф потрудился...

Пожимаю плечами.

— Обиделись?

— Немножко. Может, вы приземлитесь?

— С детства люблю по камням прыгать. Родилась я в семье пастухов и самое первое, что увидела, были овцы и скалы, — и, сказав это, девушка, словно фея, перелетела на другую глыбу. Это произошло так мгновенно, что, когда я крикнул «что вы делаете!», она уже стояла на выступе. «Надо было мне с ней встретиться!..»

— Испугались? — смеется.

— Да. Очень. Прошу вас, больше не...

— Не буду! — и она снова летит, но на этот раз

вниз. На меньший валун. Еще прыжок, еще... еще... и она передо мной. Протягивает мне руку.

— Ивана.

Я повторяю свое имя.

— Уже не забуду! — обещает она.

Писаной красавицей ее, конечно, не назовешь... Волосы каштановые. Густые. Челка на лбу. Глаза черные, как ночь. Под сенью длинных ресниц. Нет, не красавица, но мила. Очень мила, стройна и женственна. Чувствую, учащается пульс у меня...

Она смотрит на часы.

— Ой, спешу!.. Работа!.. Прощайте!.. — и летит. Снова летит. Вдруг останавливается. Полуобернувшись, машет мне рукой. «Какая улыбка!..» Она уже на берегу. Еще мгновение — и исчезает в лесу. С зеленой чащей сливается.

Я стою в растерянности.

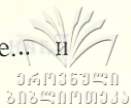
«Что это было?!». Я осмотрелся. Все по-прежнему красиво. Очень красиво, но... чего-то недостает! Очень недостает!..

Медленно побрел я по тропе.

На следующий день, на рассвете, я покинул город. А вскоре и Болгарию.

...Однажды пришла телеграмма. С каким-то праздником поздравляла меня Ивана. Я ответил. Потом наступило молчание, довольно долгое. Несколько месяцев назад я получил письмо. С фотокарточкой. Рядом с ней высокий черноусый парень. В больших сильных руках с неуклюжей нежностью держит самую дорогую на свете ношу — младенца. На лицах молодых родителей — счастливая улыбка. И мне показалось, будто сама Болгария улыбается.

Перевод автора

Что такое душа

Что такое душа? Отработанный пар,
Или гулких и вечных скрижалей щиты,
Или, может, она — королевство Непал
В поднебесном сиянье своей нищеты?

Что такое душа? На могиле свеча,
Поминальных обрядов церковный распев
Или в дымных развалинах святость врача,
Что спасает больного, себя — не успев?

Что такое душа? Налетающий смерч,
Или бабочки-однодневки любовь?
...Лишь бы только не меч, не карающий меч
В обагренных руках разъяренных рабов!

Как реки в море...

И вот под старость, долгий путь проделав,
Как реки в море, мы впадаем в детство.
Потом уходим из родных пределов —
Банкроты, промотавшие наследство.

Наш новый круг замкнулся старым горем,
Перетекая от истоков к устью,
Чтоб воспарить над миром и над морем
Небесной добротой, библейской грустью:

Ах, как восходят в небо наши души —
Легучим паром, журавлиным клином,
Чтоб обратиться в дождь, в горах идущий,
Сбежать вприпрыжку к жаждущим долинам!

Уже не отличая цель от средства,
Как реки в море, мы впадаем в детство...

Агасфер

Обмелела душа. На ее перекатах
Всех святителей флот пропадет ни за грош.
Оскудела душа. На ее баррикадах
Захлебнулся свободой последний Гаврош.

В этом мире лукавых неравенств и тождеств,
Побираясь с сумою, стихами соря,
Я ничтожнее всех забубенных ничтожеств,
Мне — на свалку Вселенной, в утиль Вторсырья,

Я не верю Христу и не верю спасенью,
Я не зван и не избран на жизненный пир —
То ли брак заводской, подлежащий списанию,
То ли рухлядь чердачная в стиле ампир,

Я — ничейный старик, я никчемный, бездомный
Агасфер без прописки с улыбкой кривой,
Я бреду, и ночной планетарий бездомный
Полыхает над бедной моей головой...

Игрок

Прикупаю и сдачу в бумажник трясущийся прячу,
Но конец игрока для меня предрешен и постыл,
Потому что я сед, потому что свой шанс на удачу
Неизвестно когда и неведомо как упустил.

Выхожу из игры, задыхаясь от гула и давки,
За колонны хватаюсь, чтоб на пол без чувств не
упасть,

Выхожу из игры, потому что завышены ставки,
Подтасованы карты и краплена каждая масть,

Выхожу из игры потому, что, обрюзгший и дряблый,
Над зеленым сукном на ходу засыпает крупье,
И в зеркальных простенках вот-вот догорят

канделябры,

И рассвет за окном проступает в морозной крупье...

Везли собак в железной клетке,
Влекли сквозь строй нагих берез,
В кабине почек запах клейкий
Мешался с дымом папирос.

Кипел мотор, подъем все круче,
На газе тяжесть сапога,
А перед тем вонзались крючья
В собачьи тощие бока,

А перед тем силки и петли
Вязала живодеров рать,
Им все едино — пить ли, пить ли,
Им шкуру, главное, содрать!

Везли собак в железной клетке
Весенним утром на убой,
Сквозь солнце сеял дождик редкий
На них из глуби голубой,

Они не выли, не рычали,
Не двигались, влачась вперед, —
Они судьбе себя вручали,
Собаки уличных пород,

И головы клоня все ниже,
Казалось, вглядывались псы
В экологические ниши
Без драк, любви и колбасы...

Должно быть, существует четкий,
Рожденный тщанием властей,
Детальный план переработки
Их мяса, шерсти и костей,

Но никакой на свете сметой
Предусмотреть нельзя, нельзя
Налитые тоскою смертной
Собачьи мудрые глаза...

Прогресс, нажми на тормоза!

Разве мало?

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКИЙ ПЕЧАТ

Что имели в сей жизни краткой,
Что оставили на Земле,
Кроме холмика за оградкой,
Кроме пепла стихов в золе?

Что оставили, что имели,
Что сумели забрать с собой,
Пусть оценит эксперт умелый
Там, в безбрежности голубой:

Чувство локтя и чувство меры
В отрицании полумер,
И высоких чудес премьеры,
И земных ошибок пример,

Жизни праздничную непраздность,
Обретенных надежд причал,
Соразмерность и сообразность
И гармонию всех начал,

И улыбку любви украдкой,
И звезду в предрассветной мгле —
Разве мало в сей жизни краткой
Мы оставили на Земле?

Тамаз ВАСАДЗЕ

РАЗРУШЕНИЕ ЛЖИВОГО МИФА

Известно, что при диктатуре правда, как правило, молчит. Зато ложь кричит во весь голос, заглушая все, оглушая всех. Тем более ценно, — и мы не должны забывать об этом, — что в грузинской литературе вопреки всему, даже тогда, когда это было практически невозможно, создавались отдельные произведения, проникнутые ненавистью к тирании, любовью к свободе, непримиримостью к социальному злу и несправедливости.

Одно из таких произведений — повесть Нико Лордкипанидзе «Непреклонные», являющаяся в определенном смысле итогом творческих исканий писателя, его завещанием нам. В ней он выразил свое отношение ко времени, в котором жил. Не имея, разумеется, возможности сделать это открыто и прямо, он обращается к «опосредованному» способу отображения действительности — под его пером известная грузинская легенда о Сурамской крепости обретает новую сюжетную и эмоционально-смысловую структуру, созвучную времени, в которое она создавалась — 1938-1944 годы. В повести присутствуют все реалии современности — репрессивность власти, бесправие и нищета народа, война... Такой подход к материалу заставил Нико Лордкипанидзе отойти от существующей в нашей литературе традиции (имеется в виду повесть Д. Чонкадзе «Сурамская крепость»), о чем свидетельствует в первую очередь отказ от географической конкретности — Сурами в повести вовсе не упоминается. Это было продиктовано

основной задачей, которую писатель ставил перед собой, — придать своему произведению символическое звучание, создать не просто повесть, но притчу.

Отмежевание от литературной традиции в «Непреклонных» декларировано — рассказчик, народный сказитель Иванэ отвергает «книжную» версию легенды и заявляет, что на самом деле все было иначе, а именно так, как рассказывает он. И Иванэ имеет на это право, так как, по существу, он прожил свой век в мире, схожем с тем, который изображен в легенде. В истории жизни рассказчика и его жены, девочкой купленной бедным дворянином за две лепешки, как в капле воды, отразился характер этой действительности — с человеком все может случиться, жизнь его предельно обесценена, судьбой его правит слепой случай, безнравственность стала нормой.

Нико Лордкипанидзе сдержанно, а порой и с юмором, рассказывает историю своих героев, которая завершается вполне благополучно — опять-таки по воле случая. Рассказ этот написан в духе бытового реализма и представляет собой первую часть повести, ее экспозицию. Вторая, основная часть — сама легенда. Однако происходящие в ней события разворачиваются, по сути дела, на фоне той же действительности, что представлена в экспозиции. Вот почему образ сказителя Иванэ у Нико Лордкипанидзе не просто выполняет композиционную функцию — ему хорошо известен мир, в котором родилась рассказываемая им легенда, и, в силу этого, в его устах она приобретает цену свидетельства очевидца. И, что главное, рассказчик — носитель мудрости народа, выразитель его чаяний. Несмотря на трагический опыт эпохи, Нико Лордкипанидзе верит, что мысль и нравственное чувство народа не могут полностью притупиться, что он, подобно его герою — сказителю Иванэ, сохраняет способность правильно воспринимать и оценивать действительность. Именно поэтому вокруг образа рассказчика прочерчиваются контуры концепции всего произведения, которые по мере развития сюжета постепенно заполняются.

Автор просит у читателя прощение за то, что позволил себе переработать рассказ Иванэ. И речь тут идет не только о форме. Дело в том, что Нико Лордкипанидзе вводит в повествование еще одно действующее лицо — молодого архитектора Эдишера. Эдишер — человек просвещенный, мыслящий, то есть, в сегодняшнем нашем понимании интеллигент.

Именно этот персонаж, более близкий и понятный писателю, позволил ему как бы соприкоснуться с изображаемой им действительностью, дал возможность осмыслить ее, исходя непосредственно из собственного духовного опыта и мироощущения.

Эдишер получил образование за границей и вернулся на родину с надеждой использовать приобретенные знания ей во благо (схема биографий многих молодых грузин начала нынешнего века, в том числе самого Нико Лордкипанидзе). Много дома удивляет и пугает молодого человека. Согласно правилу, принятому при дворе за время его отсутствия, он обязан по приезде в первую очередь явиться к царю.

«Эдишер подошел к царскому дворцу, остановился и долго его разглядывал.

Какой огромный, топорный, — думал юноша. — Он давит своей тяжестью и совсем не похож на наши строения — светлые, легкие, гармонично согласованные с природой. Камня потрачено больше, чем нужно, но какой от этого толк! Очевидно, по замыслу зодчего здание должно в первую очередь впечатлять своим величием. Но где оно, это величие, где душа творца?»

(А нам разве не знакома эта топорная, помпезная архитектура в стиле так называемого «классицизма»?)

Еще больше встревожило и опечалило Эдишера то, с чем он столкнулся внутри мрачного дворца — атмосфера страха, раболепная покорность царю, подобострастие, лицемерие, невежество... Зодчему по приказу правителя отрубили руку и ногу за то, что крепость, строительство которой поручено ему, вот уже во второй раз обрушивается, а он упорно отказывается замуровать в ее основание живого юношу, что, якобы, укрепит ее. Мотив наказания зодчего вызывает ассоциацию с романом К. Гамсахурдиа «Десница великого мастера», проникнутым критикой тирании, хотя и не столь радикальной, как в «Непреклонных».

Истерзанный физически и морально зодчий приходит к мысли, что страна, которой правит деспот, не может быть полноценным отечеством для уважающего себя человека, ему лучше покинуть ее пределы. На вопрос царя о том, что мешает ему достроить крепость, он бросает ему прямо в лицо:

«Вы! Ваша крепость ненавистна всем, всему народу. Все думают, — не врага, нас самих вы удушите в ее стенах!»

Подлинная причина слабости страны — ненависть наро-

да к власти, недоверие к ней. Усиление тирана пугает народ, так как он видит в этом усиление гнета.

Такое настроение народа — одна из основных тем повести. Вот как рассказывает аробщик своим сотоварищам о конфликте между зодчим и царем:

«...Он возьми да выложи царю всю правду!.. Ничего не утаил. Народ, говорит, все может, все одолеет, только нет у него веры в тебя... И еще он сказал: народ никак не решит, кто из двоих хуже — ты ли, свой, домашний мучитель, или пришлый враг, что налетит и опять скроется... Не будь этого, сказал он, нашлись бы и строители, и люди, готовые пожертвовать собой во имя отечества... И царь бросил его в темницу. А там вода по щиколотку, змеи, крысы... К тому же он ослеп. Но не удалось царю сломить его, заставить замуровать в фундамент живого человека...»

Или вот еще такой диалог: «А сколько их у нас — вдов и сирот! У одних кормильцев в плен увели, другие убиты, а немало и в темнице гниет... — И не говори! Свои же их и мучают! Это самое ужасное. И не разберешь, кто страшнее — свой супостат или пришлый. Какая разница, волк сожрет тебя или озверевший домашний пес!»

Для народа власть — внутренний враг, не менее страшный, чем враг внешний. И действительно, нет существенной разницы между страной, подавленной деспотией, и страной, захваченной иноземцами. Неудивительно, что «наемники и пригнанные» строят крепость «без души», с прохладцей, — это не их кровное дело. Народ же понимает, что плоды его труда будут присвоены ненавистным правителем, усилят его власть, и он станет еще безжалостнее к своим подданным. Вот почему обрушиваются стены крепости.

Иначе рассуждает царь — причину невзгод, обрушившихся на страну, он видит в излишнем мягкосердечии царящих в ней порядков. «...Потому-то эту страну и разоряет кто ни явится...» Единственный путь, по его мнению, в ужесточении власти, возведении зла в ранг закона. В полном согласии с этой идеей и вера царя в то, что, только замуровав в фундамент крепости живого человека, можно обеспечить ее несокрушимость.

В легенде о Сурамской крепости Нико Лордкипанидзе увидел весьма актуальную символику — здание государства возводится на фундаменте, пропитанном человеческой кровью.

Примечательно, что подобный же образ, олицетворяющий сущность эпохи, находим мы и в «Котловане» Платонова.

К сожалению, ныне некоторые художники воспринимают легенду о замурованном юноше как плод восточной экзотики. Впрочем жестокость, лежащая в ее основе, действительно, «восточная». Она ни в коей мере не свойственна психологии грузинского народа, и «Непреклонные» — подтверждение тому.

«Подобная жестокость противоречит характеру грузина, его обычаям», — пытается убедить царя Эдишер, которому тот поручает достроить крепость.

Но царь не видит в этом ничего страшного. Он омульманился, отрекся от нравственных устоев своего народа, превратился в восточного деспота. Потому-то подданные и ненавидят его. Эта мотивировка Нико Лордкипанидзе опирается на исторические реалии — на протяжении веков грузины оказывали упорное сопротивление агрессии мусульманского мира, шли на неисчислимые жертвы, чтобы избежать ненавистного, чуждого для них государственного строя — восточной деспотии.

Не случайно в повести адептом идеи человеческого жертвоприношения с целью укрепления стен крепости является лезгин — бывший мусульманин. Он человек честный, даже благородный, однако происхождение и прежние верования, живущие в глубине его души, заставляют его искренне верить, что добро может быть достигнуто с помощью жестокости.

Нико Лордкипанидзе пристально вглядывается в душу своего народа, пытаясь понять, есть ли в ней нечто, что способно питать бесчеловечный замысел царя.

Эдишер наблюдает за религиозным праздником, и его удивляет тот факт, «что все эти люди, пришедшие как будто на богомолье, отнюдь не молятся об отпущении своих грехов, а взывают к Господу о мире, о счастье, об избавлении от нужд и бед; не было тут ни бьющих себя в грудь кающихся, каких он видел в Москве, ни аскетов, отказавшихся от радостей земной жизни, каких встречал он в Италии, не было слышно среди богомольцев и споров о вере. Даже старухи, и те только на минуту останавливались перед дверями церкви, чтобы зажечь свечку, а затем спешили прочь, чтобы рассказать о своих делах знакомым, с которыми давно не виделись и в ответ услышать от них, что нового в их жизни».

Если верить этому наблюдению, а не верить ему у нас нет

никаких оснований, религиозное чувство грузинского народа свободно от фанатизма, исступления, самобичевания (которое легко может превратиться в бичевание другого), грузины не прельщаются отвлеченными идеями, он не стремится оторваться от земли. Разумеется, касаясь психологии народа, писатель имеет в виду наиболее типичное для его коллективного сознания, а не частные проявления. Главное для него — что и чему предпочитает большинство нации, что и как оценивает, чего можно ожидать от нее в большей степени, а чего — в меньшей. Очевидно, что народ, религиозное чувство которого чуждо фанатизма, не может одобрить и осуществить кровавое человеческое жертвоприношение. Отметим, что особенности религиозного сознания народа в значительной мере определяют в дальнейшем его отношение к тем или иным идеологиям и государственным структурам.

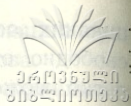
Интерес Нико Лордкипанидзе к теме «народ и религия» нашел свое выражение не только в «Непреклонных». Человечность и веротерпимость грузин отражены и в согретом теплым юмором рассказе «Епископ на охоте».

Выражение духовного склада грузинского народа писатель видит и в том, каковы храмы, в которых он молится.

«...Удивительно выбрано место для храма, точно он сросся с горой, на которой высится. Он такой же легкий, такой же радостный и простой... Его строителями руководило не стремление искупить свои грехи, не страх, а любовь к природе, преклонение перед ее красотой. Он не стремится улететь в небо, не боится яркого света и свежего воздуха; он наслаждается блеском солнца, сиянием луны, зеленью лесов, благоуханием цветов и зрелищем далекого моря».

Эта скромная церковь на горе — плод человеческого и жизнеутверждающего мироощущения. Народу, который возвел ее, чужды страх перед неведомым, чувство самоунижения, ужас перед неизбежностью расплаты за свои грехи и стремление любыми средствами искупить их.

Описанный в повести религиозный праздник больше похож на народное гуляние. Кажется, никто и не помнит о Боге и о Святом Георгии, которому он посвящен, народ веселится, с увлечением наблюдает за «цирковым представлением», потешается над сильными мира сего (хотя и не безнаказанно). Но вот заводит свою песню «мествире» — и мы слышим в ней голос души народа, верного самым высоким заветам христианства — милосердию, готовности помочь страждущему:

«Мир не согреешь,
Мир не оденешь,
Мир не накормишь,
Но не отпускай голодного,
Не подавай куска,
Не оставляй нагого,
Хоть рукой прикрой,
Не покидай замерзшего,
Не отогрев его...

Помимо благородства и чуткости здесь особо примечательно и понимание того, что невозможно облагодетельствовать всех. Да, но каждый должен сотворить добро, которое ему под силу. Как отличается такой взгляд на вещи от бесплодного максимализма, ставящего своей целью осчастливить все человечество и не замечающего страдания отдельного человека!

Народ, исповедующий такие идеалы, не может быть нетерпимым к представителям других народов и вероисповеданий. Именно эта терпимость грузин превратила в их верного друга старого лезгина, который прежде совершал набеги на Грузию. Примечательна его история. Однажды он с четырьмя сыновьями попытался захватить в плен молодого крестьянина, чтобы затем продать его в рабство. «Однако тот одержал над ними верх — юноши были убиты, отец тяжело ранен. Победитель не стал его добивать, не бросил он его и на произвол судьбы, а помог ему, поняв чужое горе, горе врага, и похоронил его сыновей...»

Даже детали, кажущиеся на первый взгляд незначительными, «работают» в повести на главную ее идею. Например: на том же празднике народ со страхом следит за пляской канатоходца — со страхом, потому что устал от войны, от горя и боится стать свидетелем бессмысленной гибели еще одного человека.

Нико Лордкипанидзе отнюдь нельзя упрекнуть в одностороннем показе грузинской действительности, в стремлении завуалировать ее отрицательные моменты. Что же касается «Непреклонных», в этом произведении внимание писателя направлено не на конкретные эмпирические явления, а на традиционное мировоззрение народа, на его духовную сущность. И он не обнаруживает здесь почвы для зла, возведенного в культ, которому приписывается «полезность». Оно не свой-

ственно соотечественникам Нико Лордкипанидзе, хотя он их рисует отнюдь не ангелами. «Убить врага в бою, или сгоряча разделаться с обидчиком — это другое дело. Можно тайно всадить в него кинжал или подсыпать ему яд — с этим Эдишер был готов примириться, но замуровать живого человека... Перед глазами Эдишера все время стояла страшная картина — как он борется за свою жизнь — зубами, ногтями, как ожесточившиеся каменщики держат его, торопливо замуровывают стену... Тут же рядом бьющаяся в отчаянии мать, сестра, жена, дети...»

Эдишер хочет избавиться от порученного ему тираном дела, он мечтает укрыться, как его отец, в своем имении и обеспечить жизнь хотя бы своим крестьянам. Но затем он начинает понимать, что таким образом ничем не поможет своей многострадальной родине, созданный им оазис добра все равно поглотит окружающее его море зла. Нет, он должен активно вмешаться в жизнь страны, но как?

Неожиданно выясняется, что приближенные царя исказили сказанное старым лезгином, что древний ритуал, о котором шла речь, предполагает не насильственное замуровывание, а замуровывание человека, добровольно согласившегося на это — то есть самопожертвование.

И это ужасает Эдишера, но он все-таки соглашается на совершение ритуала. «А если он сам желает этого — умереть? На день раньше по собственной воле, или на два дня позже по закону природы...» — успокаивает его старый лезгин. И еще — Эдишер и сам знает, что самопожертвователю народ платит памятью и благодарностью в веках.

В народе существует легенда. Герой ее в одиночку крушит скалы, собирает обломки в одном месте — возводит гору, с которой его народ мог бы заблаговременно заметить приближение врага и укрыться в крепости. Но проходит время и на народ обрушивается беда более страшная, чем нашествие внешних врагов — тирания. В легенде тиран представлен в образе царя-монстра, который питается мозгом младенцев. Он живет в крепости на горе, возведенной некогда самоотверженным трудом героя. Здесь еще раз подчеркивается мысль: тирания всегда использует плоды трудов народных для укрепления своего могущества, которое и обращает против того же народа.

«Во дворец каждый день приносили детей, но никто не видел, чтобы они выходили оттуда. Никто не знал, что про-

исходит во дворце, но возникшие слухи ужасали народ. Страшнее всего было то, что всякому, кто попадал во дворец, грозили суровой карой, пытками и адом, — смотри-де не проговорись о том, что довелось тебе видеть! И возвращались люди из дворца немые, с опущенными головами, оглушенные и оцепеневшие от того, что видели и слышали. Исчезли в царстве смех и улыбка, глаза у людей были всегда полны слез, и даже у подростков в углах губ пролегли горькие морщины. Люди перестали петь, птицы умолкли в лесу. Воздух стал тяжелым, казалось, еще немного, и его нужно будет прорывать руками; и появились вестники горя — птицы-химеры устрашающего вида, никогда прежде невиданные, никому неведомые. И когда все потеряли надежду, смирились с судьбой и, подобно теням, сами чередой двинулись к кладбищу, появился некий юноша».

Сколько реализма в этой сказочной фантазмагории, какой отчетливый отпечаток жестокой эпохи несет она на себе!

Хотя люди и понимают, что смерти им так или иначе не избежать, никто из них не осмеливается восстать против тирана. И вот появляется герой, готовый пожертвовать собой, появляется и мать, готовая пожертвовать своим сыном во имя свободы (невольно возникает ассоциация с «Драконом» Шварца).

Тиран повержен, дворец царя-монстра разрушен. Но на развалинах этого дворца новый царь собирается реставрировать тиранию опять же ценою самоотверженности народа, хотя и пытается ввести его в заблуждение, уверяя, что делает все для его блага, для безопасности страны...

Нелегко Эдишеру и старому лезгину найти юношу, который добровольно согласится дать замуровать себя в фундамент крепости, тем более, что нужно соблюсти еще одно условие — он должен быть бедняком, обладателем одной-единственной рубахи. А у таких людей, по их мнению, нет чувства долга перед страной и властью. На самопожертвование, считают они, способны лишь люди возвышенные. Тем не менее, в конце концов они находят такого человека. Образ Зураба, как это свойственно Нико Лордкипанидзе, очерчен эскизно, однако это не мешает писателю зафиксировать психологические предпосылки его готовности к подвигу — это пример покойного отца, отдавшего жизнь за свободу, и одиночество, которое он заполняет горестными размышлениями о бедах родины.

16 0359 20
310-3110333

В самопожертвовании Зураба нет и тени фанатизма, его решение полностью осознано. Он лишь высказывает сомнение: принесет ли крепость избавление стране? Поможет ли задуманное жертвоприношение действительно достроить эту крепость? Отвечая на эти вопросы, старый лезгин опирается на анонимный авторитет веры народа, его опыт и традиции. Ранее он пользуется теми же аргументами и в споре с Эдишером. Как мы уже говорили, он искренне убежден в своей правоте, однако это не исключает того, что он невольно помогает власти, содействует осуществлению ее излюбленного приема — прикрыть очередное злодеяние именем народа.

И еще одно сомнение гложет Зураба: «А что, если царь заточит в эту крепость таких же бедняков, как мы... Если у него в руках будет крепость, не усилится ли его власть, не станет ли он еще бессердечнее угнетать нас?» Мать же Зураба только восклицает в недоумении: «Для чего нам эта проклятая крепость, если нас в нее замуровывают?!»

Окончательно убеждает Зураба в правильности принимаемого им решения такой аргумент старика — надежно защищенная от вторжения извне страна может обуздать и своего правителя.

Первая реакция народа на решение Зураба — потрясение, в его представлении оно выходит за рамки здравого смысла, однако затем оно сменилось восторгом и воодушевлением. Все с энтузиазмом и воодушевлением бросаются строить крепость. Народ платит своему герою любовью и преклонением, и он, разумеется, прав.

Энтузиазм, однако, длится лишь до тех пор, пока не наступает пора совершить сам ритуал — замуровать Зураба в стену. Жестокость отрезвляет людей, возвращает им способность здраво мыслить.

«Да есть ли Бог? Если есть, почему так безучастно взирает на это? Почему не обрушит на нас огненный дождь и потоки смолы?», «Не хотела бы я ни такой крепости, ни такого престола», «Пусть бы меня лучше увели в плен, чем смотреть на такое».

В голосе народа — разум и доброта. Такое жертвоприношение — великий грех, и нет ничего в мире, что могло бы оправдать его (аналогичная идея заложена и в основу литературной сказки Кита Мегрелидзе, также написанной по мотивам легенды о Сурамской крепости и опубликованной совсем недавно; «Непреклонные» и эта сказка создавались почти од-

повременно). Однако народ, не одобряя происходящего, продолжает сохранять пассивность — до тех пор, пока в дело не вмешивается старый зодчий: «Замуровываете того, кто жертвует собой ради вас?! Не в этом вовсе смысл древнего предания — его идея в том, чтобы проверить, есть ли в стране человек, способный к самопожертвованию, а кому нужно действительно замуровывать его? Сам народ предал забвению этот ритуал как проявление дикости, а вы теперь хотите возродить его?! Разве вы не убедились, что есть еще среди нас люди, способные на самопожертвование во имя народа!»

В древнем предании истинна только ее внутренняя, метафорическая идея самоотречения во имя родины, народа. Буквальное же понимание его, и тем более, реализация символизирует отказ от всего тысячелетиями накопленного культурного опыта. Так со временем менялся, облагораживался смысл предания. Интересна здесь параллель с христианским храмом: «Ведь церковь, в первую очередь, состоит из алтаря. Трапеза же внутри алтаря, — это ведь плита, на которую клали и подвергали закланию жертву. Похоже, христиане нашли здесь готовое капище, разрушили его и на старом фундаменте возвели новую церковь, так объединили они старое и новое».

Тут же отмечается, что христианство упразднило кровавые жертвоприношения. Это коренным образом изменило и возвысило саму идею жертвоприношения вообще: Богу отдавали не что-то или кого-то, а, как Христос, — собственную душу, собственную жизнь. Учение Христа внедряло в сознание грузинского народа идеал самопожертвования взамен жертвоприношения. Те, кто отдавали жизнь за свой народ, за отечество, были сильны духом, воспитанным в них христианством, и в этом смысле христианство спасло Грузию.

На отказ от принесения в жертву человека и зарождение нового идеала жертвоприношения указывает уже легенда об Аврааме, от которого Бог потребовал в жертву сына, однако совершение ритуала оказалось ненужным — достаточно было того, что Авраам внутренне готов к нему.

Ту же метаморфозу претерпевает в «Непреклонных» и легенда о замурованном юноше.

Ритуал замуровывания живого человека в стены здания существовал во многих странах мира, предположительно и у нас (мысль эта высказана в фольклористике). Дж. Фрезер в своем труде «Золотая ветвь» описывает сохранившийся еще

в XIX веке в Греции и Трансильвании обычай — захоронение в фундаменте птицы или животных, или «замурования в тени» человека. Очевидно, это — пережитки магического ритуала человеческого жертвоприношения, который «был расчитан» на то, что душа жертвы будет защищать строение от врагов. Можно предположить также, что более поздний обычай задабривать так называемую «матерь места» имел в виду ту же цель.

Тирания в повести Нико Лордкипанидзе делает все для того, чтобы высокая идея самопожертвования выродилась в человеческое жертвоприношение — антихристианское, варварское («живых хоронят эти безбожники», — ужасается народ). Таким образом высочайший духовный идеал самопожертвования она делает объектом бессовестных манипуляций.

Страну спасает все-таки самопожертвование, но, конечно же, не так, как замыслили царь и его сатрапы, — поступок Зураба пробуждает в народе отвагу, заставляет забыть страх, подвигает его на решительные действия. Зураб спасен, тирания повержена.

Концепция повести Нико Лордкипанидзе «Непреклонные» глубоко демократична: страна не может быть спасена без простых людей, без активности «низших слоев». Именно в народе та нравственная почва, которая порождает героев-самопожертвователей.

Похоже, пронизывающие повесть подлинный демократизм и абсолютно искренняя вера в великие возможности народа в свое время обманули бдительность «друзей народа», столь ретиво разыскивающих «врагов народа». Примечательно, что самопожертвование Зураба обретает истинный смысл и действительно служит добру только благодаря вмешательству архитектора, столь же самоотверженно преданного народу, принявшего за него великие страдания. Таким образом, по мысли Нико Лордкипанидзе, освобождение от тирании возможно лишь через нравственное единение народа и интеллигенции.

Следуя традициям христианской, в своей основе грузинской литературы, Нико Лордкипанидзе видит в самопожертвовании высшее проявление нравственности человека. Однако самопожертвование имеет смысл только тогда, когда оно служит свободе, а не тирании. «Непреклонные» — апология са-

мопожертвования во имя утверждения свободы и низвержения тирании, апология силы народа, борющегося за свою свободу.

На материале древней легенды Нико Лордкипанидзе показал современную ему действительность как регресс цивилизации, как возврат к варварству, как мир, в котором над жизнью довлеет лживый миф о созидательной, общественно-полезной силе зла, и писатель разрушает этот миф.

Сегодня наше отношение к «Непреклонным» определяют не только оригинальность замысла автора и острота его мысли, но и боль и протест, сквозящие в, казалось бы, отвлеченном, скупом повествовании, и — писательская совесть, не допускавшая измены истине ни при каких обстоятельствах.

Тысячи образцов культуры и искусства, созданные в течение тысячелетий, являются богатейшим наследием человечества. Они передаются из поколения в поколение, обогащая и развивая культуру каждого народа. В наше время, когда наука и техника достигли небывалых высот, искусство продолжает оставаться одним из важнейших способов человеческого общения. Оно отражает жизнь, мысли и чувства людей, помогает им лучше понять себя и окружающий мир. Искусство — это не просто развлечение, это способ познания истины и утверждения человеческого достоинства. Оно должно быть свободным и независимым, не подчиняясь никаким чуждым интересам. Только так оно сможет выполнять свою истинную функцию — служить людям и способствовать их духовному развитию.

Где вы, герои нашего времени?

Изучение проблемы героического характера в грузинской литературе имеет сегодня принципиальное значение, поскольку позволяет глубже осмыслить важные закономерности ее развития. Литература всегда играла важнейшую роль в формировании национального самосознания грузинского народа, на протяжении многих веков отстаивавшего свою независимость и самобытность. Народный идеал героя, призванный увлекать и увлекавший народ на решение этих задач, получил наиболее яркое образное воплощение в художественной литературе. Можно утверждать, что изображение героического характера является устойчивой специфической особенностью национальной грузинской литературы.

Героический характер в грузинской литературе, в своеобразной форме присутствующий уже в первых памятниках церковно-религиозной, агиографической литературы («Мученичество Шушаник» Иакоба Цуртавели и «Мученичество Або Тбилели» Иоанэ Сабанисдзе) формировался на эпической по преимуществу или включающей эпические элементы основе. В первом из этих произведений, датированном V веком, автор подчеркивает героическое начало, определяющее поступки Шушаник — стойкость, мужество, патриотическую жертвенность во имя народа и христианской веры, отвечающей национальным интересам Грузии. Шушаник открывает собой целую галерею героических женских характеров — царица Тамар, великомученица Кетэван и др.

Героическим пафосом жертвенности проникнуто и сочинение Иоанэ Сабанисдзе, созданное в эпоху, когда арабо-мусульманские завоеватели пытались лишить Грузию религиозной и национальной самостоятельности. Иноземец-мусульманин

Або принял христианство, явив героический пример непоколебимого мужества и самопожертвования. Подвиг Або, по мысли автора, способен пробудить в народе героизм и дух национального самосознания, воодушевить его на борьбу с врагами христианства.

В XI—XII вв., в классический период древнегрузинской литературы героический характер защитника веры и родины получает свое дальнейшее развитие в памятнике богатырского эпоса «Амиран-Дареджаниани» Мосэ Хонэли, в других памятниках светской литературы — «Витязе в тигровой шкуре» Шота Руставели, «Тамариани» Григола Чахрухадзе, «Абдул-Мессия» Иоанэ Шавтэли. В них воспеваются доблесть, мощь и отвага, благородство души, патриотизм и готовность к самопожертвованию.

В XVI—XVIII вв., в так называемый «период возрождения» грузинской литературы, изображение героического характера занимает одно из главных мест в творчестве Антона Багратиони, поэта, церковного и государственного деятеля и его младшего современника Бесики (Бесариона Габашвили). В трудное время, когда Грузии угрожала реальная опасность потери государственной и национальной самостоятельности, эти поэты (Антон в поэме «Мерное слово», Бесики в одах-поэмах «Аспиндза» и «Рухская битва») воспевали подвиги исторических деятелей — грузинских царей и полководцев, боровшихся за независимость родины, за укрепление ее национально-государственной мощи, восхваляли доблесть, самоотверженность и героизм.

В XIX в. в новых исторических условиях объединения с Россией грузинская литература и культура в целом переживают небывалый подъем и расцвет. Освоение опыта русской и европейских литератур дало новый импульс развитию традиции древней грузинской литературы, раскрытию ее исконных начал, очищению от чуждого ее христианскому духу восточного влияния. Видные представители грузинской литературы XIX в. — Ал. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Г. Орбелиани; И. Чавчавадзе и др. были хорошо знакомы с творчеством Байрона, Шелли, Гете, Пушкина, Лермонтова, разделяли идеи, волновавшие передовые умы Европы и России.

Размышляя над судьбой народа в новой исторической ситуации, писатели и поэты постоянно обращаются в своем творчестве к древней традиции изображения героического характера, которая получает в литературе этого времени наибо-

лее глубокое и разностороннее осмысление и художественное воплощение.

Обращаясь к понятию героического характера как одной из форм художественного обобщения, необходимо начинать с формулировки и обоснования содержания этого понятия, поскольку оно недостаточно глубоко и всесторонне разработано в современном литературоведении, точно так же, как и многогранная этико-философская проблема героизма.

Проблема героя и героизма — одна из центральных в истории философии, этики и эстетики. В оценке героизма отдельной личности и социальных групп марксизм исходит из объективного значения того или иного поступка, рассматривает его проявления с точки зрения соответствия субъективных устремлений объективному ходу исторического развития.

Рассматривая героический характер на основе этого принципа, необходимо плодотворно использовать для конкретного анализа развития героического характера в грузинской литературе XIX в. критически переосмысленную в широком плане мысль Гегеля о героизме и роли героев во всемирной истории. Анализируя исторические формы героизма, Гегель обосновал свои принципы оценки, рассматривая моральные свойства субъекта героического поступка как проявление героического характера определенной исторической эпохи. Такой эпохой была героическая эпоха Древней Грузии, характеризовавшаяся субстанциональной связью личности и общества, частного и целого. В этот период отдельный индивидуум не был обособлен, замкнут в себе, а являлся членом семьи, рода. Его индивидуальность была «сама для себя законом, не будучи подчинена никакому самостоятельно существующему закону, постановлению и суду»¹. Поэтому общегосударственные и общественные цели и задачи герой выполнял как свои собственные и личные. Гегель считал, что с исчезновением этой эпохи исчезает и всякая возможность героизма как формы реализации всеобщего правового или нравственного содержания в виде свободной деятельности отдельной личности — героя. «В государстве нет больше места героям: последние встречаются только в период нецивилизованного состояния»². Связывая героизм с демократическими формами общественной жизни, Гегель пытался вскрыть объективную основу героизма в исто-

¹ Гегель Г. Соч. т. 12, с. 189, М., 1938.

² Там же, т. 7, с. 112.

рии, и в этой области целый ряд его мыслей до сих пор имеет принципиальное, обобщающее значение для понимания природы героического в истории и литературе.

В концепции Гегеля содержится также и другая важная мысль, касающаяся соотношения героического характера и окружающих его обстоятельств. Характер связан с обстоятельствами, которые, по словам Энгельса, «окружают» его и «заставляют»... действовать» (что наиболее отчетливо проявляется в изображении реалистического характера). Но обстоятельства неодинаковы, точнее, неоднородны. С. Бочаров, характеризуя трагических героев Шекспира, пишет: «...мы различаем здесь «широкий» и «узкий» круг обстоятельств, окружающих героя. Это всеобщее обстоятельство — атмосфера трагедии, ее «воздух», общее состояние мира, определяющее так или иначе поведение всех, с другой же стороны — известная конкретная среда — например, Эльсинор и двор Клавдия, — с которой взаимодействует протагонист, всегда приходя с ней в столкновение. Эти обстоятельства конкретного плана для трагического героя не могут быть названы его условиями и обстоятельствами в том смысле, что они не являются обстоятельствами, детерминирующими его, формирующими его характер. Напротив, характеры трагических героев формируются вопреки этим условиям, отрицают их своим существованием... Из сопротивления обстоятельствам рождается субъективная свобода, личностное сознание — главное в шекспировских героях»³. Эта мысль в принципе справедлива вообще для характеристики соотношения героического характера и окружающих его обстоятельств. Он противостоит конкретной среде, с которой может быть, тем не менее, тесно связан, ибо он уже «перерос» эту среду, законы которой не соответствуют «общему состоянию мира», создающего предпосылку для действий героя.

Причем эти обстоятельства — конкретная среда и общее состояние мира — в зависимости от жанра произведения, особенностей таланта автора, литературной эпохи — могут в разной степени присутствовать в повествовании, «окружать героя», но так или иначе влияют на его поступки. В поэме И. Чавчавадзе «Разбойник Како» на первом плане — конкретные обстоятельства, произвол помещиков, которым сопротивляются Како и Закро, но их действия определяет в

³ Бочаров С. Характеры и обстоятельства. с. 354.

конечном счете общая социально-нравственная атмосфера общественного сознания и общественных отношений (исторически назревшая необходимость отмены крепостного права), понижающая повествование. С другой стороны, в произведении Н. Бараташвили «Мерани» очень ярко и причудливо обрисована картина общеромантического состояния мира, определяющая порывы и устремления героя, противопоставляющего себя каким-то смутным «узким» обстоятельствам, конкретность которых для автора в данном случае совершенно не важна.

Рассматривая в «Феноменологии духа» героизм как феномен духа, соответствующий разным периодам истории, Гегель выдвигает такое понятие, как «героизм служения», присущий сознанию эпохи средневековья. «Героизм служения — добродетель, которая жертвует единичным бытием для всеобщего и тем самым вводит последнее в наличное бытие; оно есть лицо, которое отказывается от владения и наслаждения собой и совершает поступки и действия в пользу существующей власти»⁴. Отталкиваясь от этой мысли Гегеля, выражающей его негативное отношение к «героизму служения», и критически переосмыслив ее применительно к некоторым конкретным историям и литературам, в частности грузинской, можно, во-первых, «героизм служения» назвать, вопреки Гегелю, высшим типом героизма как служение родине и вере. Можно смело утверждать, что понятие «героизм служения», взятое в широком и высшем плане, является весьма удачным, более того, концептуальным, ибо отражает одну из основополагающих традиций нашей литературы, одну из главных линий развития ее героического характера.

Мотив героического служения интересам веры, народа, родины звучит уже в первых памятниках древней грузинской литературы. Этот мотив известен и грузинскому фольклору, воплощением его является героическая фигура Амирани, являющегося «двойником» Прометея, посвятившего себя служению людям. Амирани олицетворяет одну из ипостасей национального нравственно-героического идеала, это символ гуманистической патриотической жертвенности, нравственной стойкости и непобедимости перед силами зла. Его образ получает свое дальнейшее устойчивое развитие в грузинской литературе.

«Героизм служения» в полной мере определяет поступки и сущность характеров, запечатленных в памятниках агиогра-

⁴ Гегель Г. Соч. т. 4. М., 1959, с. 270—271.

фической литературы — уже упомянутых «Мученичестве Шушаник» И. Цуртавели и «Мученичестве Або Тбилели» И. Сабанисдзе.

Мотив патриотического служения своеобразно проявляется и в знаменитой эпической поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», переплетаясь с мотивами мужества, дружбы, нравственного долга, служения передовым гуманистическим общечеловеческим идеалам. Сила и широта героического патриотического чувства особенно ярко проявляются в знаменитом письме Нестан к своему возлюбленному, призывающей его к подвигам во имя освобождения родины.

Пафос героического служения пронизывает и лирические жанры грузинской литературы «классического периода». Это прежде всего оды Чахрухадзе под общим названием «Тамариани», в которых воспеваются патриотическая деятельность царицы Тамар, прославляется военная мощь Грузии. Тем же пафосом проникнута и ода «Абдул-Мессия» Иоанэ Шавтэли, воспевающая героя — строителя грузинского государства Давида Строителя. Авторы этих выдающихся произведений были пропагандистами патриотической национальной идеи, сторонниками мощной государственной власти, в которой видели залог безопасности и процветания грузинского народа.

В XVII—XVIII вв. в период, когда страна еще не сбросила окончательного гнета персов-кызылбашей и турок, пафос «героизма служения» является определяющим в разработке национальной патриотической идеи, получившей наиболее яркое отражение в жанрах, развивающихся на художественно-исторической основе. Ярким примером служит замечательное сочинение Теймураза I — историческая поэма «Мученичество царицы Кетэван», в которой описана судьба царицы Кетэван, замученной персами. Эта поэма считается первым классическим произведением в грузинской литературе на национально-историческую тему.

Трагической судьбе прославленного полководца и политического деятеля конца XVI—начала XVII вв. Георгия Саакадзе посвящена историческая поэма «Дидмоуравиани» Иосифа Саакадзе (Тбилели). Жизнь и деятельность Георгия Саакадзе были направлены на борьбу против реакционных грузинских феодалов, на объединение всей страны. Посвятив себя защите родины и престола, он попытался использовать в своих целях Турцию и Иран в борьбе за единение страны, чем, однако, скомпрометировал себя и погиб на чужбине изгнанником.

Все же в глазах автора поэмы жизнь моурави (правителя) оправдана пафосом героического служения отчизне.

Как справедливо отмечает А. Г. Барамидзе, «...национально-патриотический пафос находил отражение в произведениях почти всех жанров грузинской литературы XVII—XVIII вв. Он проявляется даже в литературных памятниках сказочного эпоса. В этом отношении интересно собрание сказочных повестей «Русуданиани», которое складывается в середине XVII в.»⁵. В этих повестях, автор которых неизвестен, описана тяжелая судьба Грузии под властью персидских шахов. Героико-патриотическое начало воплощено в образе царицы Русудан, пополнившей галерею героических женских характеров грузинской литературы.

В начале XIX в. в новых исторических условиях грузинская литература и культура получают возможность выйти из изолированного положения, в котором они находились. Грузинской литературе в полной мере стал доступен опыт русской и европейской литератур. Этот опыт воспринимался далеко не механически. Одни тенденции оказались идейно и типологически созвучными грузинской литературе и были подхвачены ею, другие — нет. Подобная избирательность в первую очередь отчетливо проявилась в процессе формирования и развития героического характера.

Европейский ренессанс и новое время внесли в общественное сознание новые, радикально отличающиеся от древних и средневековых, представления о героизме и герое. Возрожденческий идеал человека, дерзнувшего стать равным богу и в своем стремлении к самоутверждению неизбежно избирающего в конце концов разрушение, разложение, отрицание всего ценного и значимого, породил героический образ Прометея, прямо противоречащий античной концепции Прометея — похитителя и вора. В новое время бого- и человекоборческие мотивы индивидуального бунтарства во имя самоутверждения личности стали преобладающими в героическом характере.

Но не путь самодовлеющего индивидуализма стал путем развития героя грузинской литературы, хотя у грузинских романтиков и можно найти отголоски индивидуалистических настроений. Видимо, наиболее плодотворным будет сопоставление тенденций изображения героического характера в грузин-

⁵ Барамидзе А. Г. Грузинская литература. История всемирной литературы, т. 4, М., Наука, 1987, с. 435.

ской литературе с другим типом героя, который был намечен и в определенной степени развит Вальтером Скоттом — речь идет о таких характерах как Роб Рой и, в меньшей степени, Робин Гуд (они, думается, вполне сопоставимы с Арсеном Одзелашвили и его образом в грузинской литературе XIX в.).

В грузинской литературе XIX века одной из главных линий развития характера оставалась традиция «героизма служения» (Ираклий II в поэме Бараташвили «Судьба Грузии»). Развиваются бунтарский героизм (в лице народного героя Арсена Одзелашвили — например, драма «Разбойник Арсен» А. Церетели), трагический героизм (герои Важа Пшавела — Алуда Кетэлаури и др.). Все эти виды героических характеров получают специфическое осмысление в новых исторических (и литературных) условиях развития страны.

В значительной мере оказался созвучен грузинскому романтизму с его идеалами свободы родины и нации специфический гражданский романтизм таких представителей литературы декабризма как К. Рылеев и В. Кюхельбекер. Особенность поэзии Рылеева определил выработанный им идеал гражданской героики, жажда гражданского подвига общенационального значения. Это идеал героя, поэта и гражданина («Гражданин»), конкретное воплощение которого Рылеев и Кюхельбекер находили в личности Байрона, отдавшего жизнь за свободу греческого народа (Рылеев «На смерть Байрона», Кюхельбекер «Смерть Байрона»). Идеальными героями выступают и главные действующие лица поэм Рылеева «Войнаровский» и «Наливайко» — они готовы на подвиг и рвутся в бой за свободу родины.

Любовь к «битвам, родине и воле» присуща и герою поэмы Лермонтова «Мцыри», вершины русского романтизма 30-х годов. Идеал героя — туманный, но «чуждый мир тревог и битв», постоянный порыв к боренью и воле, который таит в себе и наивысшую полноту человеческого существования, и гибель как расплату за прикосновение к абсолюту. В этом смысле, видимо, не будет натяжкой типологическое сопоставление поэмы Лермонтова и «Мерани» Бараташвили, близких по духу произведений, являющихся своего рода манифестами романтического героизма. Это интересно тем более, что в «Мцыри» Лермонтов в своеобразной форме размышляет и над историческими судьбами героя и народа, в частности грузинского:

Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год
Вручил России свой народ.

Этот отрывок дает возможность сопоставления поэмы Лермонтова с другим произведением Бараташвили — поэмой «Судьба Грузии».

Свободолюбивый пафос присущ и героям романтической прозы, отразившей, в частности, настроения национально-освободительной войны 1812 года — примером служит роман М. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831), герой которого — воин и патриот — переживает личную драму (его невеста выходит замуж за француза).

Важное место в развитии героической темы в истории литературы занимает историко-героическая повесть Гоголя «Тарас Бульба» (1833), воспроизводящая эпоху национально-освободительной борьбы украинского народа в XVI—XVII вв. Это вершина русских романтических повестей-сказаний 30-х годов XIX века, построенных на материале народных легенд. Герои Гоголя — запорожцы — близки по духу народным героям грузинской литературы — героям Важа Пшавела (в частности Бахтриони и др.), несмотря на жанровые, стилевые и прочие различия.

Близость идейной направленности польского и грузинского романтизма, обусловленная историческим сходством судеб двух народов, постоянно боровшихся за независимость, ярко проявилась в идейном и художественном «родстве» двух поэтических шедевров: «Фариса» А. Мицкевича и «Мерани» Н. Бараташвили, на что уже указывали исследователи, в частности, В. Н. Хитаришвили в статье «Адам Мицкевич в грузинской литературе XIX в.». Сопоставление этих произведений позволяет выявить национальную специфику грузинского и польского романтизма в трактовке героического характера. Другим примером, выявляющим типологическое сходство и различие двух литератур в этом плане, является сопоставление поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» и написанной под

ее влиянием исторической поэмы А. Церетели «Баграт Великий».

Развитие героического характера в грузинской литературе XIX в., в частности в первой его половине, протекало в эпоху романтизма на основе уже сложившихся традиций. Грузинские романтики многое почерпнули из опыта и наследия древней грузинской литературы периода, непосредственно предшествовавшего наступлению романтизма, так называемого «периода Возрождения» (XVI—XVIII вв.). В этот период определяющей традицией развития героического характера выступает все тот же уже упоминавшийся «героизм служения», ярко проявившийся в произведениях Антона Багратиони («Мерное слово»), Теймураза I («Мученичество царицы Кетэван»), Иосифа Саакадзе (Тбилели) («Дидмоуравиани»), цикле сказочных повестей «Русуданиани», поэмах Бесики («Аспиндза», «Рухская битва»). Нужно отметить, что эта литературная традиция оказалась как нельзя более созвучна романтической эстетике и поэтике нового времени, особенно той ее части, которая выражала героико-патриотические идеалы грузинских (да и не только грузинских) романтиков. Грузинские романтики в новых условиях по-своему решали те же задачи и стремились во многом к тем же нравственно-патриотическим идеалам, что и их предшественники на поприще литературы и искусства. Поэтому и у них одним из главных стремлений в развитии героического характера оказывается воплощение все того же «героизма служения» национальным религиозно-нравственным и художественным идеалам, родине и народу.

Это отчетливо проявляется в творчестве классика грузинского романтизма Н. Бараташвили. Величественная и трагическая фигура царя Ираклия II в поэме «Судьба Грузии» — яркий характер, созданный в традиции «героизма служения», но осмысленный на новом ее этапе, в новых исторических условиях, в иной исторической перспективе.

Причудливое отражение получает пафос «героизма служения» в стихотворении «Мерани», которое можно назвать своего рода манифестом героической личности, борющейся за сверхличные, общенародные цели и ценности. Бараташвили в поэтической форме выразил суть фегелевской формулы «сократовского» героизма — «абсолютное право уверенного в самом себе духа, сознания, принимающего внутреннее решение», право героя, «сознательно высказавшего новый принцип духа». Это герой, в данном случае, — романтический, то есть, нахо-

дящийся во власти субъективизма и индивидуализма, но его субъективизм направлен к достижению национальных идеалов, проникнут пафосом самопожертвования и героического служения. «Это символ веры большой борющейся личности, убежденной в своей бессмертности и в том, что движение человеческой истории отмечено целью и смыслом», — писал о «Мерани» Б. Пастернак.

Гражданственный, национально-патриотический пафос служения выразился и в известной поэме «Заздравный тост, или Пир после Эриванской битвы» другого выдающегося представителя грузинского романтизма Григола Орбелиани, воспевшего подвиги героев прошлого, отстаивавших свободу отчизны.

Традиция «героизма служения» была в дальнейшем подхвачена реалистической литературой в лице ее выдающихся представителей — И. Чавчавадзе, А. Церетели, Важа Пшавела, А. Казбеги, почерпнувших в произведениях романтиков близкие им идеи, национально освободительный пафос, интерес к героическому прошлому страны (не лишенный, однако, и критического переосмысления). Развитие героического характера в этот период традиционно связано с исторической тематикой. Пример тому — историческая поэма И. Чавчавадзе «Димитрий Самопожертвователь», посвященная трагической судьбе грузинского царя Димитрия (Дэметре), отправившегося в 1289 году на верную смерть к монголам, чтобы предотвратить окончательное разорение ослабленной войнами родины. В стихотворении «Базалетское озеро» в причудливой метафорической форме изображен грядущий народный герой, освободитель страны.

Еще глубже и подробнее разработана тема героического служения в исторических произведениях А. Церетели, в творчестве которого, развивавшемся в целом на реалистической основе, сильна и романтическая струя. Это исторические произведения «Торнике Эристави», «Патара Кахи», «Натэла», «Баграт Великий». Шедевр художественной прозы Церетели — первая в грузинской литературе историко-романтическая повесть «Баши-Ачуки» о трудной борьбе Картли и Кахети против персов. Среди героев повести — подлинные исторические личности, вожди восстания Бидзина Чолокашвили, Шалва и Элизбар Эристави.

Дух патриотического «героизма служения» с огромной силой выражен в поэме Важа Пшавела «Бахтриони», посвященной восстанию грузин против персидских завоевателей.

В творчестве Важа Пшавела берет начало другая линия развития героического характера, связанная с огромным интересом писателя к обычаям и нравам горцев. Решая общечеловеческие проблемы на национальном материале, он показал столкновение героев, переросших в своем гуманизме узкообщинное мировоззрение, с жестокими обычаями консервативного уклада горцев. Это трагический героизм Алуды Кетэлаури, Джоколы, сделавших свой нравственный выбор, идущий вразрез с нравственным кодексом общины, но находящийся в согласии с христианской человечностью.

В XIX веке в грузинской литературе активно развивается и третья линия героизма — бунтарского индивидуалистического, связанного с борьбой угнетенных слоев народа за лучшую жизнь в условиях крепостного права и усиления буржуазной эксплуатации после его отмены. Одним из первых показал героя-бунтаря драматург Зураб Антонов в своей героической драме «Кёроглы». Грузинский зритель впервые увидел на сцене народного героя, защищавшего бедняков. В образе Кёроглы грузинское общество нашло много общего с реально существовавшим Арсеном Одзелашвили.

Однако первым в грузинской литературе создал образ крепостного, взбунтовавшегося против помещика, Даниэл Чонкадзе, автор повести «Сурамская крепость», вплотную приблизившийся к идеям революционных демократов.

Героический характер бунтаря получил дальнейшее развитие в творчестве Ильи Чавчавадзе: в поэме «Несколько картин, или Случай из жизни разбойника» он изобразил уже народного героя-мстителя, прототипом которого послужил Арсен.

Свой вклад в развитие традиции бунтарского героизма внес и Акакий Церетели — в поэме «Тамар-цбиэри» на историческом фоне он показал судьбу поэта-патриота Гочи, смело выступившего против произвола имеретинских правителей.

Бунтарский героизм горцев, восставших против феодалов, отражен Александром Казбеги в повестях «Элгуджа» и «Хевисбери Гоча», в драме «Арсен».

Наивысшего развития в грузинской литературе XIX века традиция бунтарского героизма достигает в творчестве Эгнатэ Ниношвили, предшественника пролетарской грузинской литературы. Его имя открывает историю нового направления в национальной литературе, связанного с революционным движением конца XIX века. В его творчестве нашли отражение мно-

гие важные социальные процессы тогдашней грузинской действительности, которые писатель изображал с позиций революционера-демократа, поборника интересов трудового народа. На этой идейной основе построен первый в грузинской литературе социально-исторический роман Э. Ниношвили «Восстание в Гурии», посвященный восстанию гурийского крестьянства в 1841 году против феодального гнета и самодержавной тирании.

Трудно переоценить значение героической темы, героического характера в грузинской литературе в деле духовного развития грузинского народа, его культуры. В литературе, всегда являющейся одной из главных сфер духовной жизни народа, тема героизма, героического деяния, героической личности всегда концентрировала в себе главные вопросы жизни всей нации, ее будущего, национальной независимости, культурной самобытности. Сама же фигура героя во всех ее ипостасях — будь то прикованный к скале Амирани или бунтарь Арсен — выростала в символ грузинского народа, его нравственной стойкости, свободолюбия, неодолимости. Героический характер, рожденный жизнью и народной фантазией, воплощенный в литературе, превратился в важный стимул развития литературы, по законам саморазвития литературного образа стал воздействовать на жизнь и литературу, отвечая потребности нации в героях и, в свою очередь, пробуждая в ней эту потребность как стремление к национальному духовно-нравственному идеалу. Грузинские писатели и поэты, художники и мыслители, педагоги неизменно испытывали интерес к проблеме героизма, героического характера, что диктовалось постоянно ощущающейся потребностью в героических примерах и деяниях во имя защиты национальной независимости, во имя пробуждения в каждой личности, во всех слоях народа духа национального самосознания, духа борьбы за свободу родины.

Вот почему изображение героя-патриота испокон веков было одной из главных задач грузинской литературы, а образ героя-патриота и борца за свободу стал воплощением национального идеала грузинского народа. Особо нужно отметить воспитательную роль фольклора, устного народного творчества, раньше письменной литературы знакомявшего молодого человека с идеалами и ценностями родной культуры. Грузинские женщины-сказительницы — «молексе» — увековечивали память героев, павших в борьбе за родину. В их поэзии преобладали стихи героического содержания, ибо мужчина

всегда ценился за храбрость и героизм, а женщина — за верность, красоту, хозяйственность и умение быть хорошей матерью и женой. Мужчину-героя звали «каи-кма» (добрый молодец), «пироплиани» (тот, у кого лицо в поту). Такой мужчина и был идеалом грузинской женщины и, более того, одним из воплощений национального, духовно-нравственного героического идеала. Увековеченный в памяти народа, в фольклоре, литературе этот идеал определял сознание многих поколений, определял дальнейшее развитие литературы, выявляя ее высокий нравственно-героический пафос и нравственный кодекс героя, нарушение которого было равносильно измене своему народу и искупалось только смертью. Так карает смертью своего сына, нарушившего воинский долг ради любви к женщине, хевисбери Гоча в повести А. Казбеги. Так погибает, сражаясь на стороне своих соотечественников, пшав Баха, ставший ранее предателем своего народа (драма Важа Пшавела «Отлученный»). Ибо только нравственно чистый носитель героического идеала может стать вершителем дел жизни нации, спасти в критический момент будущее народа, его судьбу, как это сделал национальный герой Грузии Ираклий II в «Судьбе Грузии» Бараташвили.

После эпохи войн за независимость наступает пора новых национальных задач, прежде всего в сфере культуры, преследующих цель сохранения, освоения и развития всех самобытных традиций, придающих грузинской культуре ее неповторимость. В этих условиях требуется не меньше героев, чем раньше, и воспитательная, художественная роль литературы не только сохраняется, но и увеличивается в связи с бурным развитием средств массовой информации и массовой культуры. В этой ситуации литературные герои во всей полноте своей жизненной конкретности совершенно необходимы для нравственного здоровья народа и культуры.

Реваз БАРАМИДЗЕ

Столп грузинской филологии

*(К 110-летию со дня рождения
Корнелия Кекелидзе)*

В истории культуры, науки каждого народа есть имена, осененные особым светом. Одним из таких имен для Грузии является имя Корнелия Кекелидзе.

Вклад его в нашу национальную культуру и науку, в частности филологию, огромен. Каждое его обращение к той или иной проблеме филологии знаменовало собой новый этап ее развития. Многогранное, плодотворное творчество академика Корнелия Кекелидзе пока еще ждет глубокого и серьезного изучения.

К. Кекелидзе родился в 1879 году в селе Тобаниэри (Ванский р-н). Грамоте научился дома. После окончания Кутаисского четырехклассного духовного училища отец отвез его в Тбилиси для поступления в Духовную семинарию. Его должны были принять на полный пансион, так как семья не имела материальной возможности содержать мальчика в городе. Однако в семинарию зачислили только сирот, и маленькому Корнелию предстояло вернуться домой. Огорченный этим, мальчик горько рыдал в коридоре. Случайно проходивший мимо инспектор семинарии Иоаник спросил его о причине слез. «Я плачу, потому что отец мой жив», — ответил Корнелий. Удивленный ответом, инспектор подробно расспросил ребенка и, видя его страстное желание учиться, зачислил в семинарию.

По окончании семинарии его, как особо талантливому выпускнику, отправили «за государственный счет» в Киевскую Духовную академию, в которую он и был принят после прохождения очень жесткого конкурса.

Научной работой К. Кекелидзе занялся еще в студенческие годы и привлек внимание академиков Н. Петрова и А. Дмитриевского. По совету последнего он пишет в 1904 году дипломную работу (в дальнейшем разросшуюся в кандидатскую) «Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение», опирающуюся на серьезное изучение рукописей. Эта работа получила высочайшую оценку академиков А. Дмитриевского и П. Глаголева. Ученый совет Академии постановил оставить К. Кекелидзе при Академии с целью подготовки его для профессорской должности. Такое случалось не часто, и в газете «Иверия» тогда появилась заметка, в которой сообщалось, что «по решению собрания профессоров Академии молодой грузин К. Кекелидзе оставлен в Академии». В будущем К. Кекелидзе займет место Дмитриевского. «Это первый случай, когда грузин оставляется в Академии в качестве стипендиата». («Иверия», № 148).

К сожалению, Синод не утвердил решение Ученого совета, и К. Кекелидзе вернулся на родину.

Итак, со студенческих лет он приступает к изучению истории грузинской словесности, которая в ту пору не была систематизирована, отдельные же этапы ее были представлены весьма туманно и в общих чертах.

Одна из величайших заслуг К. Кекелидзе в том, что он внедрил в грузинскую филологию академический, европейский стиль и метод. Творческое наследие ученого огромно — это тома и тома фундаментальных трудов, ознаменовавших новый этап в развитии национальной науки, заложивших прочный фундамент подлинно научному изучению истории грузинской словесности, поднявших ее на современный уровень. К. Кекелидзе обязаны мы тем, что сегодня история нашей литературы осмысливается нами, как единая целостная система.

Предметом интенсивного изучения Корнелия Кекелидзе были история Грузии, проблемы языкознания, фольклора, литературы. Его вклада в каждую из этих областей науки уже было бы достаточно для того, чтобы обеспечить бессмертие одному человеку, а созданный им фундаментальный двухтом-

ный труд и четырнадцать томов этюдов вошли в сокровищницу нашей национальной культуры.

В сферу интересов академика Кекелидзе входила не только древняя литература, но и новая. Каждую его работу в этой области со вниманием встречали крупнейшие и русские и зарубежные ученые, постоянно подчеркивая их историческое значение. Известны высказывания о них академиков А. Латышева, А. Дмитриевского, П. Петерса, Д. Ланга и др.

Подлинным событием в научном мире явилось то, что К. Кекелидзе обнаружил в книгохранилищах Грузии сотни грузинских переводов памятников византийской литературы, подлинники которых утеряны и могут быть восстановлены только по грузинским текстам. Таким образом К. Кекелидзе способствовал расширению знаний и о мировой христианской литературе. Это его открытие было признано европейскими учеными «сенсацией № 1».

Работа К. Кекелидзе «Симеон Метафраст по грузинским источникам» (1910 г.) открыла для мировой науки не только истинную ценность грузинской словесности, но и дала ответ на ряд узловых вопросов византологии и истории христианской культуры в целом, пролила свет на жизнь и творчество одного из великих представителей византийской литературы Симеона Метафраста. А опубликованная в 1912 г. работа «Иоанн Ксифилин, продолжатель Симеона Метафраста» внесла еще большую ясность в византологию. Таким образом был восстановлен большой корпус византийской литературы.

Изучение памятников грузинской словесности в их связи с сирийской, греческой, арабской, персидской, армянской, русской и европейской литературами показало масштабность грузинской словесности, а выявление ее мировых контактов — очевидность ее органической связи со всей мировой цивилизацией и место в мировой культуре.

«Страх перед рукописями» был чужд Корнелию Самсоновичу. Напротив, рукописи были его стихией. Именно в работе над фолиантами он находил особое эстетическое и моральное удовлетворение. Он отверг фотографически точную публикацию текстов, широко распространенную до него, но позаимствовал и творчески развил текстологический метод Н. Марра — научно-критическое издание текста на основе сравнительного изучения с учетом всех вариантных различий и норм языка эпохи, а также с привлечением точной аппаратуры.

К. Кекелидзе изучил происхождение грузинского алфавита и письменности, привел в систему и строго определил периоды и пути развития нашей литературы, исследовал наши культурные центры в Грузии и за ее пределами. Он перевел на русский язык не один литературный памятник, и благодаря его глубоко научным, точным переводам русский читатель получил возможность познакомиться с нашей древней словесностью.

Метод и стиль работы К. Кекелидзе проявился также в сути выдвигаемых им гипотез. Талант ученого — не только в умении анализировать существующие факты, но и в наличии чутья, интуиции, позволяющих на основе изучения документов предположить существование некоего, пока еще неизвестного факта. В этом плане творчество К. Кекелидзе заслуживает особого внимания. Почти все высказанные им гипотезы (о времени деятельности Леонтия Мровели или личности летописца Давида Строителя и др.) подтверждены более поздними исследованиями.

В основе гипотез-прозрений К. Кекелидзе лежит безупречная логика и острота научной мысли, широчайшая эрудиция, аналитическое осмысление смежных проблем, детальное изучение аргументов, прекрасное всестороннее знание интересующего его исторического момента и редчайшая интуиция, позволяющая уловить внутреннюю тенденцию развития явлений и фактов.

К. Кекелидзе с большим успехом работал во многих сферах науки, однако самой любимой им областью всегда оставался мир христианской духовной литературы. Его изыскания показали, какую богатую духовную культуру создал грузинский народ уже в раннем средневековье, а также сделали очевидным тот факт, что памятники древней грузинской словесности являются первоклассными источниками для изучения истории и культуры многих других народов. Благодаря самоотверженному труду академика К. Кекелидзе многие такие памятники увидели свет, стали достоянием мировой науки и культуры.

«Ничто не есть столь сладостно, яко любовь к отечеству», — из глубины веков дошли до нас эти слова нашего предка. Для К. Кекелидзе они стали девизом всей жизни. Именно это чувство вдохновило его на научный подвиг, — ибо оставить своему народу такое наследие, какое оставил нам он, воистину есть подвиг. То же самое можно сказать и об

2020010933

общественной деятельности ученого. Достаточно вспомнить и о его участии в создании Тбилисского университета. Он же заложил фундамент и Института истории грузинской литературы имени Ш. Руставели.

Н. Марр, Ив. Джавахишвили, К. Кекелидзе и Ак. Шанидзе — вот те четыре незыблемых столпа, на которых поднялась грузинская школа филологии.

Корнелий Кекелидзе был и мастером полемики. С присущими ему сдержанностью и железной логикой, постоянно используя в качестве аргументации обширный фактический материал, он умел сделать свои доводы неуязвимыми, неопровержимыми.

Академик К. Кекелидзе воспитал целую плеяду ученых. Он щедро тратил время, энергию и тепло своей души на активное общение со своими учениками, был внимателен к ним и чуток, но всегда строг и взыскателен в работе. Его принципиальность и бескомпромиссность стали для них примером на всю жизнь.

В свое время К. Кекелидзе увлеченно изучал творчество и жизненный путь замечательного деятеля нашей культуры Григола Ханцтэли, который «дожил до ста двух лет, а облик его не изменился, глаза не утратили зоркости, и был он крепок плотью». Эти слова о мудром старце, дошедшие до нас из глубины веков, как нельзя лучше подходят к самому Кекелидзе. За неделю до смерти он сам, без очков, читал корректуру своего последнего труда — VIII тома «Этюдov». Облик его не изменился, несмотря на то, что позади было восемь десятков лет далеко не безоблачной жизни, полной неустанного труда и треволнений. Даже внешне К. Кекелидзе был похож на тех мудрых, деятельных, обладавших огромной эрудицией просветителей нашего народа, изучению и обнародованию творений которых он посвятил себя — будь то Г. Мерчуле ли Эфрем Мцире, Эквтиме Атонэли и Гиоргий Мтацминдэли или Иоанэ Петрици. Все они, включая самого К. Кекелидзе, а также Иванэ Джавахишвили, были единомышленниками, живущими в разное время, поскольку всех их объединяли безграничная любовь к родине и готовность принести себя в жертву во имя ее интересов, могучий талант, глубина мысли и обширность знаний, благодаря чему они не только всесторонне исследовали, но и, каждый в свое время, продвинули вперед нашу национальную культуру. Несомненно, родился Корнелий Кекелидзе на тысячу лет раньше, он был бы достойным

соратником Гиоргия Мтацминдэли, и, наоборот, родись Гиоргий Мтацминдэли на тысячу лет позже, он был бы единомышленником и коллегой К. Кекелидзе.

Непрост и нелегко был жизненный путь К. Кекелидзе. Ему выпало работать в жестокое время. Как сказал Борис Пастернак, тогда была «нелетная погода» — как для поэзии, так и для науки. Критерием оценки исследований тогда служили отнюдь не интересы науки, а «актуальность темы», более того, любая работа должна была писаться «в свете» определенных трудов, начинаться и завершаться их цитированием. Однажды К. Кекелидзе сказал: «Меня никогда не беспокоило, что и как я написал. Главной моей заботой постоянно было подобрать для работы такое название, в котором звучала бы актуальность, что дало бы возможность напечатать ее». Поэтому, обращаясь к творчеству наших ученых старшего поколения, мы обязательно должны учитывать условия, в которых они работали, и тогда мы сможем лучше оценить их труд, а также меру того гражданского мужества, которое требовалось от них, чтобы сохранить и развить подлинную науку.

Такая нездоровая общая атмосфера накладывала, увы, отпечаток и на человеческие, личные отношения. Однажды во время семинарских занятий, когда речь зашла об одном ученом, К. Кекелидзе тяжело вздохнул и сказал: «Боже мой, кто только не пролез в ученые». Мы были очень удивлены и взяли на себя смелость спросить его: «Вы патриарх грузинской филологии, вы ее создали и развили, и кадры были в ваших руках». Старый ученый горько усмехнулся: «Молодые люди, вы никогда не бывали на собраниях, на которых председатель заявлял: «такого-то и такого-то просим выйти», и мы их больше уже никогда не видели».

Сложности в жизни Корнелия Кекелидзе начались еще с семинарии. Его однокашником был Сосо Джугашвили (Иосиф Сталин), и это обстоятельство чуть было не обернулось для него самым роковым образом. Дело в том, что ушедшего с головой в науку юного Корнелия нисколько не занимало революционное движение, в котором активно участвовал Сосо. Все это было прекрасно известно соратникам Сталина, и в дальнейшем они не раз пытались состряпать из этого обвинение ученому. Однако, говорят, Сталин дал им понять, что его следует оставить в покое. И все же беда не миновала Корнелия Кекелидзе — в 1924 году его старший сын был расстрелян за «антиреволюционную деятельность». А отправленная теле-

011035300
0102011010330

грамма на имя вождя, в которой выражалась поддержка всех мероприятий, проводимых правительством, была для него причиной постоянной муки. Очень болезненно переживал он и тот случай, когда по заданию партийного руководства ему пришлось прочесть в атеистическом обществе доклад на тему «Рождество», который затем был опубликован в виде брошюры. Однако он был вынужден молчать, и только составителю библиографии своих трудов Т. Керсадзе строго-настрого запретил включать злополучный доклад в список его работ. И еще раз ему пришлось поволноваться из-за этого — составив очередной том «Этюдov», профессор С. Кубанеишвили внес в него этот доклад. Ученый категорически потребовал, чтобы доклад раз и навсегда был исключен из числа его работ и не вошел ни в одно издание.

Не может не вызвать недоумения то, что некоторые молодые филологи, не удосужившиеся даже вникнуть во все глубины исследований Корнелия Кекелидзе, берут на себя смелость упрекать его в том, что для него, мол, остался незамеченным художественный феномен литературы. Они забывают главное — именно Корнелий Кекелидзе своим титаническим трудом создал фундамент, на котором в наши дни возможно изучение художественного феномена нашей словесности. Он создал полный курс древней литературы и поставил вопрос о необходимости изучения ее художественных особенностей. Он воспитал своих учеников в этом направлении, и сегодня мы лишь углубляем и расширяем намеченный им круг исследований. И если мы чего-то и добились на этом пути, то только благодаря ему. Бернар Шартрен говорил, что люди похожи на карликов, стоящих на плечах великанов и при этом забывающих, что они видят дальше них не потому, что у них лучше зрение, а потому, что с высоты, на которую их подняли плечи предков-великанов, открывается более широкий горизонт. Стоит нам спуститься вниз, как мы не увидим не то, что горизонта, но и плеч великанов.

Одним из таких великанов является Корнелий Кекелидзе — филолог, историк, текстолог, теолог, языковед. Он не только досконально изучил нашу литературу и создал национальную науку, но и явил нам в своем лице образ великого ученого и деятеля прошлых веков, подобно которым был «украшением рода нашего, и озарил язык грузинский и землю грузинскую».

«ДОЛЖНИК»

04935340
303-010933

В конце 50-х годов я был ученым секретарем отдела древнегрузинской литературы, которым в Институте грузинской литературы имени Шота Руставели руководил К. С. Кекелидзе. Это была пора хрущевских экспериментов, и все научные сотрудники обязаны были составлять поквартальные планы научных работ. Понимая, что планировать научную деятельность нам самим бы следовало учиться у Корнелия Самсоновича, я осторожно предложил ему составить план своей темы. Излучавшее свет красивое лицо старого ученого слегка помрачнело, и он недоуменно спросил: «А Вы составили свой план?» Я показал ему лист бумаги, где было написано: «первый квартал — изучение специальной литературы по теме...» Не без раздражения профессор тут же набросал своим старческим почерком план, дословно повторяя первый пункт моего плана! Комическая получилась ситуация: о каком изучении специальной литературы могла идти речь, когда единственным создателем этой «специальной литературы» по его теме являлся он сам? До сих пор, как ценную реликвию, я храню эту рукопись. Через несколько дней мне пришлось снова побеспокоить его по аналогичному вопросу. Читатель помнит, как нам обещали в скором будущем, к 80-м годам, коммунизм и сталинские пятилетки заменили 7-летним, а в науке даже 15-летним планом. Неожиданно для меня в прищуренных глазах 80-летнего ученого замелькали озорные искорки, и он, посмеиваясь, спросил: «А доживу ли я до этого срока, не останусь ли должником перед правительством?» Я в тон ему ответил: «Конечно, даже переживете, ведь Вы всегда выполняете обещания!»

Увы, он, плодотворнейший ученый, остался «должником» института, и не только потому, что не прожил еще 15 лет, но и потому, что вскоре Корнелий Кекелидзе, гордость нашей науки, был вынужден оставить совместительство в институте, не желая изменять университету, одним из основателей которого являлся. Мы, молодые ученые, так нуждались в его поддержке, но решение властей этого не учитывало...

Роман МИМИНОШВИЛИ

Чабуа АМИРЭДЖИБИ

Точка зрения

Абхазские события крайне усугубили наше и без того тяжелое положение. Враги грузинского народа победили, ухитрились нанести удар нам в спину. Мы знавали и худшие времена, но не падали духом, взывая к нашему разуму и мужеству. И вот мы есть и будем!..

Тысячи грузин рвались в Абхазию, чтоб остановить зарвавшихся головорезов. Их не пустила армия. А за армейским кордоном почти безнаказанно бесчинствовали абхазские террористы. Я видел собственными глазами, как двое подонков били парня, осыпая его площадной бранью, причем тот не мог ответить, поскольку один из них приставил к его горлу нож.

Грузинская общественность дала правильную оценку событиям, имевшим место в Абхазии, интуиция нас не подвела. Ситуация сложилась чрезвычайная, требующая с нашей стороны самых активных действий и глубокого анализа. Ласкам и уступкам пришел конец. Мы должны делать свое дело кто бы и что бы ни говорил, как говорится, «на всякий роток не накинешь платок». Была ли на то Божья воля или еще раз восторжествовал разум народа, — но принципиальность и бескомпромиссность на сей раз были не стихийными, а исходили от руководства и Закона. Эта принципиальность и

Статья опубликована в газ. «Литэратури Сакартвело»,
№ 38, 22 сентября 1989 г.

бескомпромиссность должны проявиться прежде всего в выявлении и наказании виновных. Мы подождем. Но события требуют всестороннего анализа для того, чтоб в будущем возможные рецидивы подобного явления получили достойный отпор.

Только потому, что Абхазская автономия входит в состав Грузии и только благодаря стараниям грузин, она имеет столько абхазоязычных культурно-просветительских, информационных, медицинских, научно-технических и разного рода других учреждений, сколько не имеет ни одна другая автономия в Союзе.

Сибаритствующая «элита» восьмидесятитысячной нации держит в руках кормило власти, все доходные должности в полумиллионной республике. Она проводит жизнь в роскоши, сидя на шее остальных четырехсот тысяч жителей (в том числе и абхазов). И именно она и кричит на весь мир, что абхазы стонут под игом грузин, что они жертвы геноцида, что дальнейшее их пребывание в составе Грузии означает физическую гибель!

Мы должны отыскать истинные корни этого явления.

Для чего были придуманы автономные единицы и что представляют они собой в нашей действительности?

Полученную после Октябрьского переворота власть большевики сумели удержать только благодаря предварительно данным обещаниям. Их немедленная реализация была необходимой и для поддержания престижа новой власти и для того, чтоб избежать осложнений, которые непременно возникли бы, не будь выполнены посулы. Вместе с тем местная власть должна была иметь форму, которая при полной покорности народа гарантировала бы и условия, необходимые для «строительства социализма». Была использована хорошо известная из имперских историй «управленческая система». Определенному человеку, в данном случае крупному партийному функционеру, поручают народ с его территорией. Он берет на себя политические и экономические обязательства, для выполнения которых набирает штат подчиненных и, опираясь на армию народа-поработителя, держит свой собственный народ в покорности. Эти единицы получили название автономных «республик», «областей», «национальных округов» и т. д.

В Российскую федерацию в данное время входит множество автономных единиц. В Грузии их три. Существование на

такой крошечной территории трех автономий можно считать плодом орджоникидзевого понимания интернационализма, либо отчетливого понимания им истинных целей Октябрьского переворота — «Разделяй и властвуй!».

Стремление грузинского народа к независимости русские большевики окрестили «буржуазным национализмом», так было удобно для их власти. Орджоникидзе очень активно поддерживала большая часть грузинских большевиков и, разумеется, сам Сталин вместе с руководителями большевистской партии. Панацеей от этого опасного стремления грузинского народа было признано раздробление его территории, распыление национальной энергии и разжигание межнациональной розни.

Автономия и ее учреждения подразумевают двести-триста должностей, обеспечивающих благосостояние лицам, их занимающим, причем последним не обязательно быть умными, талантливыми или трудолюбивыми. Управитель распределяет эти должности между своими близкими и доверенными лицами. Создается каста сибаритов, которые формируют последующий слой приобретателей, покровительствуя им в их противозаконных делах за определенную мзду в денежном или ином выражении. Приобретатели богатеют, грабя казну и народ, продавая теплые местечки, беря взятки, спекулируя, прижимая к ногтю подчиненных. Богатеют сами и способствуют обогащению своих покровителей, разумеется, держа в покорности свои кланы. Вот каким путем осуществляются в регионе спокойствие, стабильность и выполняются обязательства местного «первого человека». Тут же отметим, что масштабы распределения добычи в различных регионах различны, но метод один, и это знают все.

Проблему в Абхазии, правда, искусственно, но обостряет лишь немногочисленная кучка сибаритствующей элиты, однако в дестабилизации региона заинтересовано еще несколько сторон, которые здесь стоит перечислить. О них стоит тут поговорить. Без этого в вопросе не разобраться.

В турецких школьных учебниках Западная Грузия называется вилайетом Гурджистан, захваченным Россией. Одной из основных задач пантюркизма является создание Кавказской исламской республики — буферного государства, своего рода заслона против возможной в будущем экспансии на юге. По идее, эта республика включает в себя все Черноморское побережье Грузии, регион Туапсе—Новороссийска и террито-

рии к востоку до Каспийского моря. Идея эта давняя, ее поддерживает и Иран, в свою очередь считающий Восточную Грузию своей провинцией, также захваченной Россией. Договоренность эта между двумя мусульманскими странами достигнута еще в XIX веке. В этом же направлении идет непрерывная подрывная деятельность, подкуп сторонников этой идеи на нашей территории, их вовлечение в работу.

Процесс заселения армянами Абхазии, как видно, объясняется той же причиной, которая обусловила их расселение по всему миру — непригодностью и недостатком земель на их родине. Но эту естественную эмиграцию турки приписывают историческому стремлению армян иметь выход к морю. Так это или иначе, но армянские поселения активно создавались на территории от Абхазии до Новороссийска и далее к востоку. Переселение армян в Абхазию происходит и из района Краснодара и Ростова-на-Дону. Теперь их в Абхазии немногим меньше, чем самих абхазов, и это не может не играть определенной роли в создавшейся здесь ситуации.

Славянское население в Абхазии числом своим превосходит абхазов. Русские обосновались тут прочно, и то, что они до сих пор не превратили Абхазию в одну из своих областей, объясняется лишь преданной службой сибаритов, обеспечивающих незыблемость их интересов. Сибаритам невыгодно обострение сравнительно стабильной ситуации.

Четвертая заинтересованная сторона — та самая экстремистская группировка, которая довела до геноцида комедию в Лыхны.

Мероприятие, проведенное сибаритами в Лыхны, я уверен, — прямое следствие «спасительной» идеи, зародившейся, правда, недавно, но с течением времени принимающей все более опасный характер. Лично я узнал о ней от одного из влиятельных лиц, приехавших в Тбилиси в середине апреля этого года. В частной беседе он сказал, что в условиях демократизации должны учитываться жизненные интересы каждой нации и спросил: как вы думаете, не лучше ли каждой автономии подчиняться непосредственно Москве. Я отвечал, что, разумеется, это будет самым справедливым решением проблемы, если этого захочет этнос, имя которого носит автономная республика; но есть и препятствующие этому обстоятельства — в автономии, в которой этнос, давший ей название, составляет меньшинство, вопрос о подчинении должны решать не только те народы, которые живут там изначально

но (в нашем случае — грузины и абхазы), но и те, кто поселился здесь позже, кто составляют меньшинство. Кроме того, Верховный Совет союзной республики путем референдума должен добровольно отказаться от значительной части своего населения, части своей исконной конституционно неделимой территории и вложенных в нее средств. Меньшинство, создавшее автономию, при объективном референдуме, ясное дело, победить не сможет. Если меньшинство, путем террора избирателей или чьей-нибудь решительной поддержки достигнет все-таки союзного подчинения, без применения силы территорию все равно не взять. Допустим и такое — территория принадлежит одним, а народы, живущие в ней, подчиняются другим. Все равно ничего не получится. Мой собеседник помолчал и сказал: все эти препятствия легко преодолимы. И я тогда же подумал: проблему подчинения собираются решать не путем референдума, а перевесом голосов покорно-агрессивного большинства Верховного Совета.

Такое решение проблем малых народов очень устраивает Россию. В состав Российской федерации входит тридцать одна автономная единица, в том числе 16 республик. И переход их во всесоюзное подчинение если не улучшает, то и ничего не меняет для них. Но если удастся три грузинские автономии перевести во всесоюзное подчинение, можно считать, что разрешится множество кавказских проблем, стоявших в свое время перед русской империей. Первая: если вопросы автономных областей и округов будут разрешены аналогичным образом, то «федерация» будет насчитывать несколько десятков членов и хотя бы на какое-то время окажется гарантированной целостностью русского государства. Формально будут удовлетворены требования малых народов; будет положен конец активному существованию грузинского народа; Абхазия и единая Осетия станут российской собственностью и т. д. Правда, делать такие выводы, исходя из платформы КПСС, казалось бы нельзя. Но некоторые неясности в этом документе вызывают сомнение. Есть опасность, что в процессе трансформации этой платформы в закон кое-что изменится. Тут постараются сами автономии.

Думается, что именно эта идея породила лыхнский «документ», — если он не составлен наверху, то уж точно продиктован оттуда. Это результат взаимного соглашения, ведущий к взаимной выгоде.

Но кто же эти сибариты? Ответ только один — это не

абхазы! Что мне дает право утверждать это столь категорично?

Абхаз не может относиться к грузину с традиционной ненавистью, да еще такой яростной, какую разжигает эта группа на протяжении нескольких десятков лет. Исторических предпосылок для подобной ненависти нет. Грузины никогда не только не угнетали, но и ничем не беспокоили абхазов

Уничтожение Сталиным и Берия в застенках Драндской и других тюрем абхазов и грузин, депортация греков, заселение территории Абхазии имеретинами и рачинцами было акцией политического характера, точно так же, как и депортация ряда других народов в Среднюю Азию и Сибирь. Сталин, как признано руководящей партией сегодняшней России, был «социально-политическим продуктом Октябрьской революции», а не лицом, посланным грузинами с целью осуществления «геноцида» абхазского народа. И если посредством своих приспешников он запретил абхазам учиться на родном языке, это не может служить причиной ненависти абхазов к грузинам, это вина лично «великого вождя». Не будем забывать, что в той мясорубке, которую устроили Сталин и его окружение во имя своих абсурдных идеологических целей и во имя мирового господства русского народа, больше всех других народов Союза пострадал грузинский народ. В чем провинились живущие в Самурзакано, Сухуми, Гагра, Очамчире, Гудаута истинные абхазы, а также сваны, мегрелы и другие грузины перед воцарившимися на их земле сибаритами? Чем обделили они их? Может, не успели в срок преподнести условленную часть награбленных или заработанных потом и кровью денег и добра? И тем самым вызвали их ненависть?

Абхазы — одно из древнейших, генетически совершенных, характеризующихся высоким чувством морали и человеческого достоинства племен. Настоящий абхаз не сможет запереть женщин и детей и перебить их, как скотину. Это могут сделать находящиеся на низших ступенях развития, наполовину дикие люди, и только тогда, когда им затуманят мозги деньгами или пропагандой. Если бы вовлеченные в группировку сибаритов настоящие абхазы имели право голоса, разве могли бы столь беспрепятственно под различными предложениями и даже без них продаваться абхазские земли? Откуда только ни зовут колонистов сибариты, и именно для того, чтоб исчезло даже упоминание о настоящих абхазах.

«Я не видела еще нации, с такой готовностью и радостью поддающейся обрусению». Это слова одной грузинской поэтессы. Мыслимо ли, чтобы отцы народа делали все, чтобы заставить народ забыть свой родной язык и заставить говорить и учиться на чужом языке? Большинство абхазских сибаритов обучает своих детей в русских учебных заведениях, их родной язык — русский. И в Абхазском университете занятия ведутся преимущественно на русском языке. Все это преследует одну цель — искоренить грузинский элемент. Сибариты сами создают условия для того, чтоб абхазы отдавали своих детей в русские школы, а затем обвиняют в этом грузин — они, мол, лишили нас родного языка!

Сибариты — не абхазы, и это доказывает не только вышесказанное. И не только то, что родной язык у них русский. Показательно, что они неправильно называют нацию, к которой себя причисляют, к которой примазываются. Они называют себя по-русски «абхазцами» (то есть живущим в Абхазии, не имеющим к ней отношения чужим семенем), а не абхазами, что означает принадлежность к абхазской нации.

Несколько слов о ситуации, которую сибариты, к своему несчастью, посчитали благоприятной для осуществления своих целей.

Демографы говорят, что племя, народность или народ, численность которых упала ниже критической, обречены в короткое время на исчезновение. Это подтверждается и практикой. Некогда многочисленное племя абхазов пережило тяжелейшие этнические трагедии, уменьшилось в числе, столкновение с чужой цивилизацией нанесло ему большой моральный урон. Думается, все это поставило абхазов перед опасностью вырождения, и они увидели выход в соединении с близкими им племенами по ту сторону гор. Вожди ислама обучили родственные абхазам племена средствам воздействия на угнездившееся в сознании абхазов чувство страха, внушили им, что создание исламской республики на Кавказе возможно только путем разжигания ненависти абхазов к грузинам-христианам и выхода Абхазии из состава Грузии. Если учесть, что руководящие посты в Абхазии заняты «абхазцами», и что с ними породнились и многие коренные абхазы, станет понятным и успех многолетней антигрузинской кампании.

На протяжении последних двадцати лет многие иноземные писатели и писатели-«абхазцы» проявляют живой интерес к этому региону Грузии. Публикуются различного рода

сведения, радиоголоса передают лживую информацию, где всячески пытаются доказать, что грузины не только присвоили абхазскую культуру, государственность и абхазские земли, но и осуществляют геноцид по отношению к ним. Такого рода «обвинениями» пестрят «абхазские документы» последних лет, состряпанные как за рубежом, так и внутри страны. В силу своей профессии я хорошо знаком с мировой литературной и издательской конъюнктурой. Со всей ответственностью заявляю, что издательства капиталистических стран в первую очередь — коммерческие предприятия. Они издадут книги, которые могут иметь широкий рынок. Издадут и такие, которые широкого покупателя иметь не будут, но кое-кто возмещает издательству расходы. Есть и исключения — издание заведомо убыточных книг — шедевров мировой литературы для престижа фирмы. Никому в обиду не будь сказано, думается, что ни одна книга, альбом или брошюра, изданные на абхазскую или грузинскую тему за рубежом, не имеет массового спроса на зарубежном рынке. Издательства не смогут возместить даже расходы на их издание. Тут же надо отметить, что немало средств требует и самоотверженная антигрузинская пропаганда радиоголосов. Если я не ошибаюсь, абхазские функционеры намного богаче других функционеров Советского Союза. И разумеется, они запросто могут приветить своих домашних писателей и за счет казны и за свой личный счет. Но вряд ли у них есть столько собственной валюты, чтоб издать за рубежом убыточные книги или подкупить корреспондентов западных радиоголосов. Кто же финансирует эту «литературу» и радиопропаганду?

Настораживает и то, что сепаратистские силы точно избрали время для своей активизации. Время, когда все население огромной страны испытывает на себе пресс острой критики сталинского режима. Брань и ругань в адрес Сталина косвенно, а то и намеренно, принимают антигрузинскую направленность. В такой психологической обстановке убедить часть абхазов, что грузины профессиональные негодяи, ничего не стоит.

...Как известно, Турция входит в состав НАТО, ее кавказские интересы совпадают с интересами самого блока и определенных кругов США, которые стараются путем разжигания национальной розни изнутри взорвать российскую империю. Противники перестройки, со своей стороны, стараются довести до крайности дестабилизацию в Абхазии, чтоб за-

тем под предлогом того, что грузины не могут сами утрясти свои внутренние национальные проблемы, перевести в подчинение центра наши автономии. Единственным предложением для этого является идущий сейчас в Тбилиси и других городах республики неуправляемый процесс, всенародно провозглашаемые лозунги и призывы некоторых незрелых политиков, которые явно противоречат разумным методам внутренней политической борьбы. Ведь главным аргументом сепаратистов-«абхазцев» является то, что Грузия хочет выйти из состава СССР, а абхазы этого не хотят.

Угроза террористов-«абхазцев» — мол, мы вам устроим вторую «Фергану» — наводит на одну интересную ассоциацию.

В практике терроризма существует правило — если во время операции убит главарь или один из членов группы, террористический акт обязательно бывает повторен в ближайшее время. Это многозначительная акция, имеющая характер угрозы — пусть, мол, никто не думает, что мы побеждены. То же самое происходит, если арестован кто-либо по подозрению в терроризме или в случае смерти главы движения. С моей точки зрения ислам отметил смерть аятоллы Хомейни акциями в Фергане, Квемо-Картли, Абхазии и других регионах мира.

К чему стремятся окопавшиеся в Абхазии сибариты и их внутренние и внешние руководители?

Дестабилизация, сопровождающая все эти события, дает врагам перестройки повод для отстранения Горбачева от власти. Дестабилизация устраивает и иностранцев, но с неизменным сохранением у власти Горбачева, поскольку, по их мнению, никто и ничто лучше него не сможет разрушить российское государство. Судьбой Абхазии заинтересована и часть армянской интеллигенции, поскольку уже стало ясно, что азербайджанцы ни за что не уступят армянам Карабах. Эта часть армян пытается теперь перевести Карабах в подчинение центра, таким образом гарантируя безопасность живущих там своих соотечественников. Теперь они издали наблюдают, чем закончится авантюра абхазских экстремистов. Думается, что «абхазцы» учитывают этот молчаливый интерес, и по подсказке своих руководителей считаются с ним. Как мне сказали в Ереване, за несколько дней до абхазских событий сухумские писатели присутствовали на церемонии траура, посвященного жертвам геноцида в Турции. Хозяева засомнева-

лись, с чего это вдруг писатели-мусульмане оплакивают христиан, убитых их же единоверцами. И угадали их намерения вовлечь армян в авантюру, а угадав, отказались принять в ней участие, и писатели-«абхазцы» уехали несолоно хлебавши.

Если в результате таких беспорядков автономия сибаритов достигнет своей цели — подчинения центру, ислам начнет еще более оживленную пропаганду по воссоединению абхазов с горскими мусульманами. Русские подозревают это. И, думается, что их позиция — быть или не быть «советской социалистической республике кавказских горцев» — сформируется в соответствии с международной политической обстановкой и будущих русско-исламских отношений. Тут возможен компромисс.

По мнению вождей ислама и западных политологов, ликвидация русской империи, а значит, и коммунизма, будет происходить ступенчато. Сначала «федерация суверенных республик», а затем «конфедерация независимых государств». Интересно, что такое же развитие событий предсказывает и реалистически мыслящая часть русской интеллигенции. Для выхода из конфедерации нужно не более чем денонсирование договора. К осуществлению этой цели призывают «абхазцев» их зарубежные руководители, но исполнители руководствуются и мотивами личного характера — если не руководство независимым государством, то хотя бы надежда на высокие должности и лавры освободителей. И главное — возмещение расходов на оружие.

Финал легко предугадать. Ислам перешагнет через Кавказский хребет, возьмет в кольцо христианскую Армению и Грузию и уничтожит эти две древнейшие цивилизации вместе с коренными абхазами. А русские навсегда утратят позиции, завоеванные их прозорливыми предками на протяжении трехвековой борьбы с исламом.

Думает ли об этом центр, когда решает проблемы трудовых ресурсов, не учитывая перспективы?

Лично я представляю себе создавшуюся ситуацию и цели сепаратистов-«абхазцев» именно так. Я с удовольствием выслушал бы и другую объективную точку зрения.

Немного о тех методах и средствах, которые с целью присвоения Абхазии использовали и используют кровные враги Грузии.

То обстоятельство, что абхазы долгое время были осво-

бождены от несения воинской службы, способствовало переселению сюда чужаков и «превращению» их в абхазов. По этой же причине и грузины в массовом порядке записывались абхазами. Известно, что исторически грузины составляли большую часть населения Абхазии. Заселение ее территории людьми другой национальности одинаково устраивало и русских, и ислам: ислам потому, что он был заинтересован в росте магометанского населения, а русских — поскольку они были заинтересованы в росте населения славянского происхождения, способного противостоять грузинскому большинству. в обрушении абхазов с целью отрыва их от грузинской культуры и устранения оснований для требования присоединить Абхазию к Кутаисской губернии. Это был, можно сказать, подготовительный этап для решения будущих задач, этап, удвоивший численность сильно поредевших уже в XIX веке в результате переселения в Турцию абхазов-мусульман. Помимо основных причин, способствовавших созданию республик и автономий, о которых мы говорили выше, надо думать, свою роль в вопросе создания здесь автономии сыграло и новое, увеличившееся за счет мусульман, население Абхазии.

Мероприятия по переселению чужаков на территорию Абхазской автономной республики с целью увеличения так называемого абхазского населения приобрели особые масштабы после ликвидации Россией Грузинской демократической республики. Благодаря русским и грузинским большевикам власть там захватили в основном «абхазцы», которые и уничтожили грузинскую интеллигенцию абхазского происхождения и представителей прогрузински настроенного населения. Вакуум был заполнен грузинами, записавшимися абхазами и выскочками-абхазцами, а в еще большей степени — переселившимися сюда с Северного Кавказа горцами. Последние не скрывают этого. Один из горских литераторов, уважаемый Онал Агирбов как-то в беседе со мной сказал, что брат его живет в Абхазии, он абхаз и носит фамилию Агрба.

Думается, что большинство абхазов, которым нынче дали в руки оружие, именно этого происхождения.

Славянское население Абхазии по своей численности почти постоянно равняется самим абхазам. Этот паритет соблюдается русскими, чтобы в случае чего противопоставить их «абхазцам». Но последние не теряются и время от времени публикуют ложные демографические данные, в последний раз — 83 тысячи! Но и несмотря на это общая численность абхазов,

русских и армян не превышает численности живущих там грузин.

Для того, чтобы привлечь на свою сторону грузин и на стоящих абхазов, сепаратисты прибегают к откровенному шантажу. Это продолжается по сей день. Не запишешься абхазом — не вступишь в партию, не получишь доходного местечка, и наоборот, — запишешься абхазом, а еще лучше, женишься на абхазке или выйдешь замуж за абхаза, или еще каким-нибудь другим путем породнишься с «абхазцем», мафия открывает тебе двери: ты уже «абхазец». Шантаж был всегда и во всем. Если ту или иную должность занимало нежелательное для мафии лицо, его старались подкупить, не удавался подкуп — путем интриг и клеветы освобождались от неугодного начальника.

Шантажом «абхазцы» добились самого привилегированного положения среди автономий. Методика, о которой мы расскажем ниже, прекрасно разработана в нашей стране, а для «абхазца» она запросто осуществима. Благодаря тому, что московские функционеры и члены их семей часто отдыхают в Абхазии, доступ к ним сепаратистам значительно облегчен. Они сближаются с ними, «оказывают им уважение», делятся своими «прорусскими настроениями», завоевывают их расположение и в результате всего этого — «Туземцам надо помочь!» Они многого добиваются в свою пользу и нам во вред благодаря непосредственному вмешательству центра. И если московский функционер задумает оказать уважение автономии или какому-либо ее руководителю, используя тбилисского функционера, последний не посмеет отказаться. Во-первых, потому что это желание центра, а во-вторых, из страха обидеть «абхазца», который может привязаться к нему и строчить на него доносы в центр. Опять же в силу специфики нашего государства потраченные на функционера или членов его семьи шальные деньги не пропадут и в том случае, если этому функционеру дадут коленкой под зад. Так или иначе он останется на орбите и по возможности вернет свой должок...

Интересно, на первый взгляд словно бы лишенное логики, своеобразие нашей жизни: чем больше у тебя денег, тем больше с тобой считаются, тем больше уступают, и тем больше, соответственно, у тебя амбиций. Именно в силу этого неписаного закона абхазские «ученые» получили право писать и публиковать в различных изданиях как у нас, так

и на Западе, лживые измышления, клевету, профанировать науку. Но профессиональному оппоненту запрещено отвечать им даже в собственной прессе. В нашем безумном мире никому нет дела до заступничества за правоту грузин. Не отвечаешь — значит, неправ!

В арсенале всех методов, к которым прибегают мусульмане российского государства, в том числе и «абхазцы», главная роль отводится игре в прорусские настроения. (Истинное отношение к русским — патологическая ненависть — прорывается всегда случайно. Так было, например, в Фергане, так было и в Абхазии). Но тут прорусские настроения несут еще дополнительную нагрузку, они противопоставляются отдельным антирусским лозунгам, прозвучавшим в Тбилиси: мы, мол, хорошие, а грузины — отвратительные. Прием довольно затасканный, но эффективный, русским, возвращенным Сталиным, фальшь нравится больше, чем правда!

Я не раз слышал, что сибариты с целью разжигания еще большей ненависти к грузинам широко используют метод вымогательства, то есть все, кто «делают» деньги, облагаются «данью»: должны делиться ворованными или принятыми в виде взятки деньгами со своими покровителями. Это явление обычное в государственном масштабе, об этом знают все, так что таланты сибаритов здесь ни при чем. Однако разница все-таки есть: «абхазцы» медленно, но верно повышают размер дани. Дань может быть и единовременной, при этом тем, с кого ее берут, объясняют, что, якобы, тбилисские государственные или партийные функционеры неуклонно повышают размеры «дани с Абхазии».

Сепаратисты смогли довести ситуацию в автономии до кульминационной точки, благодаря воздействию на ту сферу психики человека, которую политики называют «комплексом соучастия и единомыслия». Человек посещает то или иное сборище тогда, когда у него нет других источников удовлетворения своего любопытства, или когда он движим чувством протеста. Там он встречает своих знакомых, друзей. Даже если он не разделяет их взглядов, боясь осуждения, он не уходит, слушает выступающих. Ему уже кажется, что он должен пойти туда обязательно и во второй раз, поскольку не пойти значит оказать сопротивление, а ведь решается серьезная проблема. Затем появляется возможность высказаться самому, помочь общему делу, самоутвердиться. Когда в результате длительной настойчивой пропаганды идея низводится до

уровня истерии, непосещение сборищ, малейшее несогласие со взглядами лидера или отличная от них точка зрения считаются предательством. Это уже та разновидность террора, которая превращает демократию в диктатуру личности. В такой ситуации здравомыслящий человек лишен какой бы то ни было возможности призвать массу к разумным действиям — обструкция ему обеспечена. Именно таким путем привели сибариты часть абхазов к геноциду.

Сепаратисты использовали и Фергану. Там, правда, истинной причиной кровопролития явились вечные противоречия между суннитами и шиитами, что никак не подходило для Абхазии. Но международная общественная мысль восприняла события в Фергане как неосознанный бунт отчаявшихся рабов. Сибариты разыграли тот же спектакль, хотя истинной целью вандализма было устрашение грузинского населения и изгнание их с родной земли.

В последнее время сибариты прибегают и к такого рода спектаклям: вооруженные автоматами абхазские террористы стоят вокруг автобуса, в который в панике садятся женщины-абхазки с детьми, с наспех завязанными узлами и домашним скарбом. Все это снимается на пленку разными операторами, в том числе и абхазского телевидения. Разыгрывается аналогия с эвакуацией турок-месхетинцев. Совершенно ясно, для чего это делается! Съемка закончена, участники спектакля получают гонорар, автобус развозит их по домам.

Недавно абхазское телевидение устроило встречу с представителями «народных фронтов» национальностей Северного Кавказа, которых заставили выступить с резкими речами. Но, как оказалось, это была очередная фальшивка, правда, ее можно расценить и как попытку создания исламского блока против христианства. Как видно, сепаратисты возлагают на него немало надежд.

Ясно, что рассмотренная нами методика борьбы разрабатывалась не местными сибаритами. Авторы находятся в другом месте. Какова ситуация в Абхазии и вокруг нее — об этом достаточно писалось и пишется в грузинской прессе. Поэтому я воздержусь от собственной оценки, скажу только, чего ждет грузинский народ от своих руководителей.

В целях самосохранения, в виде эксперимента, государство обязано кардинально изменить свою политико-экономическую систему, поскольку на протяжении семидесяти лет оно не только не смогло удовлетворить материальные и социаль-

ные потребности своего народа, но и оказалось беспомощным перед поставленными научно-технической революцией задачами. Перестройка сейчас в стадии хаоса и анархии, и это еще более усиливает дестабилизацию в стране.

Абсурдная политика партии большевиков (или увлеченной русификаторскими идеями ее части) игнорировала национальные интересы народов, входящих в состав Союза. Численность народа-поработителя в некоторых республиках превышает численность коренного населения и ставит его перед угрозой вырождения. Вместе с другими факторами это подняло народно-освободительные, сепаратистские движения по всей стране на уровень, угрожающий существованию империи, на что народ-поработитель и правящая партия не смогли ответить ничем, кроме как дальнейшим раздроблением территорий. Стихийна ли вспышка межнациональной розни и национальных требований, или они искусственно разжигаются, но правящая партия, ловко воспользовавшись ситуацией, под предлогом удовлетворения интересов малых народностей объявила открытым союзный договор 1922 года для желающих войти в союз в качестве отдельных административных единиц.

Если вышеприведенные гипотетические рассуждения могут быть взяты за основу для программы действий, то политика руководителей грузинского народа по отношению к «абхазцам» должна заключать в себе следующие мероприятия:

В первую очередь мы должны вступить в открытую официальную дискуссию с сибаритами, противопоставить всем их претензиям наши аргументы при обязательном участии объективно настроенных медиаторов; желателен пригласить в комиссию и иностранных специалистов; четко сформулированные выводы дискуссии обязательно распространить по русским и иностранным каналам информации.

Следует значительно увеличить число абхазов прогрузинской ориентации в руководящем составе правительства республики и других официальных учреждений, правительство Абхазии и учреждения комплектовать по принципу численно-долевого участия населения (кондсминиум), с преобладанием числа абхазов прогрузинской ориентации.

Необходимо в кратчайший срок выполнить данное правительством Грузии обещание беспощадно наказать всех виновных. Для этого административные органы республики должны тщательно расследовать не только вину непосредственных участников вандализма и их подстрекателей, но и то, откуда и

как попало к террористам оружие, какими иностранными или внутренними связями была осуществлена организованная на профессиональном уровне авантюра. Объявить беспощадную борьбу всем тем «абхазцам» и представителям других национальностей, проживающих в Грузии, кто будет уличен в попытке представить абхазские события как стихийную вспышку или протест социального характера.

Совместными усилиями административных органов и общественности выяснить происхождение сибаритов, пути приобретения ими состояния, и в случае обнаружения компрометирующих материалов применить закон или экспорцию из Грузии.

Обеспечить проведение вступительных экзаменов нынешнего года в Сухумский грузинский университет, нормальную работу всех кафедр, функционирование грузинского театра.

Создать нормальные условия для беспрепятственной работы грузинских редакций на абхазском телевидении и радиовещании, устранить заранее запланированные технические «неисправности» грузинского канала телевидения.

Восстановить в Абхазии грузинские топонимы. На всех указателях и вывесках и по-русски и по-грузински писать грузинские топонимы.

Если наше правительство не сможет все это осуществить, наши национальные объединения должны найти общий язык, распределить функции, разработать планы и начать активные действия. Вместе с тем мы должны помнить, что входим в состав СССР и на нас распространяется его юрисдикция, что мы и должны максимально использовать в эти трудные для нас времена. Мне кажется, что с помощью массовых мероприятий мы можем вмешаться в работу грузинского правительства только в том случае, если ему мешает центр или если какое-либо республиканское учреждение проявляет беспечность или равнодушие к судьбе грузинского народа, к его жизненным интересам.

Все написанное мною продиктовано моей любовью к отечеству, моим неоплатным долгом перед предками, и если я в чем-то здесь согрешил, я покорно склонюсь перед судом их или моих современников.

Перевод Наны ДВОРАКОВСКОЙ

Борис ЗАХАРЬИН
Александр ПЯТИГОРСКИЙ

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ МАХАТМЫ ГАНДИ

Второго октября 1869 года в Порбандаре, в Индии, родился великий человек Мохандас Карамчанд Ганди. Он родился в семье премьер-министра небольшого государства, в купеческой касте бания, в роде Ганди, в общине, говорившей на гуджарати и исповедовавшей вишнуизм — одну из главных индуистских религий. В 1948 году он был убит своим соотечественником, религиозным фанатиком, националистическим экстремистом. За свою долгую жизнь Ганди совершил мно-

В моем архиве около двадцати лет хранилась верстка статьи моего друга Александра Пятигорского (со вторым автором статьи я не знаком лично), живущего ныне в Лондоне и преподающего в Лондонском университете индологию. Написанная в свое время для журнала «Вопросы философии» и не напечатанная в нем в наступавших тогда условиях «всеобщего оледенения», она, как мне кажется, имеет самое живое отношение к нашим сегодняшним национальным проблемам и будет интересна для читателя, для всей грузинской общественности. Мыслящего человека не может не затронуть рассмотренный в ней пример позиции мыслителя, философа в борьбе своей страны за национальную независимость и государственность.

Добавлю от себя немногие разъяснения. Ясно, что Ганди искал не только справедливости для своего народа, но и понимал,

жество политических действий, направленных на освобождение, развитие и процветание Индии. Он написал очень много книг и статей, очень много сказал и сделал. Уже при его жизни появилась необъятная литература о нем: с каждым годом ее объем возрастает лавинообразно. Люди писали и пишут о жизни Ганди, о его борьбе, его мыслях, о его отношении к разным людям и о своем отношении к нему. Даже весьма краткий труд о гандийской литературе составил бы толстую книгу.

Трудно говорить о «философии Ганди» в том смысле, в каком мы привыкли говорить, когда речь идет о европейском мыслителе. И это прежде всего потому, что само понимание «философии» в Индии имело совершенно иное культурно-прагматическое (а не только концептуальное) содержание, совершенно иное субъективное и объективное значение, нежели понимание «философии» в Европе. В Европе почти всякий философ, даже признавая свою зависимость от предшественников или свою генетическую связь со школами и системами прошлого, всегда стремится осознать сделанное им как нечто настолько новое, исключительное и представляющее собой определенный «шаг вперед», что это дает ему возможность

что независимая, самостоятельная государственность — условие развития гражданского, политического сознания его соотечественников, их просвещения, способности сознательного участия в Судьбе, а не глухой, полуживотной жизни. И, конечно, поэтому тянул он нить всего невыраженного, всего бьющегося в двери Бытия к духовной традиции, к свету Истины и Пути (а вернее — путей) к ней. Для него «национальное» могло быть только единством, духовной твердостью личности, образовавшимися вокруг необратимо пройденного пути придания высшего смысла пути индивидуально различного, каждый раз своего, но в Одном и к Одному, ставшему теперь несводимой и неотделимой от человека, от индивида реальностью.

Вообще для философа единственное место встречи и диалога с народным, национальным (в том числе, и в себе самом) — это язык религиозной символики, развитое религиозное сознание. Оно предположено, иначе даже разговаривать нельзя (или просто нельзя даже сформулировать философской задачи относительно «нации» и «национального сознания»). В относящемся к нам случае это — христианство. Но все символическое содержание Евангелия очерчивается четырьмя словами, говоряемыми Христом о себе, о Боге: Я — Путь, Я — Истина, Я — Жизнь.

противопоставить себя тому, что было и есть в философии вообще. И, по существу, только такое противопоставление дает ему возможность для самоотождествления себя как философа. В то же время и современники и философы последующих поколений также оценивают его значимость, да и вообще его существование в зависимости от того, насколько новым был сделанный им шаг в эволюции философской мысли. (При этом, разумеется, эволюция рассматривается как неоспоримо постулируемый механизм существования философской мысли во времени).

В индийской же культуре мы встречаемся с совершенно иным типом понимания «философии». Человек считает себя (и считается другими) философом, прежде всего постольку, поскольку он отождествляет себя (и отождествляется другими) с традицией, с тем, что было до него. И не просто до него, а как бы «изначально», ибо, согласно классическим индийским представлениям, «эволюции идей» вообще не существует, вся полнота философского знания была дана в глубокой древности в таких текстах, как Веды, Упанишады, буддийские сутры, джайн-

Из них ясно, что вяжущий и этим оживляющий акт откровения состоит не в установлении внешней власти над миром, не властвовании принуждением, а во властвовании так, как властвует и неумолимо утверждает себя живая Истина или Правда, включающая в себя и твое, личное усилие и освобождение, твой подвижнический путь к ней, овладение собой и преобразование себя в ее свете. И в этом все дело. Вот почему и заповеди-нормы, исторически формулируемые в Евангелии, расшифровываются сведением их собственно к двум, отнюдь не внешним: к заповедям свободы и вечной жизни! Отсюда мы можем понять отношение патриотизма и истины (как, например, в случае Ганди, описываемом в предлагаемой статье), можем понять аксиому всякого здорового и взрослого патриотизма (того самого, который не может стать «последним убежищем негодяя»): над родиной и выше ее стоит истина, правда, «мировая мера». Ибо без нее, без страдальческого ее света мы, люди, можем за «родину» принимать состояние рабства в цепях своекорыстных привидений, рождаемых темными идолами крови, почвы и страсти и отталкивающих всякий духовный смысл, вскую свободу.

ские агамы. Последующее же «движение» (мы поэтому здесь специально не говорим «развитие») выражается лишь в различных экспликациях, скрытых в этом знании положений (отсюда, в частности, полное пренебрежение традиционным индийцем не только авторским приоритетом, но и самим авторством: ни один философ индийской древности никогда не ставил своего реального индивидуального имени). И сам Ганди не считал, что у него есть своя философия, ибо полагал, что реализует в себе одну из сторон древней традиции. Однако для Европы он был современным человеком (не менее современным, чем Толстой), и через него некоторые черты древнеиндийской традиции были восприняты как нечто самостоятельное, современное, истолковываемое в терминах европейской этики и философии. Отсюда неизбежная аберрация (то же самое, впрочем, случилось в западном мире и с йогой Вивекананды), многократно усиленная за последние десятилетия многочисленными политическими импликациями его имени.

Поэтому, как нам кажется, с точки зрения истории философии было бы вполне допустимо рассматривать «философию Ганди» именно как его индивидуальный вариант традиционной индуистской философии, полностью отвлекаясь при этом от «философии гандизма»¹.

В этой заметке мы хотим очень кратко написать только об одном — философском осмыслении Ганди самого себя, своей жизни, того, что он считал самым важным в своей жизни и в жизни вообще. Мы хотим очень кратко написать о том, чем была философия в нем, ибо любая идея, традиционная или новая, будучи воспринята им, тут же становилась его собственной и совершенно особой. И поскольку мы в написании этой заметки исходим только из этой, чисто прагматической задачи, то заранее просим прощения у читателя за то, что об очень многом мы вообще не будем говорить, а многого лишь коснемся. И потому мы оговариваем здесь также и то

¹ При этом мы вообще нисколько не оспариваем правомочность употребления этого понятия (хотя сам Ганди относился резко отрицательно к термину «гандизм» и считал себя просто индуистом), полагая, однако, что оно гораздо более принадлежит истории индийской общественной мысли, нежели истории индийской философии.

обстоятельство, что совершенно опускаем гандийскую библиографию, равно индийскую, советскую или мировую.

Во введении к своей автобиографии, написанной в 1925 году², Ганди говорит, что вся его политическая деятельность, его репутация «святого» и прозвание «Махатма» не имеет для него никакого значения. Нам кажется, что для нашего понимания личностной философии Ганди это высказывание, истолковываемое семантически и идеологически, имеет очень большое значение. Его смысл мы понимаем следующим образом. Ганди знал, что его политическая и общественная деятельность имеет огромное значение для Индии и человечества, и что как таковая она имеет значение и для него, но что она не имеет ровно никакого значения для Него, то есть для его «Я», которое во всякой индуистской философии обладает столь высокой духовной ценностью, что никакая ценность никакой мирской деятельности просто не может быть с ней сопоставлена. Но означает ли это, что человек не должен действовать в мире? Напротив, по мысли Ганди, это означает, что он должен действовать в мире, что он должен действовать изо всех сил и до последнего мига жизни, но что при этом своему действию и самому себе, как действующему, он не должен придавать никакого значения. Конечно, эта идея была воспринята Мохандасом Ганди уже в зрелом возрасте, и он ее ретроспективно обращал на факты, обстоятельства и переживания прошлого, однако она была теснейшим образом связана с поведением и внутренним опытом его юности и даже детства.

Детство Ганди прошло в сугубо ортодоксальной индуистской среде, в монотонной атмосфере индийской провинции 70—80-х годов. Судя по его собственным словам, он средне учился, ничем особенно не выделяясь среди сверстников, был малообщителен и не особенно любознателен. В отличие от

² Оригинальное издание на гуджарати вышло в 1925 году. Первое английское издание отдельной книгой — в 1927 году. Название стандартного однотомного английского издания: *An Autobiographi or the Story of My Exprimets with Truth* by M. K. Gandy, trans. by Mahadev Desai. Navajivan Publishing House, 1954 (1940). Русский перевод М. К. Ганди. Автобиография. М.

ряда своих выдающихся соотечественников он не получил практически сколько-нибудь серьезного индуистского образования в детстве и юности. Он, по-видимому, просто взял из нее нечто очень важное, что потом весьма долго перерабатывалось, видоизменялось, пока не выявилось гораздо позднее и уже на чужбине как сознательная приверженность индуизму.

В подтверждение бесспорной мысли о том, что среда человека — это не столько то, что его окружает, сколько то, что он сам воспринимает из окружающего, мы отметим, что Ганди (по его собственным словам) воспринимал две вещи, ставшие основными в его ранней жизни: быть правдивым и служить своему старому и тяжело больному отцу. И это не сентиментальная подробность нравоучительного рассказа о великом человеке, а в некотором роде первые проявившиеся черты его личности, не ранний идеал, а начало самой его жизни. Мы думаем, что для облегчения понимания личностной философии Ганди следует полностью отказаться от некоторых привычных оценочных клише и метафор.

К Ганди особенно не применимо ходячее выражение, что его «жизнь была воплощением его идеалов». Скорее гораздо правильнее было бы сказать, что его идеалы, поскольку, разумеется, он о них говорил и писал, были лишь неточным и неполным отражением самой его жизни. Как недавно весьма остроумно заметил один эстонский индолог, автор последней вышедшей в нашей стране статьи о Ганди: в Европе было принято судить о мыслителе и человеке прежде всего на основании того, что и как он написал или сказал, в Индии же — прежде всего на основании того, что он делал, как он жил. (L. Mäll. Saateks, M. Gandy. „Maailm on väsinud vihkamast“, Tallin, 1969). Мы позволили бы себе предположить, что именно такова была в самом деле глубинная прагматическая направленность всякого традиционного индийского умозрения. И поэтому каждого великого человека там рассматривали как вариант «святой жизни». И если его действительная жизнь не соответствовала традиционному стандарту «святой жизни»³, то это было уже как бы равнозначно тому, что он

3. Surama Dasgupta Development of Indian Ethics. London, 1965. В индуистской и, особенно, буддийской этике «великим» (или «святым») человеком считался не тот, кто ведет себя не

ничего и никогда не написал и не думал уже просто потому, что его никто и никогда не читал и не слушал. И действительная жизнь великого человека являлась, таким образом, индивидуальной интерпретацией этого стандарта. Потому-то нам и думается, что описывать жизнь Ганди следует, исходя именно из индийского традиционного стандарта духовной жизни, условно отвлекаясь при этом от наших представлений как о наших собственных стандартах, так и от любых иных.

Каковы же черты этого стандарта, столь полно и четко реализованного в жизни Ганди?

Первую из этих черт мы назвали, отвлекаясь от соответствующей санскритской терминологии, абсолютно неадаптивным поведением. Сначала мы попытаемся привести в соответствие индуистское и европейстическое понимание адаптации. Адаптация в эволюционистской (дарвиновско-спенсеровской) трактовке предполагает выработку и реализацию такого типа поведения, который может обеспечить продуктивное взаимодействие особи со средой, результирующее в сохранении и развитии вида. Идеал человеческой адаптации — управление средой. В обоих случаях имеется в виду направленность (осознанная или бессознательная) к среде, ориентированность на среду. В индуизме и буддизме понятие адаптация (бандха, буквально — «связь») гораздо шире. Оно предполагает прежде всего приспособление человека (в принципе же любого живого существа) к самому себе, то есть сознательную и бессознательную ориентировку поведения на удовлетворение чувственных потребностей индивида, при полном отвлечении от объективного аспекта проблемы («сохранение и развитие индивида и вида»). И, таким образом, идеалом человеческой адаптации здесь будет управление самим собой (что уже само по себе явно выходит за рамки эволюционистского понимания адаптации).

Чтобы выяснить, что такое «неадаптивное поведение», мы обратимся к одному древнеиндийскому первоисточнику и к нескольким, весьма специфическим примерам из жизни Ганди.

по стандарту обычного человека, а тот, кто ведет себя по стандарту великого человека. Абсолютный этический позитивизм очень существен для индийской культуры в целом. Таким образом мы здесь имеем дело как бы с двумя видами нормального поведения: нормальное поведение нормального человека и нормальное поведение великого человека.

Когда Ганди было около восемнадцати лет и он собирался отплыть в Англию, чтобы завершить там свое образование, совет общины бания в Бомбее постановил, что если он покинет родину, то будет навсегда исключен из касты. Для выросшего в традиционной обстановке индийца даже смерть была бы меньшим наказанием, ибо отныне не только он сам, но его жена и дети становятся в некастовыми, практически приравниваются к «неприкасаемым», оказываясь, таким образом, на самом дне индийского общества. Это особенно подчеркивалось и тем обстоятельством, что Ганди вскоре собирался возвратиться в Индию и работать там практикующим адвокатом. Казалось бы, даже высшие интересы его деятельности требовали отменить или по крайней мере отложить этот отъезд. Однако Ганди, несколько не колеблясь, принял решение сделать так, как он считал нужным, идя открыто против традиционной среды, и не потому, что он ее этически отрицал, а потому, что полагал следование своей истине ценностью более высокого порядка. Прошли десятки лет, и когда его коллеги по руководству партией «Индийский Национальный Конгресс» поддержали идею голосования по кастовым куриям, что не только по их мнению, но и в силу объективного положения вещей в тогдашней политической ситуации казалось совершенно необходимым, Ганди решительно выступил против этого. Когда же его оппоненты заявили ему, что в случае голосования без кастового разделения партия может потерпеть поражение, Ганди сказал, что победа его партии не будет иметь никакого смысла, если она одновременно явится поражением его истины.

Теперь вернемся к его юности. Когда Ганди приехал из Бомбея в Англию, то почти все друзья буквально умоляли его есть мясную пищу, ибо этого требовал не только уклад английской жизни и специфика английской кухни, но и состояние здоровья юноши, попавшего в совершенно чуждые ему климатические и бытовые условия. Но Ганди категорически отказался есть мясо, полагая, что в данном случае верность индийской традиции, подкрепленная клятвой, данной перед отъездом матери, имеет большую нравственную ценность, нежели требования среды, комфорта и состояние его здоровья. (Впоследствии эта ситуация повторялась в гораздо более трагических обстоятельствах, когда тяжело заболел сын Ганди Маниал или когда возникла угроза смерти жены Ганди).

Интересно, что с «Библией» неадаптивного поведения, то

есть с текстом Бхагавадгиты⁴ — замечательным образцом древнеиндийского эпического философствования, — Ганди по-настоящему впервые познакомился тогда же в Лондоне, хотя в детстве неоднократно слышал об этой великой книге⁵. К сожалению, пересказать эту книгу здесь невозможно, и потому мы остановимся на некоторых ее идеях лишь постольку, поскольку это необходимо для расшифровки понятия «абсолютно неадаптивное поведение», как существеннейшей черты древнеиндийского стандарта духовной жизни. Начальный и вместе с тем центральный эпизод книги таков.

Близится финал многолетней распри двух враждующих родственных кланов — Кауравов и Пандавов. В ожидании последнего и решающего сражения обе рати стоят друг против друга на поле Курукшетра.

Военачальник Пандавов старый воин Арджуна выехал на середину поля, чтобы осмотреть свое и вражеское войско. И в этот момент в нем происходит удивительный духовный переворот. Он чувствует, что не может сражаться. Он впервые в жизни чувствует отвращение к убийству, к своему традиционному кастовому занятию — войне, и он в отчаянии говорит своему колесничему, богу Кришне⁶, что не будет сражаться, что ему не нужна победа ценой убийства и крови («...лучше я нищим буду скитаться, прося подаяния»... — заметим, то есть потеряв положение и касту!). И Кришна, отец и вдохновитель всех отрекающихся, поощряющий всякое оставление, покидание, всякий уход... вместе того, чтобы благосло-

⁴ Бхагавадгита входит в шестую книгу «Махабхараты» — семнадцатитомной эпической поэмы на санскрите, завершившейся созданием в последние века до н. э. К настоящему времени вышло около двухсот переводов Бхагавадгиты на разные языки. Первые Ганди познакомился с книгой в переводе сэра Эдвина Арнольда. Русский перевод см. «Махабхарата» II, Бхагавадгита, перевод и комментарии Б. Л. Смирнова, Ашхабад, 1960.

⁵ Когда отец Ганди — Карамчанд, умирал, он попросил ученого брахмана часами читать ему Бхагавадгиту. После убийства Мохандаса Ганди эту книгу читали над его телом и передавали по радио.

⁶ Кришна — один из аватаров (божественных воплощений) бога Вишну, покровителя рода Ганди. Личным богом Мохандаса Ганди был другой аватар Вишну — Рама. Умирая, Ганди произносил имя Рамы.

вить Арджуну в его новых чувствованиях и исканиях, отвечает ему: «Не будь малодушным. Сражайся». Почему? Ведь уход Арджуны с поля сражения, казалось, и явился бы примером «неадаптивного поведения»? Вот здесь-то и содержится разгадка тайны древнеиндийской этики, равно индуистской, буддийской или джайнской. Ведь, с одной стороны, ситуация («сражение»), кастовая принадлежность, традиционное воспитание и внутреннее мироощущение Арджуны — все это требовало, чтобы он сражался, и пойти против всего этого и значило бы пойти против приспособления как во внешней среде, так и к своему устоявшемуся внутреннему миру. Но ведь, с другой стороны, переворот в Арджуне уже произошел, новая ситуация уже возникла. И, таким образом, с точки зрения абсолютной неадаптивности (которую в книге и выражает Кришна) Арджуне следовало действовать, отказавшись уже от новой ситуации, уже и от себя иного, нежели то, чем он был прежде. Ибо концепция абсолютной неприспособляемости, провозглашенная в Гите и последовательно проводимая Мохандасом Ганди в течение всей его жизни, означает принцип действия, непрестанной активности, абсолютно вне зависимости как от внешней, так и от внутренней ситуации, абсолютного отрыва от мотивов и целей: если человек действует, будучи связан желанием, ожиданием результатов, то действие его неправильно и не есть истинное действие, незаинтересованное действие (*desinterested action*).⁷ Более того: чем менее перспективно, результативно действие, тем в большей степени человек должен дейст-

⁷ Иными словами здесь противопоставляется «акция» и «реакция». Любая реакция уже сама по себе не может являться «чистым действием» (*Ture action*). Пожалуй, наиболее ярким примером «незаинтересованного», «нереактивного» отношения к жизни в смысле Бхагавадгиты может послужить истолкование Мохандасом Ганди его нравственной позиции во время англо-бурской войны. Внутренняя цель рассуждений Ганди по этому вопросу такова: буры достойны осуждения за то, что гораздо хуже, чем кто-либо другой притесняют индийцев и негров; но они достойны симпатии, поскольку, будучи сами притесняемы, борются за свои права. Но поскольку индийцы Южной Африки борются за свои права в рамках британской империи, то они, имея в виду и первое и второе, незаинтересованно принимают сторону англичан.

вовать, отказавшись от всех связей (бандха) и плодов действия (пхала)⁸ и исходя исключительно из истины (сат, сатъя). Однако для правильного понимания этики и философии Ганди остается чрезвычайно существенным и другое обстоятельство. Последовательно придерживаясь учения Бхагавадгиты, Ганди никогда не отождествлял индивида с тем, что он делает. Более того, он неоднократно подчеркивал, что в каждом человеке существует «человек сам по себе», который всегда будет «равен самому себе» вне зависимости от совершенных им поступков. То есть что существует Вечное «Я», не оскверняемое и не очищаемое действиями, «Я», к которому каждый должен относиться с неизменным уважением.

Уже с ранней юности в Ганди жило ощущение априорного (то есть возникавшего еще до возникновения соответствующей жизненной ситуации) противодействия всему тому, что связывало его поступки с чувственным желанием («если хочу», значит, уже действует связь, значит, надо вести себя иным образом). И любой духовный или нравственный обет он рассматривал прежде всего как факт, противодействующий силе чувственных связей человека с внешней ситуацией и с самим собой. Здесь мы позволим себе разъяснение, которое бы помогло читателю понять специфический смысл слова «обет» у Ганди. Дело в том, что в европейской этике «обет» понимается прежде всего, как некоторое ограничение свободы воли. Ганди же полагал «обет» высшим проявлением свободы воли и вместе с тем важнейшим орудием освобождения человека от влияния внешних условий и обстоятельств. Ибо только «приняв обет», человек может вести себя установленным им образом, «не смотря ни на что».

Ну, а что же тогда «истина», исходя из которой следует действовать? Здесь мы подходим ко второй черте индуистского духовного стандарта — «абсолютной истине».

Книгу о своей жизни Ганди назвал «История моих экспериментов с истиной». Название удивительное: в нем почти все, что есть самого значительного в его философии. Почему? Потому, что он полагал, что истина есть. То есть что она не яв-

⁸ Нам представляется оправданной аналогия древнеиндийского понятия «связи» понятию «адаптация» в современной (особенно бихевиористской) психологии и экологии. В то же время понятие «плод» приближается по своему значению к понятию «мотивационно-целевой сферы» (особенно у Ж. Пиаже).

ляется чем-то, что необходимо найти, обнаружить, искать. Искать истину так же нелепо, как искать свою собственную жизнь, ты же живешь — значит она есть. Но надо войти в истину, если ты не в ней. И надо оставаться в ней, если ты в нее вошел. Истина по Ганди — это не вечная приверженность какому-то вечному абстрактному принципу. Нет. Его понятие истины ближе всего к традиционному индийскому понятию Пути (на санскрите — патха, марга), пути к всеохватывающему, божественному абсолюту. Путь есть, но разные люди в соответствии со своей антропософической, социальной, групповой и, самое главное, индивидуальной, личностной спецификой идут по этому пути по-разному, по-своему. И каждый человек на этом пути может идти то так, то иначе, может экспериментировать, то есть пробовать, повторять, возвращаться, проверять. Ибо, кроме того, что есть Истина, Путь, это еще и его истина, его путь.

Но есть по Ганди одно (только одно!) важнейшее предварительное условие. без которого невозможно ни быть в истине, ни экспериментировать с ней, это фактическая правда. Человек должен думать, чувствовать, говорить, писать и делать «Как есть», иначе он даже и не приблизится к обочине своего Пути Истины. А что же делать, если приходится в силу обстоятельств, условий, случая все-таки писать или говорить не то, как ты делаешь, думаешь, чувствуешь? Значит, говорил Ганди, ты неправильно думаешь, делаешь, чувствуешь. Значит, ты попал в обстоятельства и условия, не соответствующие истине. И, значит, как бы это ни было само по себе хорошо, полезно или даже необходимо, ты должен оставить эти обстоятельства и условия и перестать делать, говорить и писать, даже если ты заплатишь за это ценой счастья, здоровья и жизни.

Нам представляется, что именно индивидуальное понимание (точнее — истолкование) Мохандасом Ганди традиционной индуистской категории «абсолютной истины» и привело его к решительному размежеванию с христианской (и особенно протестантской) философией. Молодой Ганди отдавал большую часть своего свободного времени как сначала, в Лондоне, так и позднее, в Южной Африке, изучению различных религиозных доктрин, и в первую очередь религиозных этик. И очень интересно, что наибольшее внутреннее противодействие у него вызывало христианское решение тех проблем, которые в индуизме и буддизме (с известными оговорками) разрешались философски недвойственно, а в христианской теологии —

двойственно. Так, Ганди органически не мог понять, почему в христианстве человек наделен бессмертной душой, а животное нет, почему христианство не исходит из предпосылки «равнодухотворенности» и связанной с ней идеи «живого существа вообще», предпочитая ей идею человека как единственного объекта и образца спасения и проклятия. Более того, «аксиоматический антропологизм» христианской философии, по-видимому, оказался тем толчком, который побудил Ганди в двадцатых-тридцатых годах его жизни возвратиться к более глубокому изучению индуизма, буддизма и джайнизма, в которых «проблема одушевленности» решалась универсально и последовательно, вне зависимости от того, как она решалась, позитивно (в индуизме и джайнизме) или негативно (в буддизме), реалистически (в джайнизме) или нереалистически (в мадхьямике или в веданте Шанкары). Можно сказать, что Ганди был законченным антиантропологистом, для которого, как и для всякого последовательного индуиста или буддиста, человек философски полагался лишь случаем, акциденцией безначального космогонического процесса. Для него «проблема человека» имела исключительно прагматический смысл, то есть существовала лишь в силу того (с точки зрения буддизма, опять-таки случайного) обстоятельства, что сам ты в данном рождении⁹ оказался человеком, а не каким-либо другим живым существом. Такое понимание «истины» предопределило и крайне отрицательное отношение Ганди к «двойственной этике» христианства. Ганди не мог принять идеи существования двух этик — религиозной и бытовой, мирской. Принятие этой идеи было бы для него равносильным принятию идеи двойственности истины. Эта идея была для него абсолютно неприемлема не из-за особенностей его взгляда на мир, а из-за особенности самого его менталитета, ощущения им жизни, самой его жизни. Он обладал, если можно так выразиться, природным этическим универсализмом. Иначе он просто не мог бы жить.

⁹ Здесь следует заметить, что Ганди безусловно принимал древнейшую концепцию переселения души или «Я» живого существа из тела в тело, его странствия от рождения к рождению, регулируемого законом воздаяния возмездия (т. н. «закон кармы»). Однако Ганди никогда не делал упора на этой идее, полагая, что филогенез личности имеет гораздо меньшее значение, чем онтогенетическое развитие воли, сознания и религиозности. Здесь мы можем сослаться на известный «Диалог с буддистом» (Narajan, 8—19, 1939).

Поэтому ему, как и позднему Толстому (которым он постоянно восхищался), были равно чужды и разделение этики, и этическое омерщвление религии. Вместе с тем, опять же, как и Толстой, Ганди отрицал идею любого этического плюрализма равно как и любой иерархии этик, идею столь близкую почти всякому мистическому, эсхатологическому или аскетологическому учению. И в этом взгляды Ганди резко отличаются не только от христианства, но и от веданты, так же, как и от махаянского буддизма. Ганди был глубоко религиозным человеком. Он отождествлял правильное поведение и чистоту жизни и помыслов человека с божественной истиной, а божественную истину с Богом. Но он никогда не считал себя мистиком и не был им на самом деле¹⁰.

Будучи монистом и антиантропологом по самой своей глубинной психологической установке, Ганди не мог допускать никаких дифференциаций и спецификаций ни в этическом, ни в теологическом аспектах своего понимания истины. Поэтому он категорически отвергал любой дуализм средства и цели в этике, полагая, что чистое поведение (брахмачарья) едино и целостно, а сознание средства и цели как отдельных вещей необходимо лишь в дурных целях безнравственных людей или организаций, стремящихся оправдать дурные средства выдуманными целями. (При этом мы осознаем, что оппозиция «средство—цель» является, строго говоря, лежащей в культуре, а не в психологии или мировоззрении современного человека). Отсюда же логически вытекает невозможность этических критериев в теологии, поскольку, как полагал Ганди, они могут иметь смысл только применительно к отдельной личности, каковой не является, с его точки зрения, ни Истина, ни Бог¹¹.

Суммируя все сказанное выше об отношении Ганди к Истине, мы могли бы сказать, что это отношение выражало более его экзистенциальную позицию, нежели мировоззрение. И

¹⁰ Это ни в коей мере не оценка, но объективная характеристика. Постоянные упоминания Ганди о «Внутреннем голосе» не имели для него значения исключительного и сокровенного общения с Богом или потусторонними силами: «Что же тогда такое Истина? Трудный вопрос, но я решил его для себя, считая истиной то, что тебе говорит твой внутренний голос».

¹¹ «Бог — не личность (a person). Он не может быть описан. Он одновременно Создатель Закона, Исполнитель Закона и Самое Закон».

неоднократно подчеркиваемая Ганди его принадлежность к индуизму также выражает его экзистенциальную позицию. Кстати, для человека, родившегося и выросшего в ортодоксальной индуистской общине, сказать, что он индуист, было бы по крайней мере бессмысленным, звучало бы как бессодержательный трюизм: очевидно, всегда будучи индуистом, Ганди осознал свое бытие им лишь в условиях неосознанного выбора (постоянное деловое и политическое общение с европейцами-христианами и мусульманами), то есть в условиях, когда он не смог стать индуистом, потому что и так им был, но мог перестать им быть. Ганди полагал, что его индуизм является его естественным способом отношения к истине, является языком его отношения к истине или даже проще — языком его истины. И отсюда естественным же образом для него вытекала возможность других способов, других языков, каковыми он считал христианство, буддизм, ислам, иудаизм... и даже атеизм, поскольку последний будет содержать позитивную этическую программу. Развивая традиционную идею Бхагавадгиты о множественности путей в истине (именно «в», а не «к»), Ганди в то же время полагал, что для каждого отдельного человека этот путь один. Он должен его найти, ибо этот путь вовсе не обязательно связан с культурой и языком его предков (хотя в большинстве случаев он оказывается связанным с ними, то есть традиционным) — здесь допустим выбор. Но выбор возможен только и исключительно при помощи самосознания, которое Ганди полагал если не единственным, то во всяком случае главнейшим средством «нахождения себя в истине»¹². Именно поэтому утверждения об истинности одной религии и неистинности другой, либо о человечности одной религии и бесчеловечности другой, были, с точки зрения Ганди, вредны и бессмысленны. По его мнению, критерием ценности конкретной религии может явиться только данный конкретный человек.

Таким образом, отдельный человек, индивид для Ганди — это то, что он (то есть данный человек) делает с истиной, что он, как он практически обращается с истиной. При этом явно второстепенным оказывается не только его формальная при-

¹² Здесь уместно оговорить, что самосознание в традиционном индийском умозрении и у Ганди не входит в теорию познания, не входит в философскую систему (даршана), а лежит в сфере интуитивного логического постижения (дхьяна, самадхи).

надлежность к своему этносу или культуре, но даже его приверженность к той или иной религии или системе взглядов¹³

Теперь мы попытаемся в самом общем виде охарактеризовать два понятия, введенные Ганди через воспринятые им черты традиционного индийского стандарта духовной жизни (и описанные нами как «абсолютно неадекватное поведение» и «абсолютная истина»). Этими понятиями являются сатьяграха и ашрам¹⁴. Сатьяграха буквально означает «схватывание истины», «приверженность истине». Практически для Ганди это означало борьбу людей за свою истину. Мы не стали бы рассматривать это понятие, по преимуществу не философское, если бы у него не было особого позитивного смысла, имеющего для нас некоторое философское значение. Дело в том, что сам Ганди, где бы он ни возглавлял борьбу за истину, будь то Южная Африка, Англия или Индия, всегда заявлял, что он борется прежде всего не против колониальной администрации, не против беззакония и бесправия, а за истину. Негативный аспект всегда расценивался им как второстепенный, акцидентальный: он глубоко, мы даже сказали бы, более по-буддийски, нежели по-индуистски, чувствовал, что «добро» и «борьба со злом» — совершенно разные вещи. Всякое отклонение от абсолютного этического позитивизма сатьяграхи рассматривалось им как отклонение от сатьи, Истины. Ибо, как полагал Ганди, истина этически есть нечто абсолютно самодовлеющее, и борьба против чего бы то ни было (а не за истину) автоматически переносит людей в «поле зла», делая их этически незащищенными.

Здесь также было бы уместным разъяснить, что и понимание сатьяграхи как коллективного действия было у Ганди также производным. Сатьяграха есть по преимуществу индивидуальное действие человека, направленное на самоочищение и самопознание. Но в контексте опреде-

¹³ Поэтому, полемизируя со своими христианскими друзьями, Ганди всегда подчеркивал, что выступает не против христианства, а против своего участия в нем, не более того.

¹⁴ Здесь мы еще раз оговариваем, что в соответствии с весьма ограниченными целями этой заметки мы опускаем рассмотрение общественно-политического аспекта этих понятий (весьма для них существенного).

ленных нравственных, социальных и политических ситуаций с атьяграха становится коллективным действием.

Ашрам, по Ганди, в общем значении этого слова¹⁵ означает сообщество людей, которые придерживаются одной истины. Но (и это здесь важнейшее, чисто «гандийское» обстоятельство!) это несколько не означает, что эти люди придерживаются одной истины в силу того, что они оказались в месте и в одном месте. Напротив, ашрам есть ашрам постольку, поскольку каждый из людей, взятых в отдельности, сам придерживался этой истины и только в силу этого оказался вместе с другими. С точки зрения Ганди, никакая физическая, этическая или территориальная общность не связана с общностью истины, так как последняя вообще исходит скорее из самой себя, чем от отдельных людей.

Третьей чертой традиционного индийского стандарта духовной жизни, которая получила сугубо индивидуальный смысл и значение у Ганди, является ахимса или «не-насилие».

Не будет преувеличением сказать, что западный мир познакомился с этим термином лишь в начале 20-го века, причем именно в истолковании и употреблении Ганди, ибо о классическом смысле ахимсы в это время имели представление лишь специалисты-индологи да немногие историки философии. Можно предположить, что в своем древнейшем (доклассическом) значении ахимса восходит к представлениям о табуированности у обитателей Индостана определенных занятий (охота, убой скота) и видов пищи (мясо, рыба, орехи и т. д.). Но уже в период прозаических упанишад (7—5 вв. до н. э.) или даже несколько ранее, ахимса становится объектом концепции у некоторых школ — чисто аскетической (типа: убиение и употребление в пищу мяса вредит созерцанию и сосредоточению отшельников), у других — отвлеченно-этической (типа: нельзя убивать и есть животных, ибо этим наносится вред им самим, как носителям индивидуальных душ или «Я»), — как

¹⁵ В правовой и религиозной литературе древней Индии (т. н. смрити) ашрам — это состояние человека, определяемого его возрастом, общественным положением и индивидуальным статусом его психики. Другой смысл этого слова — «община отшельников».

джаинов). В буддизме хинаяны ахимса, будучи одним из пяти запретов, выступает как общий этический принцип, основанный на убеждении о страшном вреде, который убивающий живое существо наносит прежде всего самому себе, ибо убивающий из-за этого будет жестоко страдать в своих последующих рождениях.

Ганди воспринял и реализовал ахимсу как абсолютный этический принцип, то есть как принцип, по существу выходящий за пределы этики. Более того, пожалуй, вся этика Ганди может быть известным образом выведена из ахимсы. Для Ганди ахимса превратилась из этического запрета на убийство в добровольный внутренний отказ человека от всех поступков, слов и даже мыслей, могущих нанести физический ущерб любому живому существу.

Мы хотели бы обратить особое внимание именно на «абсолютность», которая имеет специфический индуистский смысл. Пожалуй, можно было бы рассматривать две приведенные выше интерпретации ахимсы (ахимса — потому что иначе будет нанесен вред другому, и ахимса — потому что иначе будет нанесен вред самому себе), как уровни относительно ее интерпретации. Абсолютная ахимса это ахимса «непочему» и «незачем», то есть согласно индуистской трактовке некоторая скрытая, невыявленная тенденция, имманентная самой духовной сущности «Я». Согласно Ганди, это прежде всего естественное состояние вещей, противопоставленное искажению природы. И тогда практическая ахимса, проводимая в жизнь Ганди и его последователями, может быть понятна как сознательное восстановление этого естественного порядка, но ни в коем случае — как отрицание какого-то нового порядка, порожденного современной цивилизацией. И в этом существеннейшее различие между этиками Ганди и Толстого. Как вегетарианизм, так и христианская этическая позиция Толстого были по преимуществу негативны и ориентированы на противодействие: отрицается «дурное» в культуре — отсюда отказ от части культуры, от ряда культурных ценностей; другие люди едят мясо животных, что «дурно» — отсюда отказ от мяса; другой человек ведет себя «дурно» по отношению к тебе, а ты в ответ на это веди себя «хорошо» и т. д.

Ганди полагал, что ахимса данного человека это «не ответ» на поведение другого человека или мира, а самостоятельное позитивное поведение. Ганди полагал, что поведение будет лишь тогда абсолютно правильным, когда человек ведет себя пра-

вильно не потому, что враг ведет неправильно, и не потому, что кто-то другой ведет себя правильно, а потому, что он сам ведет себя правильно, абсолютно вне зависимости от поведения других людей и мира.

Нам кажется, что такая точка зрения Ганди очень тесно связана с тем обстоятельством, что в традиционном индуистском умозрении противопоставление — «добро — зло» не имеет столь принципиального характера и столь сильной выраженности, как в европейской и, особенно, христианской этике. Но Ганди при этом считает, что ахимса как таковая должна обязательно включать в себя и постоянную равную благожелательность¹⁶, которая придает ахимсе еще большую позитивность и действенность. Но вместе с тем даже широко пропагандируя идею ахимсы, Ганди всегда подчеркивал ее практическую индивидуальность для каждого отдельно взятого человека¹⁷. Возможно, что именно коренное непонимание единства прагматического и метафизического аспектов ахимсы европейцами и привело к ошибочному представлению о ней как о какой-то категории общественной морали и породило множество совершенно неправильных аналогий и ассоциаций.

Вместе с тем, подводя итог всему сказанному выше, следует заметить, что в гандистском движении ахимса имела совершенно самостоятельное и весьма важное общественно-политическое значение. Но это другая, особая проблема.

В заключение мы хотели бы сказать, что Ганди не был профессиональным философом и никогда не считал себя таковым. Но традиционная индийская философия стала его жизнью, и потому все, что он мыслил, осознал и писал, теперь стало ее вечной неотъемлемой частью. Удивительное влияние, которое имел Ганди на миллионы своих соотечественни-

¹⁶ Это, как нам представляется, сближает ахимсу Ганди с поздней буддийской концепцией «бесконечного благоволения» (каруна) ко всем существам.

¹⁷ Когда в декабре 1896 г. толпа расистов в Дурбане избивала Ганди, то он не позвал полицию (которая была готова прийти на помощь) и затем не подал в суд на хулиганов, полагая, что победит их смирением и благожелательностью. Однако он вовсе не считал такое поведение обязательным для своих друзей и последователей.

ков и на весьма многих европейцев, может быть более связано с огромным обаянием и силой его личности, нежели с характером и объективным значением идей. Но именно через Ганди важнейшие идеи и понятия индийской философии оказались объективно включенными в мировую духовную культуру и стали ее вечной неотъемлемой частью, подобно тому, как на полвека ранее важнейшие идеи и искания русской культуры оказались объективно включенными в мировую культуру Толстым и Достоевским.

ХРОНИКА

В МОСКВЕ, НА КРЫМСКОМ ВАЛУ проходила выставка: Информационно - культурный центр программ Всемирного развития культуры ЮНЕСКО и общественная ассоциация «Движение за массовое творчество» отметили 150-летие фотографии экспозицией Тбилисской художественной фотографии.

«Фото Тбилиси-89» — впечатляющий, своеобразный обзор грузинской земли в море крупных и особо рекламируемых экспозиций выставочного комплекса. Молитва в храме, грузинский танец, свадьба, голодовка на проспекте Руставели — вот далеко не полный спектр реалистических, запечатленных на снимках.

Привлекают искренность и открытость интонации выставки. Особо запоминаются работы Г. Цибахшвили, М. На-

сберга, цикл М. Киладзе, посвященный обители Давид-Гареджи и борьбе за ликвидацию полигона, расположенного близ уникального памятника, трогательная «Кукла» Н. Гигалашвили, фотографии, снятые Ю. Мечитовым после апрельского воскресенья, и среди них, пожалуй, лучшая из всех, сделанных в те дни: на первом плане машина, а рядом — девушка с флагом, — такой необычный и горький парадраз Делакура, пейзажи родного города, снятые Д. Шушаниа, снимки Ш. Айвазова, С. Белоусова. Новички в фотографии и профессионалы: старые и молодые в чем-то удивительно близкие друг другу. Их сближает и объединяет любовь к Тбилиси. Это его, совершенно особое лицо запечатлелось на снимках — слепках времени.

Револьт ПИМЕНОВ

ПАМЯТИ СИМОНА

В апреле 1961-го во Владимирской тюрьме № 2 я познакомился с Симоном Левановичем Гогиберидзе. Он облегчил мое существование — и тогда, там, и позже сознанием, что такие люди бывают. И я испытываю неотступную потребность поделиться воспоминаниями о нем.

Мы оба находились в «камерах бериевцев». Дело в том, что для предотвращения сговора заключенных друг с другом администрация держала меня среди тех, к кому у меня никак не могло бы возникнуть симпатии и кто безусловно ненавидел лиц с такими политическими взглядами. Моими сокамерниками были, например, бывший начальник мест лишения свободы (1945—1953) Мамулов и бывший начальник якутского управления МГБ (1953—1955), до того помощник Эйтингона. Симон же имел сокамерниками упомянутого Эйтингона, организовавшего убийство Троцкого в 1940 и начальника канцелярии Берия Людвигова... И прочие были столь же колоритны. Почему эти лица должны были ненавидеть Симона? Да потому, что, родившись в 1902 Гогиберидзе с юности вошел в ряды социал-демократов Грузии, в 1921 с оружием в руках защищал независимость Грузинской республики (напомним, что ее независимость была признана международными договорами, а РСФСР даже имела свое посольство в Тбилиси), в 1924 участвовал в восстании за независимость, а потом эмигрировал. Ясно, что сго-

вориться с Мамуловым, который как раз от Груз. ЦК подавлял восстание, Гогиберидзе никогда бы не смог. Эти две камеры встречались на прогулках ежедневно до часу, там я и познакомился с Симоном.

Итак, жил он в Париже, работал шофером, кажется даже какая-то семья возникла, но за это не поручусь. В 1940 году бывший премьер-министр грузинского правительства Ноэ Жордания послал Симона проинспектировать подпольные организации социал-демократов в Грузии. Тот перешел границу, несколько месяцев ездил по республике, убедился в полном отсутствии каких бы то ни было организаций меньшевиков, вернулся в Иран, а оттуда в Париж, где и доложил все как есть Жордания. Через пару месяцев его родственники позволили себе начать разговаривать с соседями про благополучно заверченный визит Симона, разговоры дошли до НКВД, и старший следователь по особо важным делам Н. М. Рухадзе — расстрелянный в 1955 году — арестовал его мать за недонесение. Конечно, ей вменили не «недонесение», а «шпионаж», «врезали» 10 лет лагерей плюс пять лет ссылки; умерла она в 1954, больше не увидев сына. Симон же с удовлетворением рассказывал мне, что встречался в одном прогулочном дворике с Рухадзе, когда тот сидел под арестом как бериевец.

В 1942 году немецкая разведка (абвер) забросила агентов в Грузию с целью устроить там восстания против русских. Узнав про это, Ноэ Жордания вызвал к себе Симона Гогиберидзе и произнес:

— Сейчас надо забыть все «измы». Не время бороться с большевиками. Надо спасти физическое существование России.

И отправил Симона Гогиберидзе нелегально противодействовать проискам абвера: авторитет такой агитации может для населения оказаться весомее официальной советской пропаганды. Симон, как и прежде, успешно перешел границу и очутился в Грузии летом 1942. Но, напуганные арестом его матери, односельчане выдали его властям. Конечно, по законам и практике военного времени Симона ожидал расстрел, но было неопровержимо доказано, что он вел хотя и подпольную, но агитацию за Советскую власть. И, перейдя границу нелегально, был не против, а за. Поэтому сталинско-бериевские палачи ограничились тем, что «навесили» на него 25 лет тюремного заключения. Так из тбилисской тюрьмы

Гогиберидзе переместился в тюрьму владимирскую, которую покинул только в 1967.

Правда, были случаи, когда он и раньше покидал эту тюрьму. Так произошло, когда его этапировали в Тбилиси во время следствия над Рухадзе. А второй раз Симон даже ехал в Тбилиси вольным. В августе 1956 года прошла широкая волна освобождения заключенных, сидевших с войны и «за войну». Подпал под нее и Симон Гогиберидзе, которому убавили срок до фактически отбытого и выпустили. Он приехал в Тбилиси, поселился у своей сестры Нины, начал устраиваться в незнакомой ему советской жизни. Но в декабре 1956 к нему пришли, извинились, что, мол, освободили его по ошибке, и вернули доотбывать срок во Владимир — уже по этапу. Я знаю несколько случаев таких издательских «извинений».

Правда, при этом, наверное, Симон мог бы остаться на свободе, ну, если и не в Грузии, то хотя бы во Владимирской области. Подобно Шульгину, который с 1945 сидел в той же Владимирской тюрьме и так же был освобожден в августе 1956, Симону предложили написать «обращение к эмигрантам». Почему-то подобные документы котировались тогда высоко; Шульгина, подписавшего (или написавшего) текст, оставили жить на воле минутах в десяти ходу пешком от тюрьмы, а Гогиберидзе, не согласившегося поставить свою подпись, заперли в тюрьму.

Держался он в камере прямо, не сгибаясь. Без вызова, но твердо. В 1963 году в тюрьму приезжала освобождать меня комиссия из ЦК КПСС, я был ознакомлен с кучей доносов. Не меньше, наверно, писали и на Симона. Впрочем, и друг на дружку, конечно. И нам, кажется, единственным из десяти-рых, кто не писал доносов на сокамерников, было радостью встретиться в прогулочном дворике, обменяться непритворными словами, вспомнить о прошлом, оценить настоящее.

Я освободился в 1963, Симон остался. У нас установилась своеобразная «переписка» через мужа его сестры Петра Ефимовича Жгенти; пара писем Петра Жгенти у меня сохранилась. Все ждали освобождения Симона 24 июля 1967 года, отсчитывая от даты ареста. Но правоведа из Гулага вычли время «незаконного освобождения», и он вышел из тюрьмы только 6 сентября 1967 года. Вот первое письмо Симона мне с воли:

«13.12.1967.

Дорогой уважаемый друг Револют Иванович!

Привет и наилучшие пожелания Вам и большое, преобладающее спасибо за Ваши письма. Они меня очень тронули и были для меня большой моральной поддержкой. Еще раз спасибо от всего сердца.

6/9 я кончил «свои дела» и 2 дня оставался вместе с П. Ефимовичем во Владимире. Посетили Суздаль и другие исторические памятники. Дмитриевский собор — это чудо мировой архитектуры, техники и искусства, наивысшего духовного подъема... Русский народ создал это и он может гордиться им: этот шедевр — гордость не только русского народа, им может гордиться все человечество. Я очень доволен, что познакомился со всеми красотами русской старины. Потом несколько дней мы провели в Москве, я был нездоров и не многое удалось мне увидеть, но самое главное все же осмотрел. Моя мечта — когда-нибудь побывать в Москве и Ленинграде, но это, к сожалению, пока еще мечта. Капиталу в молодости я не накопил, живу у старой сестры-пенсиионерки, и она и другая сестра — жена Петра Еф-ча одели, обули меня, в общем, живу за их счет.

Но это так не может продолжаться. Хочу работать. Кое-какие перспективы есть устроиться переводчиком и готовить для поступления в вуз (языки фр. и немецкий). В общем, в наилучшем случае маленькая халтура, но если и ее не будет, не знаю прямо, что сделать с собою. Вернуться, что ли, туда! И все же я не унываю. Что будет — будет.

Извините меня, что я так долго не сумел ответить Вам: сначала — вопрос прописки, право на проживание здесь и вид на жительство. Все это потребовало много времени и беготни. Теперь все улажено.

Потом — мое расстроенное здоровье: мой организм предъявил мне длинный счет за мои старые грехи (поневоле). Пришлось бегать по разным больницам и клиникам, установление всяких диагнозов, а теперь глотаю массу всевозможных лекарств. Лечусь дома, очень медленно поправляюсь.

Теперь о Вас: я очень рад всем Вашим успехам и уверен, что Ваше имя прославит Вашу Родину и всю советскую науку на весь мир. Мне только остается пожелать Вам крепкого здоровья и все у Вас будет.

Мы — я и моя семья — не богаты, палат и богатств у нас нет, но если Вы соберетесь когда-нибудь в Грузию, то знайте: одна кровать-раскладушка для Вас рядом с моей.

грузинские блюда, вино, фрукты, зелень и прочее всегда большой радостью, от всего сердца будет предоставлено Вам, сколько сумеете съесть и выпить. Тбилиси вырос и стал интересным, так что и для Вас найдется кое-что из духовной жизни Грузии.

Извините за нескромность, но я был бы рад узнать, то Вы уже семейный человек. Так ли? Привет Вам самый сердечный от моих сестер и П. Ефимовича. Еще раз: приезжайте к нам, чем богаты, тем и рады. Пишите только заранее.

Еще раз наилучшие пожелания от всего сердца.

Уважающий Вас всегда

Симон.

Тбилиси, Орджоникидзе, № 74, Гогиберидзе Нине Л.-не.»:.

Вот из его письма от 18 февраля 1968 года:

«...Я, хотя медленно, но все же поправляюсь, чувствую себя несравненно лучше. Есть перспективы, почти уверенность, что работа у меня будет. В общем не унываю, многое увидел, познал; читаю все, что появляется у нас в Союзе для меня интересного; получаю зарубежные газеты и журналы — не хочу отстать от того, что происходит в мире».

В том же году, в октябре 1968, когда я был в Тбилиси на Гравитационной конференции (той самой, где я познакомился с А. Д. Сахаровым, что потом так неожиданно повлияло и на мою и на его судьбу), я повидался с Симоном и Ниной Гогиберидзе в их квартире в доме близ старого почтамта. На следующий год, в октября 1969, я приехал на Геометрическую конференцию со своей женой Вилей и познакомил ее с Гогиберидзе. Она была в Тбилиси впервые, и на нее этот очаровательный город произвел свое чудное впечатление. И самый деревянный дом, и ступеньки, по которым надо было всходить на второй этаж, и эти галереи-веранды, выходящие во двор, полный зелени, и эти просторные полупустые комнаты, в которых жила Нина Гогиберидзе. И самое большое впечатление осталось у нее от Симона, разговаривавшего с нею, сидя подле пианино.

Высокий, прямой, словно бы олицетворяющий самое представление о прямоте и благородстве. Небольшая голова и густые серебряные волосы — чисто серебряные, как представление о серебре, а не о серебряной вещи. И очень грустные черные глаза на белом-белом лице. Не изможденном и бледном, а как-то тоже чуть серебрящемся, у луны бывает иногда такой оттенок.

Он казался растерянным: около двух лет жил в Тбилиси без паспорта — числился лицом без гражданства. Это, в частности, осложняло возможности устройства на работу. Только-только получил перед нашим приездом советский паспорт и устроился с почасовой оплатой чем-то вроде переводчика (но к иностранцам его не подпускали!) в Тбилисском университете примерно тогда переехавшем из старого здания в центре в громадное здание на окраине). У Симона не было чикакого жизненного опыта «простой советской жизни», и он с его прямотой и несколько идеальными представлениями попал в игру без правил. Ни его юношеский мир, ни эмигрантский, ни даже тюремный не знал этих «штучек». И еще ему было трудно понять и привыкнуть, что в Тбилиси невозможно прожить на зарплату. Конечно, переводческой работы давали ему немного, племянница его была преподавательницей музыки, так что естественно, что они были мало обеспечены и без помощи деревенской родни прожить не смогли бы. Симон не жаловался, он просто рассказывал об этом таким кротким голосом. Весь свет и смысл жизни для него в это время сосредоточился на чтении «Нового мира» да на двоюродной внучке Русудан (или Лилико? Простите меня обе, что я забыл!). Он с какой-то гордостью сказал, что каждый день провожает ее в музыкальную школу и из школы домой. И слово «внучка» и слова «музыкальная школа» он произнес так, что, показалось, они осветились тем же серебряным светом.

Потом Симон с Русудан нанес нам ответный визит в гостиницу «Абхазети», где мы с Вилей остановились, но по дурацкому недоразумению портье заверил его, будто такие у них и не останавливались. Потом мы уехали, обменивались письмами. Ему вскоре предоставили однокомнатную квартиру в одной из новостроек Тбилиси. Он не въезжал туда, собираясь достроить квартиру, ибо строители, как всегда, сдали дом с недоделками. Успел ли он пожить в этой собственной квартире? В сентябре 1970-го, когда я находился в калужской тюрьме, Вилия получила от Нины телеграмму о смерти Симона. И, конечно, сестра Симона не поняла, почему соболзнувшая телеграмма от моей жены не была подписана мною...

ТИФЛИССКИЙ ВИЗИТ

В мае 1829 года Пушкин на Кавказе. Его путевые заметки, наброски стихотворений, зарисовки, сделанные в так называемой арзрумской тетради и на отдельных листах, доносят до нас кавказскую жизнь поэта, его наблюдения, настроения, мысли, чувства.

Среди зарисовок встречаются то профили Мицкевича, то изображения Олениных. Это — воспоминания поэта об «оленинском» мае 1828 года, о поездках в Приютино и на пароходе в Кронштадт с Мицкевичем, Грибоедовым, Вяземским, Киселевым... Это — воспоминания об Анне Олениной, в которую поэт был долго и мучительно влюблен и в которой потом так жестоко разочаровался. В черновиках «Евгения Онегина» сохранился уничтожающе-язвительный ее портрет:

Annette Olenine тут была
Уж так жеманна, так мала!..
Так бестолкова, так писклива
(Что вся была в отца и мать).

Вариант:

Так неопрятна, так писклива,
Что поневоле каждый гость
Предполагал в ней ум и злость. (VI, 512, 513)

Предполагают, что эти резкие стихи вызваны отказом на предложение Пушкиным руки и сердца. Нет, это было бы недостойно Пушкина. После «отказа» были написаны самые нежные стихи, посвященные капризной красавице («Я вас любил...»), нарисованы самые прелестные ее портреты... 12 января 1830 года Пушкин счел возможным посетить дом Олениных в Петербурге с веселой святочной компанией... И только после этого появились саркастические «онегинские» строки. Значит, что-то случилось после 12 января 1830 года или, может быть, уже 12 января...

Что именно, нетрудно догадаться. Вчитываясь в эти стихи, видим, как зеркально они отражают насмешливые строки дневника Анеты о Пушкине: «Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и принужденного и неограниченное самолюбие — вот все достоинства телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия».

Попробуем сопоставить

**Дневник Олениной
и Стихи Пушкина:**

«некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум...»
«Арапский профиль, заимствованный от поколения матери»
«растрепанные волосы»
«маленький рост»
«жеманство в манерах»

— «Что поневоле каждый гость
Предполагал в ней ум и злость»
— «Так бестолкова, так писклива,
(Что вся была в отца и мать).»
— «так неопрятна»
— «так мала»
— «уж так жеманна»

Пушкин не включил этих своих стихов в беловой текст, но осколки того зеркала, которое поэт хотел было поднести Анете («Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»), видны из характеристики Татьяны в восьмой главе «Евгения Онегина»: «Без взора, наглого для всех, Без притязаний на успех, Без этих маленьких ужимок, Без подражательных затей...»

Сравните:

«жеманство в манерах»
«неограниченное самолюбие»
«странность нрава природного и принужденного»
«дерзкий взор на женщин»

— «маленькие ужимки»
— «притязания на успех»
— «подражательные затей»
— «взор, наглый для всех»

Зная, как поэт всегда стремился воздавать «мерой за меру», естественно предположить, что строки из дневника Олениной стали ему известны. И не исключено, что их дала про-

читать Пушкину сама Анета. «Есть у меня достоинство — умею невинно бесить», — писала она о себе в своем дневнике.

34935340
2022.01.03.33

Но все это — в 1830 году. В мае же 1829 года воспоминания его другого рода. Ему уже отказано, но «гордая, мучительная дева» еще не забыта, «любовь еще, быть может, в душе» его «угасла не совсем»... Кумир еще не развенчан, и червь сомнения если уже и завелся на самом дне души, то нам, пожалуй, и не разглядеть его в рисунках и стихах 1829 года. Но все-таки попытаемся...

Итак, на Кавказе, на обороте листа с пометой «27 мая. Душет» рисует он А. Н. и Е. М. Олениных, отца и мать Анеты (определены А. Эфросом), рисует серьезно, дружелюбно, без раздражения.

Ниже портреты братьев красавицы: Петр — слева, Алексей junior, младший, — справа. В изображении Петра узнаем его характерный нос, складку полных губ, низкую бровь, выпуклый глаз, тяжелый овал, серповидное ухо. У Алексея, при большом сходстве, более узкий овал, длиннее нос, рельефней ноздря, длиннее и тоньше шея (меньшая погруженность в воротник), не столь тяжела нижняя часть лица; видно, что он моложе.

Рисунок Пушкина на обороте листа с пометкой «27 мая. Душет».

Еще ниже — профиль Мицкевича, частого гостя Олениных в мае 1828 года. Мы узнаем его «миндалевидные глаза», «крылатый разлет его бровей», как бы оттянутых к вискам, «полураскрывшиеся губы» с выступающей, чуть вздернутой, мягкой сердцевинкой верхней губы, «воздетый к небу взгляд», — черты, отмеченные Т. Г. Цявловской в изображениях Мицкевича.

Вверху, составляя с профилем Мицкевича композиционную ось рисунка, проходящую чуть наискось меж портретов четы Олениных — профиль А. С. Грибоедова. Они как бы «рифмуются» — и по расположению, и по неоконченности. Черты верхнего профиля, из коих характернейшая — крупная, рельефная, как бы квадратная ноздря, — согласуются со всей иконографией Грибоедова. Знаком печальный и вместе острый взгляд, складка скорбно поджатого рта. Слегка намечен головной убор персидского сановника: деталь, равнозначная подписи — характерный прием Пушкина-рисовальщика.

Слева от Грибоедова был нарисован еще один мужской портрет. Но потом его «вытеснил» другой: мысль о Грибоедове, первоначально явившаяся в связи с воспоминаниями об «оленинском» мае, забила самостоятельной жизнью, разрослась в отдельную композицию. Слева от профиля Грибоедова Пушкин рисует его тестя, князя Александра Гарсевановича Чавчавадзе, известного грузинского поэта, начальника Эриванской области, генерал-майора. Он легко узнаваем по характерному, прижатому к лицу носу с горбинкой и мягким округлым кончиком, по скошенному к переносью взгляду. Одет он по-домашнему, не в мундир, значит, Пушкин виделся с ним в домашней обстановке, в доме, который он посетил, видимо, сразу же по приезде в Тифлис.

Справа от Грибоедова — молодая вдова его, Нина Александровна, урожденная княжна Чавчавадзе. «Брюлловская» головка, прелестный овал, тонкий грузинский нос, очень маленький рот простого рисунка, — «все тихо, просто было в ней», даже печаль, не выставленная напоказ, но присутствующая в лице каким-то неприметным образом. «Нина оставалась печальна, скрывала грусть свою и тем более вселяла к себе участие», — вспоминал о ней Н. Н. Муравьев-Карский. На рисунке Пушкина она может показаться старше своих семнадцати лет, но уже и в четырнадцать, как вспоминает Д. Ф. Харламова, «она, как все южанки, была уже вполне сложившаяся женщина».

Д. Ф. Харламова, дочь П. Н. Ахвердовой, близкого друга Грибоедова и воспитательницы Нины Александровны, вспоминает: «Около 1829 года посетил и обедал у нас Александр Сергеевич Пушкин, и я его превосходно помню, хотя это было смутное для нас время, после смерти Грибоедова».

Посетив П. Н. Ахвердову, Пушкин тем более должен был нанести визит вдове и тестю Грибоедова. Несмотря на то, что

упоминаний об этом визите в мемуарной литературе нет, факт встречи Пушкина с семейством Чавчавадзе в Тифлисе для многих исследователей несомненен. «Но совершенно правы исследователи, — пишет Ираклий Андроников, — утверждающие, что в те дни, когда овдовевшая Нина Грибоедова и все погруженное в траур семейство Чавчавадзе ожидали прибытия в Тифлис останков Грибоедова, находившийся в то время в городе Пушкин не мог не нанести им визита для выражения своего сочувствия и таким образом познакомиться с тестем и вдовой Грибоедова. Эта мысль принадлежит Георгию Леонидзе».

Ныне эта мысль Георгия Леонидзе получила документальное подтверждение в пушкинском рисунке на обороте листа с пометой «27 мая. Душет». Уже в этот день, 27 мая, «часу в одиннадцать вечера», Пушкин прибыл в Тифлис. В этой трагической ситуации визит вдове и тестю представляется неотложным делом, первейшим долгом. Вероятно, Пушкин сделал этот визит на другой же день, 28 мая. Тогда же, видимо, сделаны и дополнения к рисунку: портреты Нины Александровны и Александра Гарсевановича.

В портрете Нины Пушкин выразил свое восхищение. Казалось бы, в нем нет ничего особенного: простое, милое, скромное лицо с правильными чертами. Но это «ничего особенного» как раз и есть то, что называется — совершенство, — совершенство линий и черт, совершенство души, отраженной в них. Прекрасный облик Нины Грибоедовой в пушкинской зарисовке соответствует всем отзывам о ней современников, обобщенным впоследствии Д. Г. Эристави: «Н. А. Чавчавадзе была одним из прелестнейших созданий того времени. Красавица собой, великолепно образованная, с редким умом, она безусловно завоевывала симпатии всех, кто только был с ней знаком. Все, кто только ее знал, люди самых различных слов, понятий, мнений, сходятся на одном, что это была идеальная женщина».

Но почему Пушкин рисует портреты Нины и отца ее не на другом листе, а именно на этом, вторгаясь ими в уже законченную композицию, нарушая в какой-то степени ее стройность, жертвуя неким мужским изображением, которое первоначально предполагалось необходимым? Может быть, здесь присутствует мысль сравнения, сопоставления «дома Олениных» и «дома Чавчавадзе», противопоставления женского идеала девушке сугубо светской, капризной, избалованной.

которой он был увлечен? Явился идеал и одним своим появлением высветил все темные стороны доселе господствовавшего кумира, подобно тому, как вышеприведенные стихи с Татьяне высвечивают отрицательные черты той, которая была и тороплива, и говорлива, и холодна, и жеманна, в которой все было так не тихо и так не просто. Изображения Анеты

Князь
Александр Чавчавадзе

Нина Александровна
Чавчавадзе-Грибоедова

нет в рисунке, не «привел» ее Пушкин и на светский раут восьмой главы «Евгения Онегина», хотя и намеревался. И тем не менее, незримое ее присутствие и здесь, и там довольно ощутимо. Сама Анна Оленина могла бы себя узнать, если бы захотела, в той, которой поэт противопоставил свою героиню. И, может быть, это противопоставление наметилось уже в данных зарисовках...

...Из Тифлиса Пушкин выехал 10 июня. Встреча, случившаяся на второй день его пути, хрестоматийно известна из «Путешествия в Арзрум». И все же я позволю себе привести здесь эти строки: «Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». Это было тело убитого Грибоедова! Я расстался с ним в прощ-

лом году в Петербурге перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия».

Далее следует прекрасный некролог, где в сжатых строках — вся жизнь Грибоедова, его судьба, его характер. Есть там несколько слов и о Нине Чавчавадзе: «Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов его бурной жизни». Он мог бы сказать: не знаю ничего прекраснее, а сказал — завиднее... В этом слышится многое... В том числе и возвышенное преклонение перед идеальным образом «той, которую любил» Грибоедов, и укор Олениной, Олениным...

«Доброй ночи»

«Всех богатств добытых лучше добыванье доброй славы»

Сражаясь с фашистскими полчищами под флагом французской армии генерала Шарля де Голля, командир 13-й полубригады Иностранного легиона, подполковник Дмитрий Амилахвари пал на поле брани под Эль Аламейном в далекой Африке. Имя его стало легендой в сражающейся Франции.

Передо мной волнующие материалы, в которых рассказывается о его жизни и деятельности. Хранятся они в семье старшего научного сотрудника Тбилисского государственного университета, кандидата филологических наук Зураба Чавчавадзе и получены от гостивших в Грузии французского генерала Пьера де Отфей и его супруги Ольги Николаевны, которые хорошо знали Дмитрия Амилахвари.

Из письма генерала Отфей матери Зураба, преподававшей французский язык в Тбилисском институте иностранных языков, ныне покойной Марии Иосифовне Чавчавадзе:

«Посылаю Вам, как Вы меня об этом просили, некоторые данные о подполковнике Амилахвари, в частности, по поводу его военной карьеры во французской армии: речь идет о статье, опубликованной в феврале 1956 года в журнале «Пари-Матч», к которой я добавлю кое-какие уточнения. Однако я нисколько не сомневаюсь, что статья эта далеко не исчерпывает темы: в ней слишком много литературы и мало реальных фактов. Поэтому я старался найти дополнительные материалы, более полные и точные... Подполковник Амилахвари был убит осколком снаряда а голову 23 октября 1942 года в нескольких километрах от Ур Ла-

бана, небольшого местечка в западной части египетской пустыни. Он командовал 13-й полубригадой Иностранного легиона, одной из самых старых и славных боевых частей Свободной Франции, во главе которой он принимал ранее участие в боях под Бир-Хакеймом.

Непосредственно перед своей гибелью он осуществил операцию на Химейматских высотах, сыгравшую решающую роль в битве под Эль Аламейном. Его похоронили в тот же день, в нескольких километрах восточнее места гибели, в глухой пустыне, неподалеку от командного пункта генерала Кенига, который был его командиром и одновременно одним из самых близких друзей (Кениг — известный французский генерал, в 1954-56 гг. министр обороны Франции — Л. Д.). Отпевание было совершено католическим священником, поскольку 1-я бригада Свободной Франции, в которую входила 13-я полубригада, не располагала православным священником.

Я лично присутствовал на его похоронах, будучи капитаном при штабе генерала Кенига. Впоследствии останки Амилахвари были перевезены на французское кладбище Эль Аламейна, неподалеку от берега Средиземного моря. Это кладбище существует и поныне.

Подполковник Дмитрий Амилахвари, награжденный за проявленное мужество и отвагу высшей наградой Свободной Франции, которую ему вручил генерал Шарль де Голль, был человеком необычной судьбы, всеобщим любимцем и легендарным офицером...»

Из статьи французского журнала «Пари-Матч»:

«— Преклонить колена!

При этой короткой, прозвучавшей из тьмы команде древняя площадь Коетгидамского плаца превратилась в феерическую сцену. Невидимая до этого рампа вспыхнула огнями. 600 выпускников Сен-Сира в парадной форме, преклонив колена, выстроились в каре. Торжественным выкриком прозвучало:

— Подполковник князь Амилахвари!

Это почетное имя избрали для своего выпуска сенсирць (Сен-Сир — высшее военное училище Франции; ежегодно выпуск Сен-Сира присваивается имя какого-нибудь известного военного или название известной битвы, что считается большой честью — Л. Д.).

Коленопреклоненные юноши услышали древнюю команду:

— Офицеры, встать!

И, как один, будущие воины в красно-голубой форме замерли по стойке смирно. Яркий луч прожектора, затмив звезды, выхватил из летней ночи огромное белое крыло архангела, пронзающего демона. Это герб подполковника князя Амилахвари, офицера, сумевшего удивить легионеров. Этому князя-легионера и избрали своим покровителем новые выпускники Сен-Сира.

...Эта летняя ночь, словно храм в момент священнодействия, когда присутствующие с замиранием сердца следят за торжеством. Внезапно в благоговейное молчание врывается пронзительный голос труб и флейт, а под глухой бой кимвалов звучит гимн легиона. И перед шестьюстами французскими офицерами проходит как бы весь увенчанный славой легион с его 50 000 убитых, иностранцев-французов, страдальческие имена которых превратились в легендарные имена, золотыми буквами сверкающие на знамени легиона: Камерон, Бир-Хакейн, Эль Аламейн.

Начинает моросить дождь, но его не замечают. Напряжение растет. И вдруг толпа взрывается громом оваций — как в то утро 14 июля 1939 года, когда она аплодировала, не зная еще его, капитана князя Амилахвари — красивого, как бог, ведущего за собой роту легиона по Елисейским Полям.

И лишь один человек среди этого неистового ликования стоит мрачный, стиснув зубы, с ужасом на лице, как в то октябрьское утро 1942 года, когда он склонился над окровавленным телом Амилахвари. Это легионер Кениг. Он как будто разгневан на героя за то, что тот позволил себя убить. «Будем помнить — мы все смертники, лишь с небольшой отсрочкой», — повторял Амилахвари своим легионерам.

Он так говорил, но в смерть не верил. И знал: смерть не властна над ним. Это было перед высадкой в Норвегии, куда 13-я полубригада была переброшена из Сиди-Бель-Абесса, где она спасалась от жары в тени пальмовых деревьев. И вот они в снегу, на лютom 27-градусном морозе, в шерстяных одеждах, окоченевшие с головы до ног, промерзшие до мозга костей. И лишь только князь Амилахвари как будто не унывает в этой ужасной стране и находит бодрящим ветер, далеко не такой теплый, как в его родной Грузии. И действительно он чувствует себя повсюду хорошо, этот князь, он не страдает ни от африканской жары, ни от холода Коломб-Бешара.

Настоящий кавказец, атлетического сложения, высокого (1 м 85 см) роста с талией, сводящей с ума девушек. 34 года, железное здоровье, капитан, в скором времени — командир легиона... и князь. Он имел все! И к тому же — лихость, изящество, осо-

бая манера носить плащ-палатку, как накидку. От этого все легионеры в восхищении. Все они без ума от него, в полном смысле этого слова. Они носят такие же перчатки, как он. В Ливерпуле они подражают его манере отдавать честь, в Сиди-Бель-Аббесе ходят к тому же парикмахеру. Надо их знать, этих легионеров, готовых отдать жизнь в любой момент и в любом месте, лишь бы их командир был рыцарь, сражающийся за правое дело. А князь Амилахвари был именно таким рыцарем. И дело его всегда было правым.

Его видели в Нарвике. Холод, грязь, собачья погода, ледяной туман, слепящий глаза. А ему не терпится проверить, как обстоят дела перед высадкой. Миноносец уже в ста метрах от берега. И вдруг — бах! — пулеметы немцев начинают обстреливать палубу. Как один, все офицеры и солдаты бросаются ничком, прячутся по углам. А он? Продолжает стоять во весь рост — 1 м 85 см — в своей неизменной плащ-палатке, в гуще огня.

— Ложитесь, господин капитан! — кричит ему один из офицеров. «Если я лягу, то кто же будет смотреть?» И он спокойно продолжает стоять с биноклем в руках, как в театральной ложе. Страшный свист стоит в ушах. А он? Стоит во весь рост, шаг — то вперед, то назад. А пули летят мимо, как бы отскакивая от его плащ-палатки.

И в Сирии мы видели князя. Шарль де Голль послал дивизию Лежентильома на воссоединение с 9-й британской армией. С другой стороны — Денц со своими стрелковыми дивизиями. Две Франции столкнулись лицом к лицу. Амилахвари отказывается действовать. Но Лежентильом недоволен. Он показывает князю секретные телеграммы приказов, которые Денц получает из Виши. В Лондоне Амилахвари говорил: «Я чувствую, что могу послушаться». Здесь он не может. Если он преступит приказ, преступят его и легионеры. А англичане, которым де Голль дал слово, рассчитывают на них. «Хорошо, мы пойдем», — говорит он Лежентильому.

Но вечером на него было страшно смотреть. Никто никогда не видел у него таких скорбных складок у губ и такого землистого цвета лица. В его орлином взоре глубокое отчаяние. Очень уж тяжелым должен был быть удар, чтобы настолько потрясти князя, всегда умевшего смотреть трудностям в лицо. Быть приговоренным к смерти правительством Виши — не такая уж трагедия, скажете Вы. Возможно, но его жена и двое детей — в Париже, без средств, их преследуют полиция и гестапо. Никогда он об этом не говорил. Никогда его не видели печальным. А

теперь, при мысли, что французы будут воевать с французами, он угнетен, разбит..

Бои, бои без передышки. Во главе своего батальона майор Амилахвари, с присущим ему мужеством и энтузиазмом, принимает участие в восточно-африканской кампании, в частности в боях под Агордатом, Альгерой и Кереном, где итальянское сопротивление было особенно сильным.

В Массауа майор Амилахвари со своим батальоном совершает неслыханный подвиг, который стал вскоре известным всей сражающейся Франции. Отважно прорвавшись через весь город, он дошел до порта, захватил несколько миноносцев и взял большое количество пленных, в том числе адмирала, командующего итальянским флотом в Эритрее, и его генеральный штаб. После этой блестящей кампании, и в порядке исключения, Амилахвари повышается в звании и в чине подполковника принимает командование 13-й полубригады...

Знаменитая защита Бир-Хакейма в марте-июне 1942 года стала для Амилахвари и для 13-й полубригады реваншем за все испытания. С Кенигом, со всеми бойцами осажденной там фаланги он испытал гордость, когда с блеском показал всему миру, что французские солдаты, несмотря на поражение 1940 года, не пали духом, и когда доказал самому себе, что, выбрав в 1940 году борьбу за освобождение, он избрал правильный и верный путь. Говоря об этом масштабном сражении, достаточно привести слова одного из подчиненных Амилахвари: «...Он превзошел все человеческие возможности, находясь день и ночь среди нас, без единой минуты отдыха, отдавал приказы, проводя контратаки, всегда в самом пекле огня. Мы не понимали, как он еще держится на ногах».

Из речи генерала армии Катру перед новоиспеченными офицерами Сен-Сира выпуска 1955 года:

«...В жилах Дмитрия Амилахвари текла кровь древнего княжеского рода, давшего миру целые поколения прославленных воинов Грузинского царства, рода Зедгенидзе, для которого верность монарху, воплощавшему родину, была священным долгом. В XIV веке один из предков нашего легендарного сенсирца Ионатан явил собой яркий пример этой верности, грудью прикрыв царя Грузии Георгия VIII от кинжала убийцы, за что благодарный монарх, воздавая должное его самопожертвованию, пожаловал его роду чин обершталмейстера, по-грузински — «амилахвари», переходящий от отцу к сыну, и высокие титулы коннетабля и па-

ладина Гори. Вследствие этого и чтобы увековечить памятное со-
бытие, семья Зедгенидзе взяла фамилию Амилахвари, которую
она продолжала прославлять при царствовании независимых гру-
зинских монархов и впоследствии, после присоединения Грузии к
русской императорской короне.

Отец Дмитрия Амилахвари, князь Георгий, был последним
представителем этого древнего феодального рода сановных вель-
мож, кто пользовался пожалованными его семье привилегиями,
последним представителем феодальной власти, которую он осу-
ществлял, как и его предки, в духе единовластия и патриархаль-
ности. Революция 1917 года лишила его и состояния, и положе-
ния, обрекла на смерть многих его родственников, а оставшихся
в живых вынудила покинуть родину. Среди них был и Дмитрий
Амилахвари.

Так, в возрасте одиннадцати лет, насильственно оторванный
от детства, спокойно протекавшего до тех пор в безопасности и
роскоши, он познал в Константинополе, куда эмигрировала его
мать, превратности и нужду эмигрантской жизни. Он прожил
там шесть лет, в течение которых, продолжая образование в ан-
глийском учебном заведении, тосковал по утраченной родине,
храня в душе надежду вскоре обрести ее снова. Но надежды
рухнули и, покоровшись судьбе, семья направила свои стопы во
Францию, где в 1924 году юный Дмитрий Амилахвари был при-
нят в специальное военное училище Сен-Сира как иностранный
курсант, хотя и изъяснялся по-французски неважно.

Два года спустя он блестяще закончил училище первым в
своем выпуске, в совершенстве освоил наш язык, стал францу-
зом по образу мыслей, оставаясь грузином по духу, снискал лю-
бовь и восхищение всех своих товарищей и стал тем молодым
офицером, которому начальство прочило блестящее будущее.
Эти пророчества оправдались с лихвой, когда Амилахвари всту-
пил в ряды Иностранного легиона. Среди подлинной элиты сфи-
церов всех родов войск, которых вдохновлял общий воинский
дух, он был одновременно и самым безукоризненным и, вместе
с тем, самым скромным, для которого все трудные и неблагодар-
ные задания были желанными и всегда безупречно им выпол-
няемыми...

Всякий, кто его видел, не мог не чувствовать, какое блестя-
щее будущее ожидало его на военной службе. И больше чем кто-
либо, осознавал это, быть может, я, поскольку он находился под
моим непосредственным началом. Однако для того, чтобы это
будущее могло осуществиться, необходимо было устранить одно

препятствие. Надо было, чтобы Амилахвари перестал нести воинскую службу в качестве иностранца и был включен в национальные кадры, что требовало принятия им французского подданства. Между тем (и в этом сказалось все благородство его души), все мои попытки склонить его к отказу от своей национальности были тщетными. Он ответил мне, что высоко ценит оказанную ему честь, что он всецело предан Франции, но считает своим долгом оставаться верным своей Грузии, куда он надеялся вернуться безупречным гражданином. Такой стойкий патриотизм и столь редкое самопожертвование, несомненно, лучше всяких комментариев свидетельствуют о моральном облике этого грузинского князя...»

23 октября 1942 года. 1300 артиллерийских орудий, расставленных Монтомгери на десятикилометровом фронте, прорвали внезапно ночную тишину. Эль-Аламейнское сражение, сыгравшее огромнейшую роль в истории второй мировой войны, началось с самого сильного после Вердена артогня. Бывшая 13-я полубригада, состоявшая уже только из двух батальонов, под командованием подполковника Амилахвари составляла ударную часть. С ними, со своими славными легионерами, грузинский князь, подполковник Дмитрий Амилахвари бросился в смертельный бой, оказавшийся для него последним.

«Он был, — как выразился командующий Иностраным легионом генерал Монклар, — велик во всех отношениях: ростом, благородством, мужеством. И судьба таким образом внесла последний штрих в его духовный портрет.»

И снова из выступления генерала армии Катру перед цензорами выпуска Дмитрия Амилахвари:

«Он был исключительной личностью с большим сердцем и умом, и каждый из его командиров или соратников не сможет не согласиться со мной. В нем мужественная красота сочеталась с возвышенной душой. Из всех качеств, которыми он был наделен, среди самых неизменных, составлявших основу всей его жизни, следует назвать верность, унаследованную им от своего предка Иоанатана, отдавшего жизнь за любимого монарха. Он оставался верным своей родине Грузии, верным Франции, которой, прежде чем пролить за нее кровь, принес в жертву своих детей и жену, княжну Ирину Дадиани, такую благородную и преданную ему в тяжелой разлуке.»

Вся жизнь этого человека, одного из старших сенсирцев выпуска Рифа, жила на глубоком благородстве и должна оставаться в памяти всех сегодняшних сенсирцев и служить постоянным предметом их высоких помыслов. И потому я посвятил ему эти строки, в которых попытался выразить всю мою любовь и восхищение перед этим грузинским князем, павшим за Францию, и все мое глубокое благоговение перед его светлой памятью».

Судьба распорядилась так, что трагическую участь своего любимого супруга вскоре разделила княжна Ирина Дадиани. Спустя два года после геройской смерти Дмитрия Амилахвари, в декабре 1944 года, она была приглашена командиром Иностранного легиона на торжество в честь 13-й полубригады и подполковника князя Амилахвари. Это было в ночь под Рождество. Ирина Дадиани, ее двое детей и одна из сестер сели в присланную за ними машину. Под г. Туром произошла авария. Дети были ранены, а их мать и тетя погибли.

Генерал Кениг, друг, соратник и боевой командир Дмитрия Амилахвари, взял осиротевших детей на воспитание, помог им встать на ноги. Отар Дмитриевич Амилахвари, носящий без титула княжескую фамилию, служил в молодые годы в 13-й полубригаде, легендарным командиром которой в самые трудные дни для Франции был его отец. Дети Дмитрия Амилахвари достойно продолжают славные традиции древнегрузинского рода — любовь к Грузии, верность благородным идеалам.

«Не проходит в этом мире дело доброе бесследно»... «Всех богатств добытых лучше добыванье доброй славы». Эти слова великого Руставели были и остаются путеводной звездой славного древнегрузинского рода Амилахвари, который и на родине, и на чужбине всегда верен Грузии.

Спартак РЕХВИАШВИЛИ

РУСТАВЕЛИ ЗВУЧИТ НА КАБАРДИНСКОМ И БАЛКАРСКОМ

Несколько лет назад из Нальчика в Грузию поступило сообщение: издательство «Эльбрус» выпустило в свет «Витязя в тигровой шкуре» на балкарском и на кабардинском языках. Издания поэмы Руставели стали значительным событием в культурной жизни Кабардино-Балкарии. Эту новую страницу в летопись дружбы и культурных взаимосвязей грузинского, кабардинского и балкарского народов вписали поэты Зубер Тхагазитов и Салих Гуртиев.

Кабардинский поэт Зубер Тхагазитов, лауреат премии комсомола Кабардино-Балкарии, с детства интересовался историей Грузии и грузинской литературой. Еще в школьные годы он часто слышал восторженные отзывы преподавателей о Руставели, о его поэме, об эпохе, в которую жил и творил поэт.

Зубер был студентом первого курса университета, когда впервые прочел «Витязя в тигровой шкуре» в переводе на русский язык Ш. Нуцубидзе. Юноша вскоре настолько увлекся поэмой, что задумал перевести ее на свой родной язык. Правда, как говорит сам поэт, это желание поначалу представлялось ему неосуществимой мечтой. Он сомневался, удастся ли ему передать все лексическое богатство «Витязя», беспокоила мысль о несоответствии стихосложения Ш. Руставели и кабардинского языка. Тем не менее, Зубер погрузился в серьезную работу — он начал изучать историю Грузии, эпоху

Руставели, познакомился с произведениями древней и новой грузинской литературы. Очаровала юношу поэзия Галактиона Табидзе.

Ко дню своего тридцатилетия, 23 сентября 1964 года, он сделал себе подарок: перевел 8 строф поэмы Руставели. Располагая подстрочным переводом, русскими переводами, выполненными Ш. Нуцубидзе и Н. Заболоцким, и различной вспомогательной литературой, он работал настойчиво и напряженно. И уже в 1966 году, к 800-летию Ш. Руставели, в литературно-художественном журнале «Ошхамахо» впервые на кабардинском языке появился его перевод двух глав поэмы («Взятие Каджетской крепости и освобождение Нестан-Дареджан из плена» и «Свадьба Тариэла и Нестан-Дареджан»), получивший высокую оценку общественности. Перевод был опубликован в кабардинском литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Ошхамахо». Успех окрылил молодого переводчика и он с еще большим подъемом продолжил свою работу.

Большой поклонник грузинской культуры, З. Тхагазитов, узнав об открытии в Тбилиси Музея дружбы народов, прислал в дар рукопись своего перевода со следующим письмом:

«Тбилисскому Музею дружбы народов — на добрую память номер журнала «Ошхамахо» («Эльбрус»), где впервые на кабардинском языке заговорил великий Шота Руставели, пламенный певец дружбы народов, навечно сдруживший сердца и души всех честных людей.

С глубоким уважением к новому Музею, с пожеланием счастья, здоровья, долгой жизни всем его сотрудникам.

Закончу перевод поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» — обязательно подарю музею.

Зубер Тхагазитов».

Наряду с кабардинцами и балкарцы получили возможность прочесть на родном языке поэму Ш. Руставели. И это заслуга балкарского поэта Салиха Гуртиева. Родился он в 1938 году в семье рабочего. Учился в школе в Киргизской ССР. Свое первое стихотворение написал на русском языке, так как родного не знал. Школьный товарищ, киргиз Еркинбек Асанов, который также писал стихи, прочел ему киргизский перевод «Витязя в тигровой шкуре». Салиху очень понравилась поэма. Учитель литературы, покровительствовавший юному стихотворцу, посоветовал ему основательно изучить «Витязя в тигровой шкуре», которую сам он ценил очень высоко.

Важную роль в поэтической судьбе С. Гуртиева сыграл Кайсын Кулиев. Однажды по совету матери Салих послал известному поэту свои стихи. К. Кулиев внимательно прочел стихи начинающего собрата и написал Салиху, что из него выйдет хороший поэт, если наряду с русским он не забудет свой родной — балкарский и начнет на нем писать свои стихи. С тех пор С. Гуртиев с особенным рвением взялся за изучение родного балкарского языка, а затем стал и писать на нем стихи.

Уже окончив среднюю школу, Салих встретился с Кайсыном Кулиевым в Нальчике и передал ему несколько своих стихотворений с просьбой высказать о них свое мнение. Поэту понравились стихи Гуртиева. В 1961 году Салих стал автором первой поэтической книги, за которой последовали и другие...

Салих Гуртиев много и плодотворно работал. Он решил перевести на балкарский язык «Витязя в тигровой шкуре», но долго не приступал к этому делу, так как считал себя все еще не готовым к этому. Кайсын снабдил его русским подстрочником и русским переводом руставелевской поэмы. С их помощью Салих в 1970 году приступил к переводу. Сначала перевел предисловие поэмы 15-сложным шаири. Передал сделанное Кайсыну Кулиеву, который сказал, что на балкарском языке руставелевский 16-сложный шаири прозвучит лучше. Салих последовал его совету.

Вскоре в балкарской газете было опубликовано предисловие поэмы в переводе С. Гуртиева со вступительным словом Кайсына Кулиева, который высказывал сожаление по поводу того, что всемирно известная поэма Руставели до сих пор не была переведена на балкарский язык, и высказывал надежду на то, что Салих Гуртиев доведет до конца начатое им благородное дело.

С. Гуртиев выступил по радио и по телевидению с чтением своего перевода. Он более подробно познакомил соотечественников с личностью Руставели, со своими планами в отношении перевода его поэмы на балкарский язык. В ответ он получил массу благодарственных писем. Люди писали, что строки Руставели на балкарском языке звучат так сладостно, как родная колыбельная.

Поэт считает, что такой теплый прием балкарским народом перевода «Витязя в тигровой шкуре» не случаен, что дух поэмы Руставели давно витал в северокавказском регионе. Пожалуй, это предположение не лишено основания. Небезын-

интересно, что, по мысли древнегрузинского историка Леонтия Мровели, наши народы имели одного предка. Известно такое: когда у грузин потухал очаг, они шли за огнем к северокавказским горцам, а те в подобных случаях обращались к грузинам. Помимо литературных и исторических источников о братских отношениях наших народов свидетельствует и обычай «кердзоба» (куначества). «Кердзи» у горцев Грузии — это северокавказский друг, брат, который имеет большие права в семье. Это древнейший обычай дружбы и побратимства, который горцы Грузии сохранили до наших дней. В основе этих взаимоотношений лежали торгово-экономические, ремесленные и культурные связи. Вместе с развитием товарообмена и торговых контактов между соседними народами происходил также обмен духовной культурой. Поэтому грузинские танцы и песни, сказания и предания, а также наилучшие литературные творения издавна были близки народам Северного Кавказа.

Об этом свидетельствует и Кайсын Кулиев. «С детства, — пишет он, — я привык к величию и нежности грузинской песни, к музыкальности грузинского стиха, к колдовской таинственности грузинских легенд и сказок. С тех пор меня очаровывает грузинская хоровая песня». И далее: «Мой народ всегда был ближайшим соседом грузинского народа. У нас много общего в устном народном творчестве».

Первыми переводчиками и распространителями идей Шота Руставели среди северокавказских народов были грузинские крестьяне, ремесленники, торговцы, уходившие туда на отхожие промыслы, на сезонные работы. Преимущественно это были жители одной из горных провинций Грузии Рачи. Ремесленники отправлялись в северокавказские аулы на сезонные работы, торговцы открывали там духаны... Они хорошо знали язык соседних народов и их обычаи. В качестве гостей грузины принимали активное участие в жизни аула. С собой они забирали из дому любимые грузинские книги, и, конечно, в первую очередь — поэму Ш. Руставели. В аулы они по обыкновению входили с пением под аккомпанемент чянури (род волынки), который тоже обязательно забирали с собой. Северо-кавказские горцы с удовольствием слушали грузинские песни, а иногда и сами пели вместе с гостями. «Вспоминают, — пишет Кайсын Кулиев, — как грузины-скотоводы и балкарские пастухи вместе пели высоко на горных пастбищах песни о дружбе. Они же посещали грузинские духаны, где в свобод-

ное время устраивались интересные зрелища, собрания северокавказских и грузинских мужчин, устраивались чтения книг, которые обычно читал рачинец. Чтецы в условленное время читали «Витязя в тигровой шкуре», тут же содержание поэмы пересказывалось на балкарском, карачаевском, черкесском или осетинском языках. Все это подтверждают и народные предания, и сохранившиеся фотодокументы. Так, есть фото, на котором запечатлены работавшие в карачаевском ауле Учкуланы в 1910 году грузинские ремесленники и торговцы, один из которых, некий Сариб Рехвиашвили, стоит, держа в руках книгу «Витязь в тигровой шкуре».

Таким образом, предположение Салиха Гуртиева о том, что дух поэмы Руставели и его идеи давно витали в северокавказском регионе, как мы видим, имеет вполне реальную почву.

ОТ РЕДАКЦИИ: в № 9 на стр. 183 в сноске, во 2 строке снизу пропущены слова: «Существует даже легенда, что он...». Далее — по тексту.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор И. Зурабашвили
Корректор Т. Бадриашвили

Сдано в набор 06.09.89 г. Подписано к печати 26.10.89 г. УЭ 08927. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 6.250. Заказ 2038. Цена 65 коп.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в типографию Издательства ЦК КП Грузии, по вопросам доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5.
Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

26-89

89-530
ИНДЕКС 76117

პროცენტული
ბიბლიოთეკა

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი
„ლიტერატურნია ვრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

